

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)64

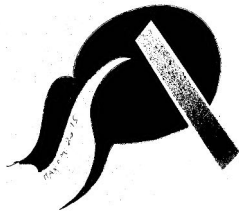

Илья Фальковский
«Книга живых»

Рисунки Пахома

И. Фальковский, 2015
Живет и работает

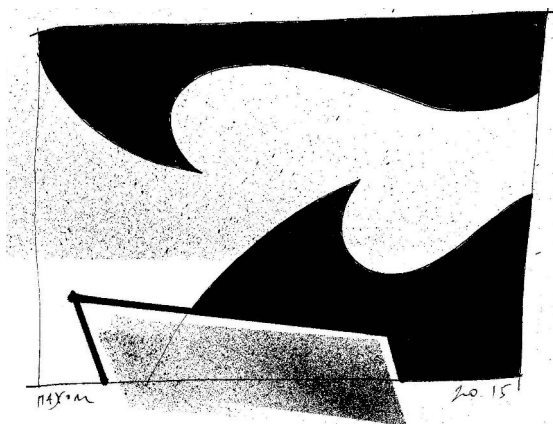
ISBN — 978-5-9904994-2-3

Илья Фальковский

КНИГА ЖИВЫХ

ил-music / лето 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТАЙНА МИКРОБА ФАЛЬКОВСКОГО

Илья Фальковский — заметный московский персонаж. Персонаж в смысле *personality*, личность, потому что чем бы он ни занимался — от книжной торговли до театральных постановок, через занятия китайским языком, активистским искусством или восточными единоборствами, мы всегда «по делам его узнаем его».

Я познакомился с Ильей в конце 1990-х, когда он вел полосу «Масскульт» в книжном приложении Ex Libris к «Независимой газете». Обозревая «трэш» и отмечая первые русские переводы западной классики контркультуры (Берроуз, Стюарт Хоум), Илья в каком-то смысле предвосхитил тренд, затем прочно обосновавшийся на страницах только возникающих «глянцевых» журналов. В то время, когда оппозиция высокой и низкой культуры еще существовала в своем органическом виде и определяла

структуру читательского общества, дать рецензию на новый роман Марининой считалось особым шиком (равно как и поставить на обложку журнала фото Владимира Сорокина со специально изготовленным силиконовым сердцем — представить «серьезного» писателя как поп-фигуру). В дальнейшем консьюмеристский лак покрыл все журналистские тексты приятной и яркой пленкой, а стратегия *pubrow* стала обязательным условием сотрудничества с отделами рекламы, захватившими власть в новых журналах.

К этому времени Илья, поработавший почти со всеми новыми изданиями — от первого журнала о культурной жизни «Что делать?» до «Вечерней Москвы» (будущая «Афиша») с остановками в «Матадоре», «Оме», «Птюче» и проч., — занимался книжным магазином в первом клубе «ОГИ», который находился в частной квартире в Трехпрудном переулке, в районе Патриков и вынашивал идею антиглянцевого журнала «ПГ». Из журнала, напечатанного на дешевой бумаге в какой-то подмосковной типографии, выросла одноименная рэп-группа, фестиваль в Нескучном Саду, на который привезли *Mad Professor*'а, и настоящий (в противовес стремительно коммерциализирующейся «корпорации» Мити Борисова, предлагающей тепло интеллигентских кухонь всем желающим за доступную плату) подвальный клуб в Гнездиновском переулке, без алкоголя, но с диджей-сетам и живой читкой.

Аудиокассета «Противотанковой Гранаты» с четырьмя песнями и тремя бонус-треками стала рождением нового жанра — русского хип-хопа. Успех этого альтернативного самиздата был оглушительный. «2000-й год, Текстильщики, осень» (а так же «Кто работает в «Афише», а кто курит шишки») звучали из всех машин так же, как чуть позже будет звучать сначала «Ленинград», а затем, уже правда не в машинах, а в более камерных пространствах макабры «Кровосток», продолживших арт-эксперимент Фальковского на куда более рациональных основаниях, включающих должность концертного директора и опцию выступлений на корпоративах.

Впрочем, этапы большого пути читатель сможет восстановить из «Книги живых», этой мифологизированной автобиографии, которую те немногие, кто остался (как завещал великий Пригов) жить в Москве, вполне могут прочесть как юмористическую стенгазету или, говоря более литературоведчески, роман с ключом. Вымысел и правда тут смешаны в довольно ясных пропорциях, с превалированием второго ингредиента.

Важнее другое — социальную траекторию Ильи лучше всего описать через метафору «блестящего неудачника». Чем бы он ни занялся, он успевает все забросить до того, как начинание превращается сначала в тренд, а потом в устойчивое явление современной жизни (или в худшем случае — субкультуру).

Засветившись в журналистике, Илья не сделал карьеры и не стал главным редактором чего-либо, хотя имел все валентности: в последние годы глянцевого пузыря в журналисты записывали чуть ли не со школьной скамьи, а главных редакторов искали на выпускных вечерах.

Занявшись книготорговлей и самиздатом, а на некоторое время даже возглавив организацию «Международная книга» (помню, как был удивлен, встретив Илью в деловом костюме на Франкфуртской ярмарке), он забросил книжное дело до того, как новые инициативы объединились в Альянс независимых книготорговцев и издателей, а магазины типа того самого «ОГИ» стали открываться в провинции.

Записав музальбом, забросил не только музыку, но и идею андеграундного клуба или движения, не дождавшись не только «Кровостока», но и всей последовавшей волны «литературного» хип-хопа от буржуазно-дендистского «СБПЧ» до протестной «Макулатуры».

Заинтересовавшись субкультурой антифа (Илья собралустные истории уличных активистов в книжечку в жанре oral history под названием «Дать 3.14зды», первым задокументировав это течение), Фальковский не поучаствовал ни в Химках, ни в уличной практике, и даже не написал важный текст (манифест или большое журналистское исследование) об этом последнем большом молодежном бунте.

Написал первые документальные пьесы (о деле «БОРН» и о суде над организаторами выставки «Осторожно, религия!»), но прекратил участие в активностях «Театра.doc» как раз тогда, когда театр стал заметным событием в московской жизни.

Организовал арт-группу «ПГ» и стал выставляться как художник лет за пять до того, как современное искусство превратилось в мощную индустрию с частными музеями, фондами, вузами и уже несколькими поколениями выпускников ИПСИ, Pro Arte и Школы Родченко, из года в год оккупирующими молодежные биеналле.

И так далее, и так далее. Даже дауншифтинг, со времен переродившийся в актуальное в этом сезоне «пора валить», в жизни Фальковского причудливым образом превратился в жизнь и работу в Китае, где Илья не только выучил сложный язык, женился, но и работает в местном университете преподавателем русской литературы и языка.

В этой ускользающей траектории, не позволяющей Фальковскому заняться чем-нибудь более определенным и добиться в этой определенности гарантированного места в иерархии, можно увидеть не только романтическую охоту к перемене мест и занятий, но и более глубокую причину.

Что его «Книга живых» явственно демонстрирует. Илья — представитель последнего советского поколения, интеллигентный мальчик из благополучной семьи, выросший в профессорских «красных домах»

возле метро «Университет». Он, как и все успевшие застать последние годы СССР хотя бы в минимально-сознательном возрасте, был воспитан другой, резко и навсегда сгинувшей культурой. Та страна готовила своих малолетних граждан либо к Подвигу, равнозначному деяниям отцов и дедов, победивших в самой страшной войне прошлого века, либо к Делу, сопоставимому с покорением космоса. Это программирование поддерживалось и повседневными ритуалами («Будь готов»), и детскими книгами и мультфильмами, и официальной версией истории и ее смысла, транслируемыми через все существовавшие тогда медиа, и странными советскими коммунальными локусами от старых дач до биостанций, от школ до кружков при Дворце Пионеров, в которых и протекала размеренная жизнь последнего поколения. Проза Фальковского неслучайно нашпигована описаниями этой жизни. Он даже языком описания выбрал слегка мутировавший язык советской детской литературы — все эти «Баранкин, будь человеком», «Витя Малеев в школе и дома». Главное отличие состоит в том, что баранкины и малеевы неожиданно обнаружили, что пока они развлекали себя юношеским алкоголизмом и пубертатным бунтом, страна изменилась, все, к чему их готовили, в новой жизни не понадобится. Уроки остались невыученными, поэтому за стилизацией детского апсихологического и слегка отстраненного нарратива не проступают этические максимы, создававшие метафизическую

глубину в оригинальных текстах Радия Погодина или Аркадия Гайдара. Стилизация остается стилизацией; так и не разобравшись с тем, что такое хорошо, а что такое плохо, рассказчик «Книги живых» с увлечением громит квартиры и дачные домики, в описаниях угара автор Фальковский явно опирается на следующий пласт литтрадиции — от «Механического апельсина» до страшных историй из школьных альбомов.

Тем не менее трагедия поколения, лишившегося детства и того образа будущего, который этим детством был создан, резонирует по всей книге. Если в жизни больше нет места Подвигу или Делу, значит и заниматься ничем по-настоящему не стоит. Можно только играть — то в книжный магазин, то в журнал, то в современное искусство. В самом деле, мы же (родившиеся в 1970–80-х) были рождены не для того, чтобы лихо подбивать счета, составлять накладные и удачно капитализировать все вокруг и капитализироваться самим. Неслучайно, когда по сюжету наступают лихие 90-е, рассказчик (а так же встающий за ним автор из крови и плоти), чтобы прокормить семью, идет торговать орденами. Удачная метафора — тут тебе и продажа Подвига, и Дело, напоминающее о детских походах в кружок нумизматов.

В этой горьковатой теме Игры вместо Подвига (или Дела), проходящей красной нитью через всю книгу, на мой взгляд, кроется тайна социальной траектории и самого автора, московского персонажа Ильи

Фальковского. Так и не создав ничего конкретного и стабильного, на чем можно было бы высечь свою подпись, и с чего можно было бы получать вечные дивиденды, Илья поучаствовал в создании всей новой реальности или, точнее, обеспечил ей человеческое измерение. Илья как социальный катализатор всегда создавал вокруг себя атмосферу деятельной игры. Чем бы он ни занимался, вокруг появлялись приятные люди, вовлекаемые им в выдуманную им игру, которая затем начинала жить по законам реальности. Его бывшие друзья или сотрудники открывают издательства и записывают альбомы, герои его репортажей в журнале «Автоном» пишут книги и делают инсталляции, один Илья продолжает прокладывать новые зигзаги, планомерно расширяя пространство Игры. В этом смысле для описания Фальковского гораздо более продуктивной мне кажется метафора не «блистательного неудачника», но микроба, малой частицы другой культуры, которая облагораживает (или инфицирует) людские сообщества так же, как кефирные бактерии воздействуют на молоко.

Теперь у читателей этой книги есть шанс самим заразиться этим микробом, переболеть Игрой и, возможно, получить опыт блистательной неудачи на пути реализации того или иного проекта по преобразению реальности.

*Михаил Котомин
Август 2015 г.*

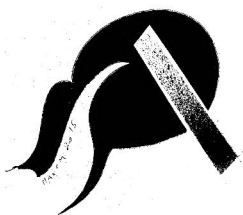

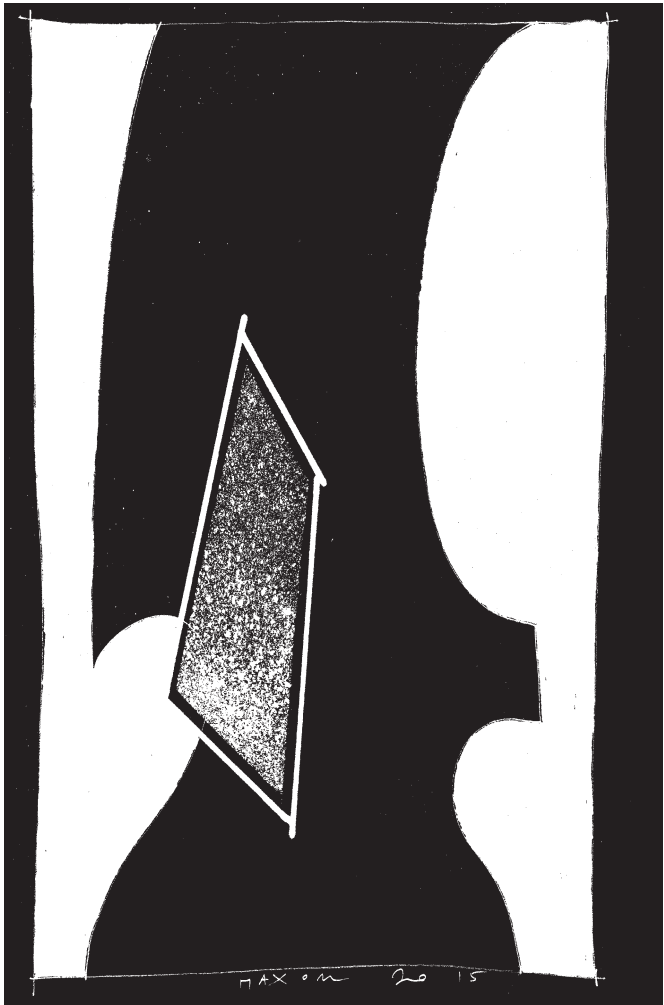

КНИГА ЖИВЫХ

ЧАСТЬ 1

I

Взрослые оживленно спорили. Дядя Петя доказывал дяде Илье, что вождь гуннов Баламбер был великим полководцем. Дядя Илья утверждал, что полководцем Баламбер был никудышным, а одержать победу над готами в 371 году ему помог лишь случай в лице уносившейся от его воинов оленихи — она указала им путь через Сиваш. Дядя Илья и дядя Петя были друзьями Сережиного папы. Сережа в душе был на стороне дяди Ильи — он казался ему более серьезным благодаря тому, что носил очки, к тому же не простые, а полутемные. Дядю Петю Сережа не уважал. Ежегодно на майские праздники родительская компания устраивала шашлыки на природе. Сережа помнил, как однажды дядя Петя напился и заснул на раскладушке. А когда его разбудили, и он встал, обнаружилось, что раскладушка под ним вся мокрая. Сережа не понимал, как мог взрослый человек описаться, словно ребенок. Серезина мама сказала ему, что родительские друзья — известные

люди, математики. Дядя Петя был академиком. Другой академик, дядя Леня, на том же пикнике кидался в друзей бутылками. Сережа был убежден, что, может, они и математики, но явно какие-то ненастоящие. Кроме того, почему его папа не хулиганит, меньше всех пьет, а при этом никакой не академик, а простой доктор наук? Все это не укладывалось в его голове.

Дядя Илья ожесточенно махал руками над ухом Сережи. Почему взрослые так любят выпивать? Что хорошего в этой их водке? Может, у нее какой-то необыкновенный вкус, слаще любимой Сережиной газировки за три копейки из автомата? Воспользовавшись тем, что дядя Илья увлекся беседой, Сережа подвинул к себе его рюмку и быстрым движением опрокинул ее в рот. Гадость оказалась невообразимая. «Обещаю, что когда вырасту и стану большим, никогда не буду пить эту противную водку!» — поклялся про себя Сережа.

Разговор от гуннов и готов перешел к более обыденным материям. Двоюродный брат папы, литератор Андрей, рассказал, что его знакомого, главного редактора «Мурзилки», уволили за опубликованную там загадку: «Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно». Отгадка была: «Качели». Сережа очень любил «Мурзилку». Каждую ночь он клал журнал себе под подушку, надеясь, что плюшевый желтый Мурзилка придет к нему во сне. Но Мурзилка ему так ни разу и не приснился.

Кто-то из взрослых засомневался, что в «Мурзилке» была взаправду опубликована такая загадка. Сереже очень хотелось показать взрослым, что он понимает все, о чем они говорят. Он закричал:

— Да, да, точно, была эта загадка! Я читал!

Взрослые смущенно переглядывались. Сережа видел их смущение, но не понимал его причину.

II

Сережина семья жила неподалеку от Дворца пионеров. Как-то гуляя по парку Дворца, Сережа с мамой решили зайти передохнуть внутрь здания. Обнаружили зооуголок, уставленный кадками с тускло-зелеными тропическими растениями и пальмами, где за стеклянными витринами дремали подобные каменным изваяниям вараны и настоящий крокодил. Поднялись в буфет. Сережа выклянчил у мамы шоколадный эклер, наполненный похожим на теплое мороженое сладким сливочным кремом, и быстро умял его, запивая апельсиновым соком. Потом они наткнулись на объявление о наборе в шахматную секцию. Сережа любил играть в шашки, а мама сказала, что шахматы — куда более умная и интересная игра. Так что Сережа с радостью записался в секцию.

Занятия вел тихоголосый тренер по имени Анатолий Яковлевич Саков. Через пару месяцев в шахматный класс вошла какая-то важная дама и объявила, что тренер заболел. Занятия будет вести новый преподаватель. Высовывавшийся из-за ее плеча пожилой

лысый мужчина отрекомендовался Евгением Ануфриевичем Пенчко. В самом его имени не было ничего странного, за исключением того, что именно так звали Серезиноного дядю, отцовского брата по матери. Сереза с родителями часто ездил к нему в гости. Дядя Женя работал экскурсоводом и возил туристов по местам народных промыслов. Он приглашал с собой и Серезу с сестрой, но Сереза неизменно отказывался — его совсем не прельщала перспектива трястись несколько часов в автобусе ради того, чтобы повидать сто раз виденные дома и в гостях у семейных знакомых палехские шкатулки или дулевский фарфор. В поездках дядя Женя собирал старые поломанные самовары и колокола с оторванными язычками. Притаскивал их домой. Чинил самовары, прилаживал колоколам язычки. Вся его квартира была уставлена самоварами и увешана колоколами. Теперь в эти колокола можно было звонить, и Сереза звонил, звон разносился по усеянному однообразными желтыми коробками девятиэтажек спальному району Чертаново, сотрясая нависшее над ними небо, и люди из соседних домов высовывались из окон и пожимали плечами, недоумевая, что происходит, ведь церковью поблизости не было.

Так что при появлении еще одного Евгения Ануфриевича Пенчко у Серезы от удивления глаза полезли на лоб. Двух Евгениев Ануфриевичей существовать не могло. После занятия он понесся домой, чтобы побыстрее рассказать о произошедшем отцу.

Отец внимательно выслушал Сережу и тоже удивился. Он сказал:

— Во дела.

После чего позвонил своему брату, первому Евгению Ануфриевичу Пенчко. На следующий день тот приехал с тортом и шампанским. Они с отцом пошли во Дворец пионеров. Шахматного тренера там не оказалось, но добродушная служительница выдала им его домашний адрес. По счастью он жил недалеко — через дорогу от Серезинога дома. Папа и дядя Женя позвонили в квартиру. Дверь открыла сухонькая старушка — соседка тренера по коммуналке. Пропищала через цепочку на двери:

— Ждите, я сейчас его позову.

Через пару минут в коридоре раздалось шарканье домашних тапочек. Шахматный мастер приблизился к двери, но цепочку снимать не стал. Серезин дядя слабо улыбнулся и отрекомендовался Евгением Ануфриевичем Пенчко. С минуту два Евгения Ануфриевича смотрели друг на друга. Потом шахматный мастер молча захлопнул дверь. Папа и дядя Женя вернулись домой. Дядя Женя выглядел сокрушенным. Они с отцом выпили бутылку шампанского и съели торт. И дядя уехал к себе.

Разъяснилось все только через несколько лет, когда Сережа учился уже в старших классах школы. У них дома раздался телефонный звонок. Старушечий голос проскрипел, что Евгений Ануфриевич Пенчко скончался. Сережа вначале испугался, что

это умер его дядя Женя. А потом оказалось, что умер шахматный тренер. Снова приехал дядя. Снова они с отцом отправились в ту квартиру. Дверь открыла та же старушка. На этот раз она пустила их внутрь. Комната шахматного мастера была от пола до потолка завалена книгами по шахматам. Среди них в разные стороны, подобно городскому транспорту, деловито сновали большие тараканы. На столе лежала записка. Из записки дядя Женя узнал, что умерший шахматист — его родной старший брат по отцу. Получалось, что у отца дяди Жени была первая жена. Она родила ему сына, которого он назвал Женей. Потом отец ушел к другой женщине. Та тоже родила ему сына, и он тоже назвал его Женей. То ли у их отца была столь бедная фантазия, что он не смог придумать второму сыну новое имя, то ли он крепко тосковал по первенцу. И как в спорте предпринял вторую попытку взять ту же планку.

О существовании первой семьи дядя Женя не знал — его отца Ануфрия репрессировали, когда он был еще совсем маленьким. А старший брат, конечно же, помнил, что отец променял мать на другую женщину. Наверное, всю жизнь он винил ее за то, что она увела отца из дома. Возможно, возненавидел отца, бросившего семью ради этой совратительницы. При встрече с дядей Женей он сразу же понял, что второй Евгений Ануфриевич — не кто иной, как отпрыск этой парочки. Потому и не захотел с ним разговаривать. Но перед смертью оставил ему записку — ведь

других родственников, кроме сводного младшего брата, у него не было.

А Сережа не смог смириться с появлением в его жизни еще одного Евгения Ануфриевича Пенчко. Поэтому перестал ходить в шахматный кружок.

III

Родители решили забрать Сережу из школы и отдать его в другую. Хотя школа считалась семейной — в ней учились двоюродный брат Сережиного папы Андрей, двоюродный брат Сережи Игорь и его старшая сестра Света. Но родители решили, что в этом году их семью обидели — сестре-отличнице незаслуженно не дали медаль.

Среди остальных одноклассников Сережа выделялся тем, что очень быстро умел считать. Учительница спрашивала, например, сколько будет «три плюс четыре», и Сережа шустрее всех в классе поднимал табличку с ответом. Поэтому родители пришли к выводу, что у него явные математические способности, и его надо перевести в математическую школу.

Экзамен в матшколе принимали не учителя, а студенты — ее выпускники. Чернявый очкастый студент задал Сереже задачу про три ящика, в одном из которых лежало два белых шара, в другом — два черных, а в третьем — черный и белый. Все надписи на ящиках были перепутаны. Надо было, вынув только один шарик, догадаться, какие шары в каждом ящике. Сережа бился над решением часа четыре. Студент

выходил из класса, возвращался и с явным нетерпением смотрел на Серезины каракули в тетрадке. Когда студент уходил, Сережа забывал о тетради и глядел в окно. Оттуда доносилось карканье серых ворон. Таял снег, они прыгали по лужам. Брызги грязной воды взлетали вверх. Вороны отряхивали крылья и неодобрительно косились в Серезину сторону. Мама ждала в коридоре. Наконец Сережа получил ответ.

— Мы, конечно, можем, его взять, — сказал студент маме, — но учиться он будет посредственно, на тройки.

— Может быть, не надо переходить? — спросил Сережа у мамы, когда они шли домой.

— Вот еще, не надо, берут, и это главное, значит, идем. А так, что слушать какого-то дурака, который про моего сына гадости говорит? — мама обиженно поджала губы.

Серезе немного жаль было покидать свою английскую школу. Ему нравилась одна девочка из класса, которая жила неподалеку от него. После уроков они вместе на метро возвращались домой. Правда, как она сама рассказала, когда он провожал ее до подъезда, ей и большинству девочек нравился вовсе не Сережа, а его одноклассник, рослый и плечистый Свиридов. Зато недавно соседка Серези по даче Лиза, которая тоже училась в их классе, рассказала, что в Серезу влюблена самая красивая девочка класса — Аня Фетисова. Сережа был к ней равнодушен и вовсе не считал ее красавицей, но все-таки немного гордился этим фактом.

С другой стороны, сам переход виделся ему таким романтическим приключением. Засыпая, он подолгу представлял, как некоторые из девочек будут переживать и тосковать по нему. Наверное, расстроится даже Ира, которую он провожал, — ведь теперь ей придется ездить домой в одиночку, и не с кем будет болтать по пути.

IV

Незадолго до перехода в новую школу Сережа заболел. В принципе, болезнью это было назвать сложно. У него появилась небольшая температура, но никаких других симптомов заболевания не наблюдалось. Но родители все равно заволновались и вызвали участковую врачиху. Пожилая квадратная женщина в бигуди поводила по его грудной клетке холодным металлическим кружочком. Затем засунула ему в рот столовую ложку так глубоко, что Сережу чуть не стошнило. После чего выдала какой-то совершенно не выговариваемый диагноз — стойкий субфебрилитет, что в переводе на русский и означало температуру без признаков чего-либо еще. И посоветовала положить Сережу в клинику на обследование.

В клинике врачи и медсестры с самого начала отнеслись к нему с недоверием.

— Как это, температура есть, а больше ничего нет? — недоумевали они. — Не бывает такого!

— На хулигана похож! — сразу же, как он передел ботинки на тапочки и ступил в коридор отделения,

заклучила дежурная медсестра, толстая тетка лет пятидесяти.

Эта медсестра оказалась настоящим исчадием ада. Она везде преследовала Сережу и то и дело заставляла его перемеривать температуру. Он мерил ее постоянно — во время еды, чтения, игры в шахматы с соседом по палате Груздевым, в кровати перед сном и после пробуждения, на посту медсестры. С Груздевым, нескладным подростком со впалыми щеками и взрослым лицом, Сережа подружился. Как только он появился в палате, Груздев подошел поближе и запустил пятерню ему в волосы. Защелкал ногтями.

— Что ты делаешь? — спросил Сережа.

— Вшей твоих передавил, — ответил Груздев.

И Сережа поверил. Однажды, играя с ним в шахматы, Сережа двинул фигуру вперед, забыв про градусник под мышкой. Градусник стремительно полетел вниз, в последний момент Сережа успел резко прижать его локтем. Раздался хруст. Получив сломанный градусник, дежурная Ивановна довольно вынесла вердикт:

— Я ж как в воду глядела, что он хулиган! Сразу же раскусила эту сволоту. Небось, так температуру хотел намерить, гаденыш, тер, тер градусник, вот он и сломался.

А тут и вправду с температурой стали происходить странные вещи. Когда Сережа мерил ее в кровати, то она оказывалась повышенной, но когда его

заставляли перемеривать на посту, то вдруг становилась нормальной. Это окончательно укрепило весь персонал в подозрении, что он симулянт. Но его не выписывали, надеясь поймать на месте преступления и докопаться, как это он так ловко наострился натирать градусник.

Как-то вечером мальчик со смешной фамилией Занездра предложил сходить в палату к девочкам. Сережа стеснялся девочек, но отказаться не решился. Занездра так залихватски подмигивал левым глазом, что предложение показалось заманчивым еще нескольким мальчикам. Всей палатой они отправились в другой конец коридора мимо пустующего поста медсестры. Девочки лежали на кроватях и болтали друг с другом.

— А это кто темненький, такой симпатичный? — поинтересовалась одна из девочек, лет четырнадцати. — Новенький, что ль?

— Да, я новенький, — подтвердил Сережа. — Всего несколько дней назад поступил.

— Иди сюда, — сказала девочка и показала на кровать.

Сережа сел на краешек кровати, смущенно отведя глаза в сторону. Девочка попробовала завязать с ним беседу. Он не очень умел разговаривать с незнакомыми девочками и отвечал невпопад. С соседней койки слышались вопросы Занездры:

— Дашь, ха-ха?

— Не дам.

— Да я сам возьму.

Сережа не понимал, о чем он говорит. Краем глаза увидел, что Занездра пытается потрогать девочку за грудь.

В этот момент в палату ворвалась Ивановна.

— Так, вы что здесь делаете, хулиганы? Ага, в полном составе. И симулянт здесь. А ну марш, по койкам!

— Ну, Вера Ивановна, — заканючил Занездра, — ну еще пять минут, ну, пожалуйста, пять минут, и пойдем.

— Так, чтобы ровно через пять минут были на месте, — и Ивановна вышла.

— Давайте выключим свет и спрячемся, чтобы нас не нашли, — предложил Занездра.

Все поддержали его предложение. Он выключил свет. Сережа залез под кровать девочки и прижался к стене. Через пять минут он услышал шум открывающейся двери. Включился свет.

— А ну вылазьте, хулиганы! — орала Ивановна.

Оказалось, все остальные мальчики кроме Сережи залезли не под кровати, а в кровати к девочкам. Теперь они, щурясь от резкого света и поеживаясь, вылезали из-под теплых одеял. Одного за другим Ивановна вытолкала их из палаты. Девочки хихикали. А Сережа от страха не решился выползти. Его никто и не заметил. Ивановна снова выключила свет и ушла. В кутерьме девочки тоже про него забыли. Так он и остался лежать, не зная, что делать дальше. Выходить страшно, с каждой минутой все страшнее.

Что подумает Ивановна, когда он один выйдет из темной палаты девочек? Как он объяснит, что там делал? Остаться глупо. Сережа думал, думал, и потихоньку задремал. Проснулся от ударов шваброй. Это Ивановна совершала утренний обход, обнаружила его пустую койку и снова прибежала к девочкам.

— А ну вылазь, гребарь ушастый! — кричала она. — Небось, за ночь всю палату перетрахал, симулянт вшивый!

С тех пор по всему отделению разнесся слух о необычайных сексуальных способностях Сережи. Вечером Сереже передали, что его зовет зайти к себе в палату «главный» парень среди лежащих в отделении по кличке Костер. Сережа и раньше слышал, что есть какой-то главный, но почему он главный, и за что его все боятся, не понимал.

Сережа вошел в палату к Костру. В центре комнаты важно полулежал на койке здоровый бугай. На вид ему было лет пятнадцать. Сережа догадался, что это и есть пресловутый Костер. На соседних койках валялись другие мальчики, помладше. Костер смерил Сережу недобрым взглядом.

— Подойди ближе.

Сережа подошел.

— Держите его! — скомандовал Костер подручным.

— Соси, — приказал Костер Сереже, показывая руками на ширинку, и стал расстегивать штаны. Сережа не знал, что значит «сосать», но понял, что это явно что-то нехорошее. Он вывернулся из-под руки левого

мальчика и с силой толкнул второго. Тот отлетел в сторону. Сережа бросился бежать из палаты. Первый мальчик попытался схватить его за ногу, но Сережа лягнул его что было мочи и вылетел в коридор.

А утром у него заболели железки, начался настоящий жар. Врач сказал, что он подхватил в больнице свинку. Со свинкой его уже нельзя было держать на обследовании, так что теперь его с чистой совестью вытурили. Причину его повышенной температуры так и не нашли.

После выздоровления Сережа настолько ослаб, что отцу пришлось еще месяц его выгуливать по дорожкам вокруг дома, чтобы он смог набрать силы и пойти в школу. Из больницы к вящему неудовольствию отца Сережа почерпнул два новых умения — материться и, цыкая языком, сплевывать слюну сквозь зубы.

Впрочем, на взгляд Сережи, отец и сам был хорош. Летом они с отцом, мамой, сводным братом отца дядей Лешей и его сыном Шуркой ходили в поход по Волге на байдарках. Со своим братом Лешей отец познакомился незадолго до того. История обретения отцом новоявленной родни была такова. Своего собственного отца, Сережиного деда, он никогда не видел, а мать говорила, что его репрессировали. Когда отец защищал кандидатскую диссертацию, объявление об этом, как было принято в то время, разместили на последней странице газеты «Вечерняя Москва». В разгар банкета в честь защиты кто-то окликнул отца, он обернулся и увидел толпу

человек из двадцати с цветами и шампанским — это оказались его братья и сестры по отцу, они прочитали объявление и таким образом нашли своего последнего потерянного брата. Они бросились тискать и целовать отца. В тот же вечер его повезли знакомиться с дедом — оказалось, что он жив-здоров и никаким репрессиям никогда не подвергался, хотя и мог бы — за многоженство и неуплату алиментов. Дед был женат семь раз, наплодил многочисленное потомство, и все это время благополучно служил художником в цирке. Образования своим детям дед, разумеется, никакого не дал, дядя Леша, например, работал простым мастером по холодильникам, хотя своей импозантной внешностью, ниспадающими на глаза кудрями, вельветовым пиджаком и перстнем на указательном пальце скорее напоминал актера.

Из похода должны были вернуться в Москву поездом со станции Харабали. Причалили к берегу, собрали байдарки, упаковали их в чехлы, вынесли на платформу и уселись на скамейки в ожидании поезда. До его прихода оставался еще час. Уставшие после дневного перехода взрослые закемарили сидя, а Сережа с Шуркой улеглись на скамейку и провалились в крепкий сон, даже многочисленным кровососам комарам не удавалось его нарушить. Проснулись от гудка приближающегося состава, впопыхах схватили байдарки, нацепили рюкзаки, ломанулись к вагону. Дядя Леша, не заметив бегущего за ним

Сережу, вильнул рюкзаком. Нижний угол заехал Сереже в нос, сбив его с ног в канаву. Сережа под тяжестью собственного маленького рюкзака с трудом вскарабкался с земли, утер рукавом выбежавшую из носа тоненькую струйку крови и понесся догонять взрослых. Поезд останавливался на этой станции всего на минуту. Он прощально гуднул, набрал скорость и скрылся за поворотом, махнув хвостом.

Пришлось поменять билеты на следующий поезд, через два часа. На этот раз решили заранее быть наготове. Отец велел вскакивать в любой из вагонов, который окажется ближе, а не бежать до своего. Сидели как на иголках, то и дело глядя на часы, наконец вдали появился локомотив. Поезд, приветливо шипя, подошел к перрону, притормозил. Они со всех ног понеслись к остановившемуся напротив вагону.

— У вас какой вагон? — прокричал из тамбура долговязый проводник.

— Девятый, — честно отвечал дядя Леша.

— Какая к черту разница! — кричал отец.

Но проводник уже говорил:

— Не, вам не сюда, это семнадцатый, — показывая рукой куда-то в сторону и закрывая вход в тамбур грудью, как Матросов амбразуру.

И тут отец обложил его трехэтажным матом, да таким неслыханным, что проводник оторопел, как-то сразу скис и растерянно пожаловался дородной проводнице из соседнего вагона:

— Надо же, такой интеллигентный, лысый, в очках, а так ругается...

Почувяв, что проводник дает слабину, Сережа воспользовался моментом. Действуя по инструкции отца, проскользнул у проводника между ног и откинул площадку, обнажая ступеньки, по которым вверх полезли все остальные. Они были спасены и теперь радостно гогоча, проталкивались вперед, своими рюкзаками и байдарками вдавливая проводника в стену, а он все так же зачумленно смотрел в сторону отца, удалившегося в полутьму вагона.

Деда Сережа видел всего пару раз, вскоре после знакомства с отцом он умер от пьянства, но его последняя жена балерина уверяла, что сам он пить не любил, а пил просто из вежливости с алкоголиками-клоунами, и они его споили. Самого известного из этих клоунов, полного человека с круглым красным лицом Сережа наблюдал в гостях у деда. Он все время шутил одну и ту же шутку — незаметно подкладывал детям на стул привезенную им из Японии надувную лягушку-пердушку. Лягушка издавала неприличный звук, дети пугались и чуть не плакали, а клоун один радовался собственной проделке, разражаясь неизменным громким хохотом.

Вскоре после смерти деда умер и дядя Леша, тоже от пьянства. Сережа присутствовал на его поминках, но был еще слишком маленьким, чтобы расстроиться и осознать, что такое смерть. Он запомнил лишь, как выступил дядя Толя, муж отцовской сестры тети Гали,

которая работала продавщицей в булочной и, появляясь у них в гостях, подкармливала Сережу вкусными булочками с яблочным повидлом. Дядя Толя работал таксистом, он произнес короткую, но трогательную речь на странном музыкальном языке, каком-то промежуточном между обычной речью и знакомой Сереже по больнице матерной. Он встал, поднял бокал и сказал:

— Умер наш брат, на, Леша, на. Леха, на, ты ушел, на, оставил, на, нас одних, на. Нам будет, на, тебя не хватать, на, Леха, на, но ты всегда будешь, на, в нашей памяти, на, в наших сердцах, на, с нами, на. Мы никогда не пойдем, на хрена ты ушел, Леха, на. Так что выпьем за тебя, на, Леха, на, братан, на.

Он прослезился, осушил свой бокал и сел. И все выпили вслед за ним.

V

В новой школе Сережа учился средне, но все-таки не на одни тройки, как предсказывал студент. На математике и физике он откровенно скучал, его больше увлекали история и литература. Однажды учительница литературы, почему-то прозванная школьниками Морковкой, объявила, что раз в неделю после уроков будет вести литературный кружок. Любопытства ради Сережа решил сходить. Все занятие Морковка восторженно рассказывала, какие разносторонние и талантливые люди получают из ее учеников. А потом дала задание написать дома

рассказ. Сережа написал юмористический рассказ о том, как он объелся блинчиков, провел все утро в туалете и из-за этого опоздал на уроки. Прочитал его родным. Все очень смеялись, особенно бабушка, испекшая блинчики.

— Все надо в меру, как сказал Неру, — неожиданно заключила она. Присказки были у бабушки в ходу на каждый случай.

Но на следующем занятии Сережа постеснялся прочитать свой рассказ. Когда до него дошла очередь, покраснел до ушей и сказал, что пока не успел ничего сочинить. После этого он на кружок ходить перестал. Впрочем, юмор свой он вскоре постарался проявить, но не в литературе, а в более жизненной ситуации.

Классная руководительница раздала всем библиотечные формуляры и попросила их заполнить. Кроме имени и фамилии, там была графа «национальность». Сережа вспомнил почему-то популярные анекдоты про чукчу. И вписал в графу — чукча. Классная руководительница собрала формуляры. А на следующем уроке вызвала его к доске и отчитала перед всем классом.

— Все нормально заполнили формуляры, — сказала она. — Правильно указали национальность. Русский, татарин, еврей. А Соколов знаете что написал? Чукча!

Класс грохнул со смеху. Но выяснилось, что Сережино чувство юмора сильно отличается от чувства

юмора остальных одноклассников. Смеялись не над чукчей из анекдота, смеялись над ним. С тех пор к Сереже прилепилось обидное прозвище «чукча». Правда, постепенно в устах нескольких одноклассников оно сократилось до запанибратских Чука, Чуфа или просто Чу. Но Сереже легче от этого не было. Ведь все помнили, что на самом деле он — чукча. И некоторые продолжали дразнить его обидным полным прозвищем. Особенно усердствовал щуплый и прыщавый одноклассник по фамилии Шкуро. Он высовывался из-за каждого угла и вопил на всю школу: «Чууукча!», после чего убегал и прятался. Несколько раз Сережа ловил его и пробовал бить. Но это не помогало. Битый Шкуро еще громче завывал: «Чууууукча!!!» Вопль его гулким эхом отражался от стен и разносился по этажам.

VI

Сережины родители сняли новую дачу, у отцовского учителя, физика-академика. Поселок так и назывался — Поселок Академиков. Сорок дач посреди непролазного леса. Поросший вековыми деревьями участок был необъятным — больше гектара величиной, прямо на участке можно было собирать грибы и малину. Поначалу Сереже было скучно без компании, но потом племянница хозяина познакомила его с двумя мальчиками с соседских дач. Один из них, молчаливый Митя с большими воловьими глазами, происходил из известной научной семьи. На второй

день знакомства, видимо, желая выразить свои дружеские чувства к Сереже, он ударил его ногой и сломал палец об его колено. Сережа очень боялся, что Митины родители будут винить в случившемся не Митю, а его, но все обошлось, и они продолжили общаться как ни в чем не бывало. Большая Митина семья в Сережиных глазах выглядела образцом старой интеллигенции. На праздники на Митину дачу съезжалось много гостей, вместе с Митиными родственниками они ставили театральные спектакли, играли в шарады, буриме и другие литературные игры, о существовании которых Сережа раньше даже не подозревал.

На следующей даче после Митиной жил Андрюша, внук академика живописи. Это был чрезвычайно живой и общительный мальчик. На его даче водились книжки комиксов, и сам Андрюша любил рисовать смешных человечков. Про второго его дедушку взрослые рассказывали, что он антисоветчик и живет за границей. От этого дедушки Андрюше в обилии поступали комиксы про Астерикса и Тантана и заграничные игры типа «Стратего» и «Монопольки». Теперь целый день, с утра до вечера, ребята просиживали за игрой в «Монопольку».

— Вы как на работу ходите, — пошутил старший брат Мити как-то раз, когда очередным утром Сережа зашел за Митей по пути на Андрюшину дачу.

В поселке жили еще два-три мальчика помладше, входившие в дачную компанию Андрюши и Мити.

Все эти мальчики, старшим из которых уже было по двенадцать лет, любили играть в войнушку. Сереже казалось странным, как это в таком серьезном возрасте можно гоняться друг за другом с деревянным ружьем и кричать «Пиф–паф, ты убит!» Но не отказываться же от игры и оставаться в одиночестве. Так что и он прятался в кустах, а потом выскакивал и, наставив ружье на противника, задорно кричал: «Пиф–паф»!

На каждом дачном участке стояли два дома — большой и маленький, который называли сторожкой. Никаких сторожей в поселке на самом деле не было, обычно в маленьком домике жил какой–нибудь отделившийся отпрыск разросшейся академической семьи. Сережины родители снимали тесную сторожку, состоявшую из маленькой кухни и двух крошечных смежных комнат. Зато туалет и раковина были внутри, а не во дворе. Отсутствовала только ванна, так что мыться ходили в большой дом. На следующий год после их приезда в большом доме появились новые съемщики — гитарист дядя Женя с женой Эллой и сыном Колей. У дяди Жени была какая–то болезнь правой руки, так что играть на гитаре он больше не мог. Зато со временем показал Сереже, как брать три аккорда и исполнять дворовые песни. Длинный и сутулый Коля был обрит наголо. Причину обритости он утаивал, но мальчишки подозревали, что ей закономерно предшествовала вшивость. Колю прозвали «Лысыком».

Поскольку Коля с Сережей жили на одном участке, то и ходить в гости на соседние дачи стали вдвоем. Коля уже с утра пораньше стучался в дверь Сережиной сторожки и ждал у входа, пока тот позавтракает и выйдет во двор. Иногда они садились на велосипеды и ездили кататься по окрестностям. Как-то раз выехали из поселка в сторону железнодорожной станции, миновали старинную усадьбу, где теперь располагался музей, знакомые места закончились, они покатали по шоссе дальше. Проехали мост через вонявшую гнилью речку, преодолели длинный пологий путь в гору и оказались в небольшом городке. Сережа увидел слева красивое белое здание, похожее на церковь, только без крестов. Показал на него Коле рукой. Сережа свернул с дороги — ему хотелось осмотреть здание поближе. Поехали вокруг него. В садике у дальней стороны наткнулись на группу разновозрастных ребят с сигаретами в зубах.

— Здорово, пацаны, вы откуда будете? — процедил коренастый крепыш лет пятнадцати.

— Мы из дачного поселка, катаемся, — объяснил Сережа. — Хотели узнать — это что за здание, церковь, что ли?

— Раньше церковь была, теперь клуб, — пояснил крепыш. — Насос задаришь?

— Не, как я без насоса?.. — чуть замявшись, ответил Сережа.

— А катафоты?

— Не, не, — смущенно пробормотал Сережа

и поторопился проехать мимо крепыша. Боковым зрением увидел у него в руках какую-то трубку. Услышал свист. Выехал на дорогу. Но дальше ехать не получалось. Он с большим трудом жал на педали, но колеса еле крутились. Сережа слез с велосипеда. Осмотрел его. Заднее колесо было спущено. Из него торчал гвоздь.

— Это они в трубки дули и из них гвоздями стреляли, — пояснил подоспевший Коля.

Сережа озадаченно смотрел на велосипед.

Из-за клуба выдвинулись парни и пошли к ним. Коля вскочил на велосипед и укатил.

— А ты чего не уехал? — спросил самый взрослый из парней, подойдя к Сереже.

Сережа показал пальцем на крепыша:

— Как же я уеду, когда этот козел мне колесо проколол, — сказал Сережа и осекся, сам удивившись, как это у него вдруг так неожиданно с языка слетело слово «козел».

— За козла ответишь, — рыкнул тот и ударил Сережу кулаком в зубы. У Сережи потемнело в глазах, из губы пошла кровь.

— Ты что, ты что, — торопливо проговорил крепышу старший, — не бей его. — Он больше не будет, — старший хлопнул Сережу по плечу, — пойдём с нами, поговорим. А где твой друг?

— Да вон, бросил меня, уехал, — сказал с обидой Сережа, показывая на маячившую метрах в двухстах впереди на дороге спину остановившегося на

безопасном расстоянии Коли. Непонятно почему, обидевшись на Колю, он преисполнился доверия к новым знакомым. Пошел с ними обратно за клуб, катя велосипед рядом. Завернули за угол. Вдруг один из парней ногой выбил у Сережи велосипед. Еще двое схватили его за руки, остальные навалились на него и оторвали от земли. Потасили к дереву. Сережа барахтался, изо всех сил пытаясь вырваться, еще не вполне понимая, что происходит. Его привязали к дереву невесть откуда взявшейся веревкой. Худенький пацан с падающими на глаза белыми кудрями поднял зажатую в кулаке трубку. Сосредоточился и выстрелил из нее в Сережу. Гвоздь воткнулся ему в руку. Сережа вскрикнул от боли. Еще один парень выстрелил вслед за первым и попал ему в ногу. Третий гвоздь воткнулся в живот. Гвозди втыкались неглубоко, но боль была сильной. Рубашка намокла от крови.

Двое других парней приволокли пойманного Кольку. Его привязали к соседнему дереву. Сережа не видел, что происходило за спинами парней, но, судя по ойканью и крикам Кольки, в него тоже летели гвозди.

— Ладно, хватит, — скомандовал старший парень. Сережу отвязали.

— Пошутили, и будет, — сказал старший. — Мы вас отпускаем. Пожмите ему руку.

Маленький вертлявый паренек первым протянул Сереже руку. Сережа обрадовался. Вот и все. Теперь можно будет идти домой. Все будет как раньше.

Катанье на велосипедах по поселку, игра в «Монопольку». Он пожал протянутую руку. В тот же момент левой рукой паренек ткнул Сережу в нос. Бойко хлынула кровь. Со всех сторон раздался громкий смех.

— Ну, ладно, все, теперь по-настоящему отпускаем, — сказал старший.

Коренастый дружелюбно улыбнулся и протянул Сереже свою лапу. Тот опять пожал. Коренастый нанес левой короткий удар в челюсть.

Потом они каждый раз говорили, что больше не будут бить, протягивали руки, Сережа каждый раз как в тумане пожимал, и его снова били. Наконец протянул руку старший.

— Ну, все, уходи давай, — сказал он.

Сережа пожал, и старший ударил его в зубы, так что небо перевернулось, Сережа попытался удержать в руке его ладонь и отключился. Он пришел в себя, оттого что его поливали водой. Над ним нагнулись Коля и какая-то старуха.

— Умойся, внучек, — сказала старуха.

Сережа встал. Его пошатывало. Умылся водой из ведра.

— Я за этой бабушкой сбегал, у нее тут дом через дорогу, — объяснял Коля.

Потом они подняли велосипеды и пошли домой. Идти было тяжело, Сережу тошнило, кружилась голова. Дошли они к ночи. У забора их ждали разволновавшиеся родители. Мать при виде Сережи всплеснула руками. Утром вызвали врача, и Сережу

с сотрясением мозга отвезли в райцентр, в больницу. В палату приходил милиционер, заставлял по нескольку раз повторять одни и те же детали происшествия. Наконец Сережа изложил ему все, что с ним случилось, милиционер закрыл блокнот, похлопал Сережу по плечу.

— Не парься, шрамы нас мужиков только красят, вот меня в детстве тоже часто били, а теперь смотри, каким красавцем вымахал.

Сережа с сомнением покосился на его мясистую физиономию с вдавленным посередине шариком носа. Когда через неделю Сережу выписали, его мама рассказала, что отец Сережи и отец Коли, вооружившись гаечными ключами, ездили к клубу искать их обидчиков, но никого не нашли. На следующий день после возвращения из больницы Сережа с Колей и их отцами поехали в город, в отделение милиции. Там их посадили в милицейскую машину, и они отправились на розыски хулиганов. Заезжали в какие-то бараки. Милиционеры стучались в двери, им открывали пьяные мужики, все синие от татуировок, за их спинами виднелись проломленные тахты, раскладушки, нары, на которых сидели или лежали такие же синие мужики. Потом снова ехали по городу. Наконец им улыбнулась удача. В группе переходивших дорогу подростков Сережа узнал одного из младших парней. Его затолкали в машину и отвезли в отделение, а Сережа и Коля с отцами вернулись на дачу. Через несколько дней отец рассказал

Сереже, что паренек оказался младшим братом главаря. Так что всех довольно быстро поймали. А еще через пару дней у их дачи остановилась Волга. Из нее вышел, смущенно улыбаясь, круглолицый толстячок. Он вызвал отца Сережи на разговор. Отец вернулся всего через несколько минут с каменным лицом. А переставший улыбаться толстячок сел в машину и уехал. Потом Сережа выпытал у мамы, что толстячок был городским прокурором, и среди напавших на них с Колей был его сын. Толстячок говорил, что ему грозят большие неприятности по службе, и предлагал отцу Сережи любые деньги, чтобы тот замаял дело. Но отец послал его куда подальше.

Суд был через год. Год — большой срок для подростков, за это время все так изменились, что, сидя в зале суда, Сережа, как ни старался, не смог узнать никого из своих обидчиков. К тому же оказалось, что двоим самым старшим успело исполниться по восемнадцать лет, и они каким-то хитрым образом прямо из-под следствия ушли в армию. Наверное, все же постарался городской прокурор, сумевший избежать своих неприятностей. Еще двоим дали по два года условно, а остальных просто поставили на учет в милиции.

VII

В школе Сережа подружился с двумя одноклассниками. Одним из них был сообразительный, но немного хулиганистый Мальков, с которым он сидел за одной партой. Другой — тихий задумчивый мальчик по

имени Марк — был лучшим в классе по математике. После уроков они прогуливались вокруг школы, и Сережа пересказывал Марку какую-нибудь из прочитанных в очередной книжке историй, а Марк молчаливо слушал. Как-то раз Марк сказал Сереже, что он и еще несколько ребят из класса задумали перейти в другую школу, более сильную по математике.

— Может, ты тоже пойдешь вместе с нами? — спросил он.

Сереже не очень нравилась математика. Он тянул ее просто потому, что дома дополнительно занимался с отцом. Но с другой стороны, эта школа ему тоже не шибко нравилась. А вдруг новая окажется лучше? Посоветовался с Мальковым. Тот сказал, что тоже перейдет в новую школу, здесь ему надоело. Сережа подумал, что оставаться без друзей будет уныло. Ну, и самое главное — переход сулил шанс избавиться от позорного прозвища «чукча».

Был еще один немаловажный довод. В новой школе, в классе, набранном на год раньше, учился сосед по даче Митя. Так что после недолгих раздумий Сережа поехал сдавать экзамены вместе с Марком и Мальковым. Школа находилась в самом центре, среди старинных особнячков и церквей. Стояла хорошая погода, у выхода из метро они купили мороженое в хрустящих вафельных стаканчиках, и теперь весело обсуждали предстоящую новую жизнь, но чем ближе они подходили к школе, тем сильнее у Сережи стучало сердце от страха перед экзаменами.

Всего из их класса пробовали перейти десять ребят. К своему ужасу Сережа на первом собеседовании среди знакомых лиц обнаружил ухмыляющуюся рожу Шкуры. Оставалось надеяться, что Шкуро провалится на экзаменах.

Экзамены проводились в четыре тура, как и в прошлый раз сдавать их нужно было выпускникам. В общем—то у Сережи и его одноклассников были все шансы поступить — в своей математической школе они уже нашиповались решать самые сложные задачи. На первом туре Сережа справился с тремя из шести. Оказалось, что это неплохой результат — большинство остальных учеников решили еще меньше. Так что Сережу пригласили сразу же на третий тур, минуя второй. Но в день экзамена он так разволновался, что у него при приближении к зданию школы внезапно подскочила температура. Во время собеседования его то бросало в жар, то колотило от озноба. Сережа не мог сосредоточиться, и, чтобы успокоиться, придумал считать про себя до двадцати пяти. Посчитал один раз — не помогло. Посчитал второй, третий. Так и просчитал почти все время как заведенный, не в силах остановиться и взяться за задачи. В итоге успел из них одолеть всего полторы. К четвертому туру он окончательно разболелся. Родители решили, что ему лучше оставаться дома. И он пропустил экзамен.

Наступило лето. Сережа на два месяца отправился с родителями на море в Латвию. Из новой школы так и не позвонили. Сережа понял, что не прошел.

Жили в палатке посреди узкой сосновой полосы между шоссе и кромкой дюн. Отец ездил на машине в городок за продуктами, еду готовили в почерневшем от сажи котелке на костре. Сережу уже привозили в это место, когда ему было три года. Тогда они с сестрой рыли глубокие ямы в песке, во время прибоя их наполняла вода, и они превращались в колодцы в пустыне. Еще строили песчаные замки с башенками и дворцами. Но сейчас, когда он стал взрослым, Сережа просто валялся на берегу и смотрел на небо. Облака суетливо носились друг за другом, словно играя в салки. Поначалу ему казалось, что два месяца — это так долго, что они никогда не закончатся. Но время неумолимо бежало вперед, день за днем приближалась дата возвращения домой. А Сереже так не хотелось идти в опостылевшую старую школу, в которой теперь, скорее всего, уже не будет Марка, а то и Малькова.

В соседней палатке отдыхали друзья родителей с взрослым сыном. Слава, подслеповатый юноша в толстых очках, оказался выпускником этой недосягаемой школы, его одноклассники принимали экзамены у Сережи. Он не ходил на море, а все время проводил в палатке с книжкой по математике в руках. Сережа не решался отвлечь его от чтения и заговорить с ним, смущаясь того, что наверняка правда о его поражении уже донеслась до Славы через родителей. Когда Слава выходил к ужину из палатки, Сереже казалось, что он крайне высокомерно

посматривает в его сторону, поджимая узкие губы, и явно норовит неодобрительно фыркнуть.

На исходе лета пришлось вернуться в Москву. Наступил новый учебный год. На линейке первого сентября Сережа убедился, что класс сильно поредел. В новую школу приняли всех, кроме него и Шкуры. А через несколько дней позвонил Марк.

— Ты куда делся? — спросил он. — Я тебе все лето звонил.

— Да мы в Прибалтике отдыхали, — пояснил Сережа.

— Переходи в новую школу, — сказал Марк.

— Как это переходи? — меня же не взяли.

— Да никого не взяли. Просто наша старая школа поругалась с новой, что они учеников переманивают. Вот они никому специально и не звонили. Но потом родители потихоньку ходили, договаривались, и одного за другим всех приняли. А тебя не было.

Сережа поехал в школу с мамой.

Дождались в коридоре учителя математики, человека средних лет с благородным лицом и орлиным профилем. Его прозвище Граф вполне соответствовало его внешности. Граф взглянул на Сережу.

— Как его фамилия? — спросил он маму.

— Соколов.

— Я беру его.

На этом разговор закончился. Впоследствии мама уверяла, что учителю так понравилось умные Сережины глаза, что он решил его взять после первого взгляда.

DAX. 4. 20 15

Но Сережа был уверен, что учитель, просто услышав его фамилию, вспомнил результаты экзаменов.

Так он перешел в новую школу на месяц позже остальных одноклассников. Все было бы хорошо, если бы не преподаватель физкультуры, пожилой краснолицый мужчина, обладатель американского имени Джон и персидской фамилии Хусейни.

— Ага, блатной, — прокаркал он при виде Сережи, — иди отжиматься.

Сережа безропотно пошел, хотя недоумевал — почему это он блатной.

— А теперь подтягиваться, — скомандовал физрук.

Так он муштровал Сережу на каждом уроке. То подтягивайся, а то отжимайся. Однажды Сережа набрался храбрости и по пути к турнику спросил:

— А почему я блатной?

Лучше бы он этого не делал.

— Как еще почему? — загрохотал Хусейни на весь зал. — Что я не помню, как твой отец здесь все пороги обивал, чтобы тебя взяли?

Сережа хоть и залился краской стыда, но все равно удивился — когда это такое могло происходить. Ведь весь сентябрь его отец был в научной командировке за рубежом. Спросил дома у папы. Отец рассвирепел и на следующий день отправился в школу. Потом он рассказывал, что зашел прямиком в подсобку физкультурника. Протянул ему руку, сказал:

— Привет.

— Я вас не знаю, — удивился физрук.

— Как не знаешь? — удивился отец. — А мой сын сказал, что мы старые приятели.

Тут и выяснилось, что Хусейни перепутал его отца с отцом Шкуры, который действительно ходил по учителям и просил, чтобы его сына взяли в эту школу. Но его так и не приняли — результаты Шкуры были из ряда вон плохи. Физрук пообещал отцу извиниться перед Сережей.

На следующем уроке он извинился — правда, измылся при всем классе, а извинился уже в самом конце урока, когда вокруг было человек пять, не больше.

— Извини, лохматый, я перепутал, — сказал он.

Отныне он звал Сережу не блатным, а лохматым, и больше не заставлял подтягиваться и отжиматься перед классом. Это было настоящим счастьем — подтягивался Сережа от силы раз пять. Теперь он делал это не перед классом, а вместе со всеми, что было уже не так страшно. Физрук называл математиков «дохликами» и мечтал сделать из них качков. Поэтому заставлял весь класс бесконечно подтягиваться и отжиматься. Так что через год все они, и даже Сережа, подтягивались уже раз по двадцать, а отжимались по пятьдесят раз.

А Шкуро все-таки перешел в эту новую школу. Правда, лишь на следующий год — когда в их класс объявили добор. Он пробовал по-прежнему звать Сережу чукчей, но в новой школе прозвище как-то не прижилось. Ведь никто из новых одноклассников не знал историю его возникновения, и потому

им оно казалось странным. А старых одноклассников растасовали по двум разным классам, в класс Сережи попали только Марк, Мальков и пара девочек, так что большой поддержки у Шкуры не нашлось. Он покричал, покричал по старой привычке: «Чукча!», но Сережа не отзывался и не поворачивался в его сторону, а некоторые и вовсе удивленно крутили пальцем у виска. В итоге Шкура, оставшись в одиночестве, со временем затих и отстал.

VIII

Как и в прошлой школе, некоторые занятия вели студенты–выпускники. Они же и водили школьников в походы. Ходить в походы Сереже понравилось. Едешь час на электричке, играя в какую–нибудь игру типа «городов» или «намеков». «Города» — это когда все по очереди называют города, причем последняя буква каждого города должна быть первой в названии следующего. А в «намеках» разбиваются на две группы, в твоей группе придумывают слово, и ты должен намекать на него своему напарнику из другой группы, используя похожие по смыслу и созвучию слова, но не упоминая однокоренные. Если твой напарник быстрее других отгадывает слово, ваша пара зарабатывает очко.

Выйдя на станции, еще час неторопливо шагаешь по ухоженной лесной тропинке, болтая с одноклассниками. Ставишь палатку, набираешь воды, притакиваешь сухие ветки и разводишь костер. Потом

весь оставшийся вечер сидишь у костра. Кто-нибудь из студентов бренчит на гитаре и поет песни. Или вслух читает стихи. От выпускников Сережа узнал фамилии запрещенных поэтов, чьи стихотворения издавались подпольно в самиздате — Гумилев, Бродский. Их стихи тоже пели и давали почитать на отпечатанных на машинке листочках.

Наконец, ложишься спать, в тайне надеясь, что в спальнике рядом окажется какая-нибудь девочка. Сережа испытывал безотчетное томление по девочкам, в то время еще полностью абстрактное, совсем не сознавая, к чему оно должно вести. Впрочем, девочек в математическом классе водилось мало, так что надежда оказаться с ними рядом, как правило, оставалась несбыточной. Наутро завтракаешь кашей. Собираешь палатку. Вот и весь поход.

Однажды Марк под секретом сказал Сереже, что одноклассник Гога организует «левый» поход.

— Что значит «левый»? — спросил Сережа.

— Без руководителей, сами пойдем.

Идти одним было немного страшновато, но в то же время это выглядело как настоящее приключение. Сережа с охотой присоединился к желающим пойти в «левый» поход. В обстановке большой секретности набралось всего шесть человек — Гога с еще одним очкариком Лешей, Сережа с Марком и Мальков со своим новым другом рослым и плечистым Петюней.

Когда поставили на ночь палатку, Гога сказал, что следует остерегаться хулиганов, которые могут забрести

из окрестных селений. Поэтому решили попарно дежурить, меняясь каждые два часа, пока остальные спят. Сереже и Марку выпал жребий дежурить первыми. Марк извлек из рюкзака шашки, и время за игрой пролетело незаметно. Через два часа они растолкали сонных Гогу с Лешей, и сами забрались в спальники.

Сережа проснулся от сильного удара. В первую минуту не понял, что происходит, подумал, что напали местные гопники. В этот момент у входа нарисовалась довольная физиономия стоявшего на четвереньках Малька. Его стошнило прямо на порог. Раздался еще один удар — сверху на палатку плюхнулось что-то тяжелое. Палатка обрушилась на Сережу и остальных. С трудом они выкарабкались наружу. На палатке в позе самолетика неподвижно лежал Петюня. Оказалось, у него и Малька была с собой бутылка водки. Выпив ее во время дежурства, они придумали игру — разбегаться и прыгать на палатку. Сережа, Марк и Гога с Лешей водрузили палатку на место. Запихнули туда бездыханного Петюню и потерявшего человеческий облик Малька. Из палатки тут же донесся довольный храп. Остальные ребята больше не сомкнули глаз. Решали, что делать с хулиганами. Гога предложил никогда не брать в походы Малька с Петей. Постановление приняли большинством голосов — при одном воздержавшемся Сереже. Потом Гога порылся у них в рюкзаках и нашел там бутылку пива — видимо, на утреннюю опохмелку. Выбросил ее в ручей.

Проснувшись утром, Мальков с Петей сразу же

полезли в рюкзак за бутылкой. Убедившись, что ее там нет, дико разозлились.

— Да мы сами никогда не пойдем в ваш поход! — кричал Петюня.

На отношениях Сережи и Малька эта история никак не отразилась. Недели через две после похода их вместе назначили дежурными по школе. Дежурить было здорово — можно весь день сидеть перед лестницей в школьной прихожей вместо уроков.

— Так, — сказал Малек в конце дня, который предшествовал дежурству, — надо придумать, как будем время проводить. Просто так же тупо сидеть.

— Ага, — согласился Сережа.

— У тебя дома карты есть?

— Вроде есть.

— Тогда ты притарань карты, а я принесу мафон, музыку будем слушать.

Сережа нашел в родительском серванте красную коробочку с картами.

Малек притащил магнитофон с кассетами Токарева и Розенбаума. Врубили музыку, начали резаться в дурака.

— Гоп-стоп, мы подошли из-за угла! — завывал Розенбаум.

— Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой! — скрипел Токарев.

Над ухом у Сережи раздался чей-то пронзительный визг. Поднял голову. Над ними нависала директор школы Вера Петровна Галочкина.

Потом в кабинете директора их отчитывали она, завуч Лев Борисович и побагровевший математик.

— Кто из вас принес карты? — жестко чеканил он.

Оба промолчали. Сереже было стыдно — хотя он и не свалил вину на Малькова, но и не признался честно, что это сделал он. А Мальков был на худшем счету, чем Сережа, так что подумали на него, и ему вlepили выговор.

Но через несколько дней произошел другой случай. Мальков зачем-то нарисовал фломастером на кожаном пенале Сережи огромную свастику. Математик проходя мимо Сережиной парты, ее заметил.

— Что это, Сережа? — удивленно спросил Граф.

— Это не я... — проямлил красный как креветка Сережа.

— Хотелось бы верить, — неодобрительно покачал головой математик.

Так что теперь подумали на него, и они были квиты.

Вообще с Мальком постоянно случались какие-то истории. Как-то раз после уроков он отозвал Сережу в сторону.

— Мы вот с завучем Львом Борисовичем играем в баскетбол, знаешь?

— Ну да, а что?

— Мне он такие фотографии дал, посмотри.

Малек протянул Сереже стопку черно-белых потертых фотографий. На них были изображены голые мальчики и голые мужчины. Мужчины были волосатые, толстые и плешивые. Все они занимались

с мальчиками чем-то, чего Сережа раньше не видел, но сразу же почувствовал, что так делать не следует. Сереже стало неприятно. Он протянул фотографии обратно Мальку.

— Он в гости к себе приглашает, говорит, что там еще более интересные фотографии есть.

— Слушай, ты это, лучше не ходи, — убежденно сказал Сережа.

Мальков кивнул. Но Сережа так никогда и не узнал, прислушался он к его совету или нет. Вообще с годами эта лучшая в городе школа стала казаться Сереже не школой, а паноптикумом. Девочка из параллельного класса рассказала, что ездила на математическую олимпиаду в Грузию, и там ее классный руководитель — учитель физики — попросил залезть на стремянку, якобы чтобы поменять штору в общежитии, а сам заглядывал к ней под юбку. Этот же физик через несколько лет, когда они уже кончат школу, будет пойман в аэропорту на таможне — при поездке на очередную олимпиаду он заставлял детей провозить под одеждой иконы. Старик Джон Хусейни тоже проявлял нездоровый интерес к женскому полу — стоило какой-нибудь девочке в физкультурной форме оказаться рядом с ним, как он тут же хлопал ее по попке. Про Хусейни через пару лет так же всплыли интересные подробности. Читая воспоминания одного лагерного сидельца, Сережа наткнулся на упоминание человека по имени Джон Хусейни. Сиделец был осужден по липовому делу о покушении на Сталина

незадолго до его смерти. Они с друзьями-студентами собирались в квартире на Арбате, по которому проходила правительственная трасса, выпивали, танцевали и рассказывали антисоветские анекдоты. При обыске в квартире нашли ржавое дуло от пулемета времен Гражданской войны. Всю их компанию уже готовились расстрелять, но в процессе следствия выяснилось, что окна квартиры выходили не на Арбат, а во двор на другой стороне. Так что студенты сравнительно легко отделались — десятью годами лагерей. Однажды автора воспоминаний вызвали с этапа в столицу — якобы было раскрыто еще одно дело о покушении на вождя. Он хорошо запомнил, как звали организатора нового заговора — найти другого обладателя такого странного сочетания имени с фамилией было невозможно. Этот главарь, мастер по семи видам спорта, служил охранником Берии и поставлял ему девиц. Каково же было удивление сидельца, когда много лет спустя он встретил имя главаря в газете — бывший охранник фигурировал там как заслуженный учитель физкультуры одной из московских школ. То ли не успели расстрелять, то ли как-то ухитрился выйти сухим из воды — заключал сиделец этот посвященный Хусейни абзац своего повествования.

Закончил Хусейни плачевно — впал на старости лет в kleptomанию. Во время тренировок у учеников пропадали из раздевалки монетки и жвачки, машинки и фигурки индейцев. Кто-то догадался вскрыть стол

учителя. Из ящиков посыпалось на пол исчезнувшее содержимое детских карманов, после чего Хусейни был наконец отправлен на пенсию.

А через год после истории Малька с фотографиями случился инцидент с Птицей. В их классе странным образом оказались аж две пары близнецов. С одной парой, Коромысловыми, все было нормально, только рост в них поделился на двоих, поэтому их везде принимали за школьников младшего возраста. Однажды, когда всем классом пошли на экскурсию в ВДНХ, их даже не захотели пускать в павильон.

— Ну, зачем вы этих малышей с собой взяли, — укоризненно говорила билетерша остальным одноклассникам.

А вот другая пара — Птицыны — были какими-то отъявленными пакостниками и шалунами. Сережа даже не понимал, как их приняли в математическую школу. Эти Птицыны особенно издевались над учителем труда — добрым и безропотным малым лет сорока по имени Павел Михайлович.

— Эй, Паш, — кричал один из Птицыных, Коля, когда трудовик поворачивался к классу спиной, — жопу смажь!

Трудовик оборачивался лицом к классу.

— Выйди вон, — говорил он Коле.

— Это не я, не я, это он, — кричал Коля, показывая пальцем на своего брата Олега.

— Тогда выйди ты, — говорил трудовик Олегу.

— Так это же не я, а он, — плаксиво ныл Олег, показывая на Колю.

В конце концов трудовик выгонял обоих, но Птицыны все равно не унимались и на следующем уроке продолжали снова его дразнить.

— Эй, Паш, — кричал один из них, — жопу покажь!

Никто из класса, кроме них самих, не смеялся их шуткам. Но унять их было невозможно. Однажды посреди урока трудовик, не выдержав крика Птицыных, ушел в свою подсобку. Долго из нее не появлялся. Несколько ребят осторожно подошли к двери. Заглянули внутрь. В ужасе отпрянули. Потом они рассказывали, что в полуметре от пола увидели дрыгающиеся ноги трудовика. Причина, по которой он повесился, осталась неизвестной, может, то была неудачная личная жизнь или другие обстоятельства, но школьная молва уверенно связывала его самоубийство с издевательствами Птицыных.

А где-то через пару недель после этого происшествия школу сотряс страшный вопль, доносившийся из мужского туалета. Вбежавшие туда ученики и учителя обнаружили одного из Птицыных, державшегося за задницу, из которой струилась кровь. Оказалось, пока он справлял малую нужду, к нему сзади подкрался Мальков и вогнал ему в ягодицу шило по рукоятку. Зачем он это сделал, сам Мальков внятно объяснить не мог. В принципе, он дружил с Птицыным и никаких негативных чувств к нему не испытывал. Этот случай переполнил чашу терпения учителей, и Малька отчислили из школы.

Летом после восьмого класса можно было поехать в трудовой лагерь в Молдавию. Поездка почему-то представлялась Сереже заманчивой, возможно, потому что брали не всех, количество мест было ограниченным. Сережа не успел записаться, но записавшийся Митя заболел, и Сережа поехал вместо него.

Вначале школьников отправили убирать виноград. Виноград оказался осыпанным каким-то химикатом, на третий день у всех заслезились и заболели глаза. На время они и вовсе потеряли зрение, валялись неделю на койках, пока медсестра капала им глазные капли. Когда они выздоровели, их перевели на сбор абрикосов. Груды спелых абрикосов лежали на земле под деревьями, их можно было есть вволю, и это было здорово, но на второй день всех прихватил чудовищный понос.

Переводить было больше некуда, так что через неделю их снова отправили на абрикосы, велел не подбирать ничего с земли, но они и сами не пытались, благо были уже ученые.

Развлечений в лагере было немного, раз в неделю по воскресеньям их водили в поселок смотреть кино. Сереже запомнился фильм Феллини «Амаркорд», вернее, не весь фильм, а всего одна сцена, где смешной мужик залез на дерево и кричал: «Бабу мне, бабу!» После сеанса возвращались домой по пыльной проселочной дороге, путь был долгим, но под впечатлением кино говорить не хотелось, так что шли тихо, кто-то изучал звезды на небе, а кто-то выискивал взглядом в траве светлячков.

По утрам их будил студент-выпускник Храбров, прохаживаясь ремнем по тем, кто дольше других не желал открыть глаза. Не гнушался он будить и девочек, и Сережа слышал однажды, как его одноклассница Ира орала из соседнего барака: «Храбров, выйди, а то развернусь!» Храбров вышел, непонятно чего испугавшись, но Сереже нравилось представлять, как Ира разворачивает одеяло и оказывается абсолютно голой.

В половом вопросе Сережа к концу восьмого класса по-прежнему был сильно отсталым. Он знал уже, что взрослые мужчины и женщины и даже некоторые из подростков занимаются друг с другом чем-то нехорошим, даже примерно представлял чем, но почему-то полагал, что сам он ничем подобным никогда заниматься не будет.

— Так делать нельзя, — убежденно сказал он Марку, гуляя после работы вокруг лагеря. Так же убежденно, как он думал про то, что никогда не будет пить водку.

В его сознании эти занятия были не лучше того, что он увидел на фотографиях у Малька. Что касается девочек, то они вообще представлялись ему какими-то ангельскими созданиями, настолько чистыми, что он даже не вполне понимал, что им, как и мальчикам, свойственно отправлять естественные надобности.

Туалет в лагере был разделен на мужскую и женскую часть тонкой перегородкой. Однажды Сережа услышал, что в женской части две девочки во всех непристойных подробностях грубыми мужскими

словами обсуждают, как они справляют нужду. По голосам он узнал одноклассниц. Он был по-настоящему потрясен. Вернулся в барак с опущенной головой. На следующий день решился рассказать о происшедшем Марку. Тот, как всегда, выслушал молча. Этот день, когда у Сережи открылись наконец глаза на существование женской физиологии, он впоследствии считал днем метафизического просветления — настолько силен был эффект.

Рядом с их бараком находилась лесопилка, где можно было поработать в свое удовольствие вместе со взрослыми. Несколько мальчиков, в том числе Птица — не тот, которому Мальков вогнал шило в задницу, а его брат — перевелись на лесопилку. Возвращаясь после работы из абрикосового сада, Сережа с другими ребятами увидели рядом с лесопилкой «Скорую помощь», вокруг нее толпились люди. Оказалось, Птицын каким-то непонятным образом ухитрился отпилить себе циркулярной пилой левую руку по локоть. Сейчас, истекающий кровью, он лежал в машине «Скорой помощи». Притихшие ребята так и остались стоять поодаль, не решаясь подойти к машине ближе. Птицын не умер, но на следующий год оба брата перешли из их школы в другую. А учителя младших классов со значимым именем Юрий Михайлович Лермонтов, который был их руководителем в трудовом лагере, уволили.

IX

С Митиными одноклассниками Сережа дружил больше, чем со своими. Митины одноклассники казались ему веселее и живее, они то и дело придумывали какие-то забавы, играли на гитарах и пели песни, а Сережины одноклассники были ботаниками, постоянно зубрили математику и решали задачи. Одноклассники Мити часто на выходные приезжали погостить к нему на дачу. Однажды зимой, гуляя по поселку, Сережа увидел, как Митя с одноклассниками расчищают дорожку для снежоката. Среди них возвышался долговязый Степа с папироской в зубах. Глумливо улыбаясь, Степа раздавал остальным указания, как лучше чистить снег, сам при этом ухитряясь ничего не делать. Сережа покатался вместе со всеми, а потом пошли к Мите в дом на второй этаж, где можно было уединиться от взрослых. Степа извлек из-под кровати пластмассовую канистру и разлил по стаканам темную жидкость. Шибануло сладким запахом перебродившего винограда.

— Что это? — спросил Сережа.

— Неплохой портвешок разливной, три семерки, — пояснил Степа.

— Я не пью, — сказал Сережа.

— Почему? — удивился Степа.

— Ну, я еще давно, в детстве, решил водку не пить. Противная.

— Так это ж не водка, — улыбнулся Степа, — ты попробуй, вкусно.

Сереза неожиданно для себя с легкостью согласился, хлебнул из стакана. После первого стакана выпил второй, по телу разлилось тепло, в голове зашумело. Он чему-то смеялся, что-то громко кричал.

Степа снял со стены гитару и залихватски исполнил песню с припевом «Дыр, дыр, ... твою мать!» Припев все орали хором, хлопая в ладоши и топоча.

Сереза вдруг спохватился, что уже поздно и ему пора. Побежал домой. Отец сразу учуял запах.

— Ты что, пьяный? — кричал он, — с кем пил? У Малявиных на даче? Сейчас пойду к ним, скажу, что больше тебя туда никогда не пушу!

Сереза, ни слова не говоря в ответ, пошел к раковине, умылся и лег спать, отвернувшись лицом к стене.

На следующий день пришлось до ужина сидеть дома, делать уроки. Вечером отпросился ненадолго погулять.

— Просто сделаю кружок по поселку и вернусь, — сказал родителям Сереза.

Побрел в сторону Митинога дома. Из калитки выходили ребята.

— Ты где весь день был? — спросил Митя.

— Да меня целый день на улицу не пускали.

— Мы тоже решили погулять. Будем в лесу сосиски жарить.

— Я вас провожу и домой.

Пошли по направлению к лесу.

— Может, останешься ненадолго? — спросил Митя.

— Хорошо, — согласился Сереза.

У детской площадки свернули на ведущую в лес тропинку. Пересекли заснеженное футбольное поле и расположились на полянке за ним. Ребята быстро развели костер, насадили сосиски на палочки.

— А это для сугрева, — ухмыльнулся Степа и достал из рюкзака вчерашнюю канистру и пластиковые стаканчики.

Разлил портвейн. Сережа переминался с ноги на ногу, заметно нервничая. Надо было бежать домой, но очень хотелось хоть немного еще побыть вместе с ребятами. Степа снова налил. Вдруг раздался хруст веток. Со стороны поля появился Сережин отец.

— Ах, ты, мерзавец, — кричал он, — я тебя жду, а ты вот где!

Он схватил Сережу за ухо и потащил прочь из леса. У Сережи на глаза навернулись слезы, но не от боли, а от стыда и унижения перед ребятами. В эту минуту он по-настоящему ненавидел отца.

Х

Один из одноклассников Сережи, Дима Акопян, пригласил его в клуб самообразования. Отозвал его на перемене в сторонку и, озираясь по сторонам, с таинственным видом сообщил, что организовал некий клуб, где все по очереди делают доклады, а потом их обсуждают. Собираются у тех, у кого родители в отъезде и пустуют квартиры. На первом собрании, на которое пришел Сережа, он обнаружил несколько одноклассников, но

большинство подростков были ему незнакомы. По словам Димы, это были дети выступавших против советской власти диссидентов или людей из их круга. Доклады, кроме просветительского, носили и политический характер. Пара ребят, в том числе одноклассник Сережи Артем, увлекались творениями Клайва Льюиса и Ричарда Баха и сделали доклады про их религиозную философию. Сережа слушал с интересом. Он все чаще стал задаваться вопросом: «Есть ли на самом деле Бог?» Если да, то как его отыскать? Может, он подаст какой-то знак? Однажды Сережа попытался представить, как когда-нибудь умрет, и ему стало страшно. Это был невыносимый, физиологический страх. Бешено стучало сердце, свело живот, ладони покрылись липким потом. Он понял, что может принять сам факт смерти, но осознать его, собственным сознанием постичь будущее отсутствие этого сознания, пустоту после него, оказалось непосильной задачей. Чем глубже он пытался погрузиться в размышление о смерти, тем страшнее становилось. Мысли о ней сами вторгались в голову перед сном, когда он лежал на кровати, и тогда заснуть не удавалось до утра, он тщетно ворочался с боку на бок, пытаясь подумать о чем-то другом, переключиться и отогнать этот ужас. Но как хорошо, если бы Бог был, думал Сережа. Ведь это был бы шанс продлить собственное существование, пусть и в другом мире и в другой жизни.

Все чаще на него накатывала беспричинная тоска, тогда он прогуливал школу и бесцельно слонялся по бульварам и переулкам. Однажды столкнулся со странным человеком неряшливого вида, который посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Что ты здесь делаешь? У тебя другой путь. Иди отсюда!

Поначалу в моменты меланхолии Сережа вспоминал слова этого человека, надеясь, что это был не обычный бродяга, а какой-то провидец, и его слова сбудутся, в Сережиной жизни случится что-то магическое, но постепенно воспоминание о встрече стерлось из его памяти.

Школа тяготила его, единственной отдушиной были заседания клуба. Сережа рекомендовал в клуб своего дачного товарища Андрюшу, дедушка которого был выслан за границу за антисоветские взгляды. Кроме комиксов на даче Андрюши водились и запрещенные книжки, которые они с Сережей читали втайне от взрослых. Андрюша сделал доклад по книге Оруэлла «1984». Сам Сережа, увлекавшийся историей, сделал несколько сообщений на исторические темы, последним из которых был доклад о выступлении декабристов. К тому времени серьезная часть заседаний существенно сократилась, уступив место увеселительной. Если первые заседания клуба были целиком посвящены докладам и их обсуждению, то потом Дима предложил сразу же после доклада переходить к выпивке. Большинство участников

с радостью поддержали его предложение. На доклады отводилось все меньше и меньше времени. Стоило выступавшему открыть рот, как Дима начинал с нетерпением поглядывать на часы, а уже минут через пятнадцать спрашивал у докладчика:

— Ну, сколько еще осталось? В пять минут уложишься?

Докладчик старался побыстрее закрутиться и заканчивал свое выступление под звон бокалов и звуки разливавшегося портвейна или вина. Последний доклад Сережи прошел совсем в не стандартных условиях. Андрюша рассказал товарищам, что подруга его матери, жена известного поэта, на весь день уезжает, и попросила его посидеть с собакой. Он сказал ей, что будет вместе с другом — Сережей. Так что без проблем можно следующее заседание провести у нее в квартире. Когда всей толпой пришли в дом, услышали, что за дверью пылесосит пол уборщица. Решили подождать в холле, пока она уйдет. Ждать было скучно, начали выпивать принесенное с собой вино. На шум явился охранник — дом был элитным, высотка на Котельнической набережной, и на каждом этаже сидела охрана. Ребята бросились от него наутек по лестнице. Пришлось дожидаться ухода уборщицы на улице у подъезда. Коротали время на лавочке, прихлебывая вино из горла. Ровно в тот момент, когда оно закончилось, из подъезда выскользнула сухонькая старушка в косынке. Андрюша опознал в ней уборщицу. Можно было возвращаться обратно. В дом проникали, разбившись на группки или по одному.

Андрюша с Сережей прошли на законных основаниях — якобы вывести собаку на прогулку. Дима с другим одноклассником Артемом спрятали в сумки верхнюю одежду и прикинулись иностранцами, говоря друг с другом по-английски. Неизвестно, поверили им или нет, но в дом пропустили.

Когда все собрались, Сережа начал делать доклад, но его никто не слушал. Сережа говорил, что Трубецкой на самом деле не испугался, он не пришел на площадь, потому что головачи Батеньков и Штейнгель отклонили его план и выдвинули свой. Тут в дверном проеме появился сияющий Дима с бутылкой в руках. В квартире поэта обнаружился неплохой бар. Принялись его опустошать. Дима быстро заснул на диване. Про хозяйскую собаку и прогулку с ней забыли. Другой одноклассник, Илья, сам бегал на четвереньках по квартире и лаял, изображая собаку. Сережа, поняв, что его доклад никому не интересен, налил себе стакан вина и выпил залпом. Потихоньку его тоже сморило в сон. Проснулся от громкого визгливого крика. Это вернулась домой жена поэта. Она услышала шум воды из ванной. Открыла дверь. В ванной спал Артем, совершенно голый, но почему-то в носках ее мужа и с его золотым крестиком на шее. Крик ее так лупил по перепонкам, что казалось, от него обрушится потолок и разлетятся вдребезги валявшиеся на полу пустые бутылки.

После родительского нагоняя Андрюша сказал, что больше не будет ходить в клуб. Сережа его поддержал.

Все прочитанные книжки были уже пересказаны — клуб себя исчерпал. А пить можно было и просто так.

XI

Сереже позвонил одноклассник по самой первой, английской, школе, Мишка. Он ушел из нее еще раньше Сережи, в третьем классе, потому что переехал с родителями куда-то далеко, на окраину города, но его бабушка с дедушкой жили рядом с Сережей. Навещающая их, он заходил к Сереже, так что они продолжали общаться. После его ухода у Сережи каждый раз пропадали машинки и индейцы, но поссориться с ним как-то не получалось. Родители Сережи недолго любили Мишку, считая его бестолковым двоечником, но неплохо относясь к его бабушке с дедушкой, не могли совсем запретить их общение. Сейчас Мишка учился в ПТУ на медбрата и разгуливал с железной цепью. Он рассказал Сереже, что тусуется на Арбате с какими-то неформалами. Слово «тусуется» было Сереже незнакомым, но звучало романтически. Сережу, читавшего запоем приключенческие книги, всегда манило что-то новое. В последнее время некоторые Митины одноклассники обзавелись маленькими нагрудными сумочками и перестали стричься. Сережа слышал, что они проводят время в компании каких-то хиппи и эти хиппи собираются на Арбате. Правда, когда он появился вместе с Мишкой на Арбате, оказалось, что Мишка тусуется не с ними, а с коротко стриженными плечистыми парнями в клетчатых штанах, которые как раз

этих хиппи периодически ловят и бьют. Он представил своим корешам Сережу, но Сережа быстро переключался от них в кафе «Стояк», где не было стульев и можно было стоять, облокотившись на высокие столики, и пить кофе. В этом кафе собирались хиппи, обладали длинными волосами — «хайра», веревочек, удерживающих эти волосы — «хайратников», нагрудных сумочек с документами — «ксивников», и потертых джинсов. Хиппи казались Сереже источником каких-то неведомых, сакральных знаний, причастными к подлинной свободе других миров, о которой он мог только мечтать, той свободе, где нет места муштре, зубрежке и бесконечным урокам. Где нет повседневной рутины, а бал правят тайна и приключения. Эти презревшие работу и социальные связи вольные путешественники виделись Сереже проводниками в иной, параллельный мир, куда и он мечтал попасть. В первый же день своего появления в «Стояке» он подошел к двум наиболее волосатым парням и, набравшись смелости, стал задавать им вопросы — в чем смысл жизни, зачем надо быть хиппи и т.п. Один из них улыбнулся и сказал:

— Когда я был пионером, то тоже много спрашивал. Это пройдет. Нужно просто жить, вот и все.

Так Сережа узнал, что есть новички «пионеры», а есть старики «олдовые». Ох, как ему хотелось быть олдовым. Наверное, эти олдовые знают всю правду жизни, думал он. В поисках этой правды он каждый день приезжал в «Стояк», навсегда потеряв уважение Мишки.

Хиппи собирались и в другом кафе — на Чистых прудах. Там Сережа повстречал Степу с неизменной папироской в зубах и еще нескольких Митиных одноклассников. В этом кафе бармен варил крепкий двойной кофе. Пить кофе почему-то считалось модным, скорее всего, потому что ни на что другое денег не хватало. Сережа заказывал у здоровяка за стойкой, белым халатом и крепкими руками больше походившего на мясника, чем на бармена, свой двойной, потом выходил на улицу и с отрешенным взглядом бывалого, повидавшего жизнь, бродяги-хиппана маленькими глоточками цедил кофе, втайне надеясь, что к нему обратится какой-нибудь волосатый и завяжет беседу. После школы Сережа частенько заезжал в кафе на пару часов, а уже потом ехал домой делать ненавистные уроки.

Когда Сережа перешел в последний класс, отец постарался основательно завинтить гайки. Если Сереже звонил кто-нибудь из приятелей, отец всегда отвечал, что его нет дома. Сережу перестали пускать в походы. Одношкольники, проведав про эти репрессивные меры, решили незамедлительно действовать. Однажды, выходя с урока литературы, Сережа обнаружил в коридоре выстроившихся в шеренгу приятелей из параллельного класса.

— Свободу Соколову! — дружно скандировали они по взмаху руки двухметрового Паши, жившего с Сережей в соседнем доме. Другой одношкольник стал собирать подписи в защиту Сережи и каким-то образом

ухитрился собрать аж восемьсот подписей, хотя в старших классах школы училось куда меньше народа.

К Сережиным родителям как-то в гости зашли друзья.

— А что, у вас в школе есть еще какой-то Соколов, там за его освобождение борются? — спросил у Сережи дядя Илья. Отец укоризненно посмотрел на Сережу.

Весной хиппи мигрировали на скамейки Гоголевского бульвара, называемого ими «Гоголя». Однажды в майские праздники Сережа поехал прошвырнуться по Гоголям. В воздухе было тепло, тепло было и у него на душе — повсюду разливался запах будущей свободы. Конец школы, впереди новая веселая жизнь — так думалось Сереже. Но и вокруг все бурлило — в стране началась перестройка. Выйдя из метро, Сережа обнаружил, что никаких хиппи на улице нет — весь бульвар был оцеплен милицией. У выхода встретил Артема. Тот рассказал, что вчера была большая демонстрация хиппи, закончившаяся столкновениями с милицией и побоищем — особенно пострадал Степа, которому разбили очки и придушили его же галстуком. Теперь он лежит в больнице и собирается писать заявление на ментов. Сережа с Артемом решили прогуляться по мостовой сбоку от бульвара — посмотреть, что творится у памятника на другом конце. Им удалось пройти всего пару шагов. Подъехал милицейский кузовок, их затолкали внутрь и повезли в отделение милиции.

— Шас малька вас поучим, — постукивая дубинкой о кряжистую ладонь, сказал красномордый лейтенант, когда их ввели в коридор.

— Да вы вчера уже нашего одноклассника так проучили, что он на вас заявление пишет, — тут же отреагировал Артем.

— Какого еще одноклассника? — лейтенант побурел еще больше.

— Да нашего, вы ему очки разбили и галстуком придушили.

Похожий на чищенную круглую свеклу лейтенант окончательно насупился и скукожился, и, передумав их учить, вышел в один из кабинетов. Через минуту их затолкали в комнату с двумя столами, за каждым из которых сидел следак. Сережин следак первым приступил к допросу:

— У тебя почему волосы длинные?

— Просто не успел постричься, — пояснил Сережа.

— А веревочка на них зачем?

— Чтоб на лицо не падали.

— А на бульвар зачем приехал?

— Да ни за чем, просто мимо шел.

Цивильно выглядевший Артем, в костюмчике и коротко стриженный, выбрал противоположную тактику.

— Да, я хиппи! — гордо кричал он. — Я пацифист! И в вашу армию не пойду!

— Закосишь под больного? — спрашивал следак.

— Готов отсидеть за свои идеалы! — кричал Артем.

Он зачем-то извлек из сумки Библию.

— Я христианин, а не коммунист! Вы — мои враги! — надрылся он.

Через неделю в школу поступила бумага с Петровки с просьбой отчислить Сережу. На Артема же наоборот ничего не пришло. «Может быть, наши показания перепутали?» — думал Сережа. Учителя посоветовались и решили Сережу не отчислять — Граф сказал, что у него хорошие успехи по математике. Да и выпускные экзамены уже были на носу.

Их с отцом вызвали в районное отделение милиции.

— Он на Петровке в черные списки занесен, — поведал отцу участковый. Что это за списки, ни отец, ни Сережа не поняли. Дома отец устроил Сереже взбучку.

— Постриги волосы, — наступал он.

— Не буду, — молодым волчонком огрызнулся Сережа.

Отец с удивлением смотрел на него. Неожиданно для него Сережа повзрослел.

ХII

Сережа поступил в университет на математический факультет. Он хотел ехать в другую республику, где был сильный гуманитарный ВУЗ, но родители отговорили его. Они сказали, что туда очень сложно поступить, и если даже он прорвется, из этого ВУЗа берут в армию. А сдать экзамены на матфак будет нетрудно — их же так долго натаскивали в школе.

Кроме того, университет находится рядом с домом, у него появится много свободного времени. Есть и гуманитарные факультеты — он сможет посещать там лекции, заняться тем, к чему у него больше лежит душа. Главное — получить хорошее образование, чтобы была профессия.

Сереза послушался. На семинарах выяснилось, что, действительно, большую часть того, что рассказывали преподаватели, они успели пройти в школе. Так что времени у Серези оказалось в избытке, и он старался проводить его вдали от тяготившего его серого здания университета. Между их корпусом и биофаком обнаружилось тусовочное место — столовка, в которой варили кофе, и в ней Сереза мог сидеть часами, знакомясь со студентами других факультетов. Если все же приходилось бывать на своем факультете, то Сереза зависал на «сачке» — буфете на втором этаже, где всегда можно было взять сосиски с горошком и кофейный напиток с молоком. Тогда по коридорам разносились заунывные звуки недавно купленной им флейты.

— Под не-бом го-лу-бым, — выдувал он тоскливые ноты. Или:

— Гуд бай А-ме-ри-ка-а.

Чем больше Сереза пропускал занятия, тем больше его недолюбливали и придирались к нему преподаватели. Хотя, может быть, причиной тому были раздражавшие их вопли его флейты, про которую знал уже весь факультет. Или его внешний вид — к этому

времени волосы доходили ему уже до лопаток. Но, скорее всего, дело было в общей нелюбви преподавателей к выпускникам матшкол — те слишком самодовольно вели себя на семинарах и лекциях, полагая, что им и так все давно уже известно. Один старичок не смог сдержать своего негодования и однажды больно дернул Сережу за волосы во время сдачи зачета. Неприязнь преподавателей в свою очередь вызывала у Сережи еще меньшее желание посещать занятия — и это был замкнутый круг, из которого оказалось невозможно выбраться.

Но тем не менее первую сессию он сдал досрочно и отпросился у родителей на каникулы на дачу. Пригласил с собой Степу — тот никуда не поступил и бездельничал дома. Степа взял с собой еще трех провалившихся приятелей — своих одноклассников, с которыми Сережа общался мало. Ребята закупились вином и пивом. Бутылки откупорили еще в электричке, отмечая отъезд. На даче продолжили пить за приезд. Сереже было необычайно весело. Сессия была сдана, руки развязаны — впереди три недели каникул. Хотелось двигаться и танцевать. Кто-то предложил выйти на прогулку. Выкатились на дорогу, хохоча и толкая друг дружку. Свет фонарей искрился на снегу, перед Сережиними глазами все расплывалось в разноцветные картинки калейдоскопа. Один из Степиных одноклассников, увальень-коротышка Саша, глупо хихикая, потянул на себя штaketину соседского забора. Штaketина

отломалась. Все разбежались и навалились плечами на забор. Секция забора рухнула на снег, увлекая за собой ребят. Поднимаясь с земли, смеялись, отряхивая снег, скатывая снежки, кидаясь ими друг в друга.

Одноклассник Степы с венгерской фамилией Сомогуй, длинный парень с лошадиной челюстью, поднял штакетину и швырнул ее в ближайший фонарь. Раздался звон битого стекла, и фонарь погас. Игра всем пришлось по душе. Ломали заборы, хватали штакетины, бросали их в фонари и шли дальше. Степа считал, кто больше побьет. Сережа метнул пару штакетин, но не попал. Потом игра ему разонравилась, и он в ней больше не участвовал. Но ничего не говорил ребятам, боясь их обидеть. Дошли до детской площадки. Разломали деревянную детскую горку. Особенно усердствовал толстый Рябинкин. Сережа знал, что его семья давно стремилась уехать из СССР, но вот на днях получила разрешение на выезд, и через неделю Рябинкины должны были покинуть пределы страны. Наверное, сейчас младший Рябинкин решил отомстить за свое неудачное советское детство. Злобно оскалившись, он навалился на новогоднюю елку, возвышавшуюся над заснеженной клумбой, пытаясь ее повалить. Елка выстояла, тогда Рябинкин сдвинул рукой один из елочных шаров. Шар захрустел, и его зеленые останки посыпались на снег сквозь пальцы Рябинкина. Рябинкин давил шар за шаром, а потом, злорадно усмехаясь, перешел к гирлянде с лампочками, дружелюбно

мигавшими синими огоньками. Сереже было жалко елку, он даже решился остановить Рябинкина и промямлил: «Ну, может, хватит?», но увлеченный своим занятием Рябинкин не обратил на него никакого внимания. Когда с елкой было покончено, и ослепшие лампочки безвольно повисли на ветвях, двинулись дальше. Залезли на лестницу водокачки, спрыгнули с нее в сугроб на крышу близлежащего сарая. Шиферная крыша проломилась, пришлось вытаскивать провалившегося по пояс Сашу. Дойдя до медпункта, забрались на его крыльцо, разбежались и на Степин счет «раз, два, три» ногами снесли перила. Дорожка поселка была круговой, дошли наконец до Андрюшиной дачи. К стене сторожки была прислонена деревянная стремянка. Сережа со Степой зачем-то полезли по ней на чердак. На чердаке ничего интересного не оказалось. Когда собрались лезть вниз, обнаружилось, что остальные ребята над ними пошутили — убрали стремянку и ушли.

— Эх, брат Сережка, — глумливо хныкал Степа, — что мы теперь делать будем?

Сережа почесал затылок, и в голову пришла идея. Полез вниз по телевизионной антенне. Антенна оторвалась, и Сережа плюхнулся в снег. Пришел в себя от криков Степы:

— Эх, Сережка, брат, замерзаю я! — ныл он.

Сережа встал, нашел стремянку за углом сторожки. Поставил ее к стене. Степа наступил на перекладину, перекладина разлетелась на две половинки,

он хлопнулся на Сережу, а сверху на них приземлилась стремянка.

— Ох, эх, — оба причитали, барахтаясь в снегу, как выброшенные волной на берег морские рыбки.

Сережа поднялся и осмотрел стремянку. Оказалось, что у нее переломаны все перекладины. Наверное, ребята, уходя, не ограничились в своей шутке тем, что убрали стремянку, но и разломали ступеньки.

Побрели к Сережиному дому. С другой стороны подходили их довольные и, видимо, еще что-то покрушившие товарищи. Сережа порылся в карманах, но не обнаружил ключей. Небось вывалились в сугроб, когда кувыркались там со Степой. Пришлось лезть в дом через форточку. Тощий Степа легко проскользнул ловким окунем, Сомогуй проскочил с какой-то лошадиной прытью, пухлый Саша еле протиснулся округлым коlobком, Рябинкина и вовсе пришлось проталкивать, ну а Сережа больно ударился макушкой о фрамугу.

Выпить было больше нечего. Сомогуй заварил крепкого чаю. Но чай не бодрил — наступила усталость, как после хорошего трудового дня. Легли спать. Сережа проснулся от того, что кто-то барабанил по стеклу. Подумал в ужасе, что это может быть нагрывший с проверкой отец. Отодвинул занавеску. За ней оказалась приплюснутая к стеклу рожа мента. Тут же задернул занавеску. Дверь затряслась от ударов, запрыгала, будто собираясь сорваться с места и ускакать.

— Открой дверь! — раздался голос с улицы.

— У меня нет ключа! — прокричал Сережа в ответ первое, что пришло в голову, хотя, ежу понятно, для того, чтобы открыть дверь изнутри, ключ не нужен.

— Выбрасывайте бутылки в окно! — крикнул он спавшим во второй комнате Сомогу и Рябинкину, так и не отделавшись от нелепой похмельной мысли, что нужно припрятать от отца следы вчерашнего пьянства. Сомогу отдернул свою занавеску и обнаружил за ней еще две ментовские рожи.

— Выбрасывай бутылки! — полностью растерявшись, кричал Сережа и бегал по комнате.

— Выбрасывай бутылки! — вторил ему бегавший в такой же растерянности по своей комнате Сомогу.

Стуки в дверь усиливались.

«Ух», — раздавалось снаружи, «ох», — жалобно вторила дверь, шатаясь, как боксер перед уходом в нокаут.

Делать было нечего, и Сережа открыл задвижку. Тут же получил по голове стоявшим у порога ботинком. В предбанник вломились выдыхавшие клубы морозного воздуха румяные люди в форме. Одно за другим, ребят под руки выволокли на улицу. Вдалеке виднелся милицейский УАЗик. Менты благоразумно оставили его метрах в двухстах, чтобы бесшумно подкрасться к дому и оцепить его. Ребят потащили к УАЗику. «Прям как «Черную кошку» из «Места встречи изменить нельзя» берут», — пронеслось в голове у Сережи. Вокруг УАЗика сгрудились немногочисленные зимние дачники во главе

с управляющим поселка. Это он услышал ночью шум, осторожно вышел из дома и следил издали за погромщиками. Увидев, что они залезают в стожок через форточку, подумал, что это заезжие грабители и вызвал милицию.

Их отвезли в город — тот самый, где когда-то Сережу избили местные хулиганы. Развели по разным комнатам. На стол перед Сережей положили опись уничтоженного ими имущества. Он глянул на список и обомлел. Там фигурировали несколько разломанных грузовиков, уничтоженный трактор, а так же проломленная крыша самой водокачки, а не соседнего сарая. Упомянутые в конце бумаги все сорок дачных заборов и фонарей казались несущественной мелочью. Наверное, смекалистый управляющий решил воспользоваться случаем и внес в список все поврежденное за годы его управления поселковое имущество. Этот список был настолько огромен, что Сережа решил — признавать его нельзя. Следователь был почему-то уверен, что они орудовали двумя группировками — одна ломала заборы, а другая била фонари. Ему не приходило в голову сопрячь воедино их преступления. Он допытывался, в какой из банд состоял Сережа. Тот молчал, решив не отвечать ни на какие вопросы. Следователь вышел ненадолго, потом довольный вернулся с какой-то бумагой. Показал ее Сереже:

— Вот ты отмалчиваешься, а друг твой Санька все подписал!

Так Саша стал Санькой, остальных ребят следователь по-прежнему называл по фамилиям — Рябинкин, Сомогуй, Попович. Саша действительно во всем сознался. Отпираться дальше было бессмысленно. Сережа признал, что это они крушили поселок, сказав только, что ломали вовсе не так много, как указано в описи. Сережу отвели в узкую камеру. На нижней шконке лежал ничком и храпел неопрятного вида мужик, от которого разносился запах алкоголя, мочи и соленой рыбы. Верхняя пустовала, Сережа вскарабкался на нее, но заснуть не получалось — мучила похмельная жажда, а главное, страшила неизвестность будущего. Перед глазами мелькали то приклеившаяся к стеклу ментовская физиономия, то зверский оскал Рябинкина.

Их отпустили через три дня. Грозил суд и отчисление из университета. Из этой ситуации Сережу выручил молчун Петя — младший товарищ из дачной компании Андрюши и Мити. До того Сережа не воспринимал его всерьез. Тринадцатилетний Петя всегда незаметно присутствовал рядом с ними, тихо слушая их шутки и ожесточенные споры.

Петя поговорил со своим дедушкой — старым академиком, председателем поселкового совета. Поручился, что Сережа — нормальный парень, его друг. Дедушка вызвал Сережу к себе на аудиенцию.

Когда Сережа вошел в дом, дедушка сидел за обеденным столом, перед ним стояли бутылка коньяка и две рюмки.

— Садись, — с кавказским акцентом сказал армянин-дедушка, барским жестом показывая на стул.

Сереза нерешительно уселся.

— Вы что, наркоманы? — спросил дедушка.

— Нет, — робко ответил Сереза.

— Как нет? Ведь пьяный не в состоянии столько поломать, трезвый это делать не будет, значит, вы наркоманы.

Сереза не знал, что возразить на железную логику дедушки. По поселку распространились слухи, что орудовала банда наркоманов. Этому способствовали два факта — во-первых, обнаруженный милицией огромный чайник, доверху набитый чифирем. Это Сомогуй так заваривал чай. А во-вторых, едкий дым и запах в доме. Сомогуй дольше всех не ложился спать. В одиночестве потягивая чай, он одновременно от нечего делать пытался спалить в печке пропитанную лаком Серезину гитару.

— Вы все откуда друг друга знаете? — прервал дедушка ход Серезиных мыслей.

— Ну, в школе одной учились.

— В какой?

— В математической, — Сереза назвал номер.

— Вот что! — удивился дедушка. — Значит, вы математики?

— Да, — кивнул Сереза.

— А математики все евреи, а евреи все алкоголики, а не наркоманы! — заключил вдруг дедушка.

Логика дедушки приняла странный, но спасительный оборот. Сереза возражать не стал.

— Пей тогда, — сказал дедушка и налил коньяк ему в рюмку.

Сереза, у которого давно пересохло во рту, с радостью выпил. Он понял, что спасен. Вердикт дедушки был таков — управляющий отзывает заявление, за это Сереза пишет бумагу, что обязуется никогда больше ничего не ломать — эта бумага будет вечно храниться в поселковом сейфе. Кроме того, они сами чинят все заборы. Этот пункт был самым сложным — Сереза ничего чинить не умел, но в тот счастливый момент все обязательства мнились несущественной мелочью. Еще Сереза должен был обойти пострадавших владельцев дач и лично принести им извинения.

Вот это действительно оказалось малоприятным занятием — владельцы поносили Серезу и его родителей почем зря. Сереза выслушивал их молча, вполне сознавая свою ничтожность и то, что он с родителями — люди второго сорта. Всего лишь съемщики, а не владельцы академических дач, после войны лично подаренных Сталиным сорока самым выдающимся академикам.

Только один хозяин дачи выбился из общего ряда — он вывалился на крыльцо в семейных трусах и майке, шумно дыша перегаром.

— Так это вы все поломали? — басом прогрохотал он.

— Мы, — потупился Сереза.

— Да это ж разве поломали, — вдруг разразился бранью хозяин, — вот если б я ломал, так вообще бы все здесь к е...ням разнес!!!

После того как с извинениями было покончено, пришла пора браться за починку. Но мамыши Рябинкина и Сомогую заявили, что их драгоценные чада ни в чем не виноваты и никуда ездить не будут. Степа чинить согласился, но по лени ни разу до поселка так и не доехал. Оставались Сережа и во всем признавшийся Саша. Пару раз они приехали в поселок и попытались что-то исправить, но ни строгать, ни пилить штакетины у них не получилось. Тогда управляющий, поняв, что от них мало толку, просто велел внести в поселковую кассу пятьсот рублей. У Сережи были какие-то сбережения, подаренные ему бабушкой и родителями на поступление. Еще кое-что он накопил, работая прошлым летом на практике медбратом в больнице и в регистратуре поликлиники. Саша добавил деньги за себя и за остальных.

Эта история отразилась и на дальнейшей судьбе их благодетеля Пети. Дедушка собирался отдать его в Сережину школу, но когда выяснилось, что все погромщики были ее выпускниками, передумал. Петю сослали в гуманитарии.

ХIII

Жизнь потекла дальше, но теперь впереди Сережи по поселковым и школьным знакомым гремела слава хулигана. Некоторые даже рассказывали, что это он один в пьяном угаре разгромил свой собственный поселок. Степа как-то при встрече сообщил Сереже,

что организовал клуб чудаков на букву «м» и является там президентом. Вице-президентом он предлагает стать Сереже за достойную историю с заборами. В этот же клуб приняли еще одного их одношкольника, который пригласил гостей к себе на дачу на день рождения, и под утро дача эта была практически полностью снесена с лица земли. От нее остался лишь один колодец в саду, в котором плавало грязное бревно — кто-то в колодец «запустил судака» со словами «пускай, дескать, рыба живет в пруду», предварительно извергнув туда же начинку своего желудка.

После окончания школы однокашники сплотились еще больше, чем во время обучения. Может быть, бесконечные однотипные задачи, походы, песни под гитару и стихи выработали у всех какой-то общий язык, во всяком случае, понимать друг друга было гораздо проще, чем сходитьсь с новыми людьми. Продолжалось все то же самое, только в большем темпе — круговерть из походов, песен, стихов и даже решения задач-головоломок, в котором продолжали соревноваться друг с другом выпускники матклассов. Добавилось только бесконечное пьянство, которое все усиливалось и набирало обороты. Сережу жестко ругали дома, но он не слушался и после последней пары в универе не спешил возвращаться домой, а либо ехал тусоваться с хиппи, либо встречался с друзьями по школе и даче, либо совмещал и то, и другое. Собираясь с друзьями, покупали пиво и водку, смешивали их, хлопали стакан об колено и вливали в себя

пенящуюся горькую жидкость. Это называлось пить «чпок». Еще пили портвейн из канистр. Когда не было ни водки, ни портвейна, пили одеколон, розовую воду. Пили даже средство для рашения волос — кармазин. Пили и постоянно дебоширили в домах своих знакомых. Дебош был прописан в уставе их клуба чудаков.

Однажды Сереже перевязали руку, как будто она в гипсе, и, сказавшись больным, он с товарищами по клубу напросился в гости к двум знакомым девочкам. Пока девочки в одной из комнат наперебой выясняли, что случилось с Сержиной рукой, два его товарища опустошали питейные и съестные запасы девочкиных родителей, после чего приступили к разгрому кухни и гостиной. Из квартиры их вытолкали взашей, но друзья были только рады и с хохотом пересказывали остальным эту историю.

Родителям было все труднее контролировать Сережу, он постоянно придумывал новые уловки, чтобы ускользнуть из-под их надзора. В очередные праздники, не спросясь, поехал на хутор в Эстонию, принадлежавший учителю одной из математических школ. На этом хуторе выпускники проводили каникулы. Когда Сережа брел по сугробам через снежную степь от автобусной остановки к хутору, он увидел идущего с другой стороны парня с рюкзаком и разметавшимися по плечам волосами, еще более длинными, чем у него. Так он познакомился с Витей, тоже учившимся в их школе, только на год

старше. Витя был странным человеком — он жил наполовину в реальном мире, а наполовину в выдуманном. В рюкзаке у него были тетради, в которых он рисовал таблицы вымышленных чемпионатов по футболу с вымышленными командами. Длинные списки фамилий несуществующих людей. Витя вел их полный учет. На хуторе однокашники постоянно подтрунивали над Витей, но по другому поводу — он типа волосатый, хиппи, а значит, бездельник, тунеядец и паразит. Но Сережа заметил, что именно Витя в свободное от составления таблиц время ходит за дровами в лес, рубит их и топит печку. Остальные однокашники предавались бесконечным разговорам об антиобщественной Витиной деятельности. Впрочем, основания для этих разговоров у них имелись — в их школе Витя недоучился. В конце девятого класса во время практики его отправили работать в школьную библиотеку. Там Витя заметил отдельно стоявший шкаф, запертый на замок. Витя взломал замок, и обнаружил в шкафу антикварные книги — школа до революции была гимназией и находилась в этом здании испокон веков. Витя потихоньку относил книги на антикварный рынок и продавал. Когда старинные книги закончились, он решил, что можно продавать и обычные — пусть за копейки, зато их много. Набивал сумку и выносил ее после работы. Вошел в такой раж, что не заметил, как некоторые полки полностью опустели. Зато на это обратила внимание библиотекарьша. Состоялся товарищеский суд.

Вите повезло — хватились обычных книг, а отсутствия антикварных не заметили. За него заступились одноклассники. Так что передавать дело в милицию не стали. Просто отчислили Витю из школы.

Сереза подружился с Витей на почве общей длинноволосости. Вернувшись в Москву, они стали часто проводить время вместе. Однажды Витя привел Серезу в гости к своей однокласснице Ире. Та усадила их в гостиной на диван. Налила в чашки чай. Сказала, что пойдет на кухню что-нибудь приготовить.

— Только не берите ничего из бара моего папы, — показала она рукой на шкафчик, стоявший рядом с диваном.

Сказать такое было все равно, как если бы мама обратилась перед уходом из дома к шаловливым детям с просьбой не сажать кошку в холодильник.

Как только Ира вышла за дверь, Витя с Серезой бросились к дверцам шкафчика. За ними им открылись «настоящие агавы и шикарные капри» — так выразился Сереза, воспользовавшись парафразом из модного Венедикта Ерофеева. В бутылочках разной формы и высоты красовались коньяки, бренди, вина и водки. Сереза с Витей тут же вылили чай за шкаф и, наполнив чашки коньяком, закрыли дверцы шкафа. Как ни в чем не бывало, опять уселись на диван. Ира возвращалась, снова уходила за чем-нибудь на кухню, приносила что-то вкусное к чаю, а друзья вновь и вновь опорожняли содержимое шкафчика. В какой-то момент пол стал качаться у Серезы под ногами.

Он забыл захлопнуть дверцу шкафчика. Вошедшая с подносом сухофруктов и орешков в сахаре Ира заметила открытую дверцу. Подошла к шкафчику. Вскрикнула от ужаса. Бутылки были пусты. За пару часов друзья ухитрились полностью опустошить запасы ее папы. Сережа с Витей устали на Иру бессмысленными глазами. Туманные очертания Иры колыхались перед ними, расплываясь между полом и потолком. Ира то парила бесформенным облаком, то гарцевала в воздухе веселой Мэри Поппинс.

Тем временем у Иры случилась истерика. Она стояла на коленях, плакала и молила их, чтобы они ушли. Сережа с Витей хотели уйти, но у них не получилось подняться с дивана. Ира достала пилку для ногтей и зачем-то стала картинно пилить вены. Ей действительно удалось их процарапать, кровь тоненькой струйкой потекла на ковер. Несколько протрезвевшие Витя и Сережа наконец смогли встать на ноги. Они вышли на улицу. Было уже поздно, Витя предложил пойти к нему домой — он жил неподалеку. По пути он крушил автобусные остановки — разбежался и разбивал ногой стекла. Дома у Вити захотелось еще выпить. Не нашлось ничего другого, кроме духов Витиной мамы. Сережа заснул на Витиной кровати, а уступивший ему кровать гостеприимный Витя улегся на полу, облокотившись головой о батарею. Проснулись они от криков Витиной мамы, вошедшей в комнату на запах своих любимых духов. Флакон валялся на полу.

Струйка духов тянулась от него в коридор через порог комнаты.

Сереза познакомил Витю со Степой и Сомогуем. Сомогуй пригласил их с Витей на свой день рождения. В подарок принесли бутылку водки. Выпив, Витя развеселился и начал гоняться по комнате Сомогуя за невидимыми бесами.

— Черт, черт! — кричал он, тыча пальцем в стену, круша проигрыватель, усилитель, колонки, сбрасывая на пол полки с книгами. Все смеялись, Сомогуй громче остальных. Витя обнаружил присланный родичами Сомогуя с Украины мешок с семечками. Стал раскидывать их по полу и топтать, вскрикивая:

— Что посеешь, то и пожнешь!

Семечки оказались на липком подсолнечном масле и приклеились к полу. Витя поскользнулся и упал навзничь. Сомогуй со Степой решили отвлечь его внимание и кинули ему в руки детскую игрушку — большое надувное насекомое. Витя принялся бороться с насекомым, барахтаясь на полу. Тогда, улучив момент, Сомогуй со Степой набросились на него сверху и крепко связали.

Посчитав, что теперь его можно безопасно оставить, ребята пошли на улицу. Там на пяточке под названием «Огурец» можно было купить с рук водку. Но стоило им подойти к «Огурцу», как на них налетела с кулаками толпа ошивавшихся там гопников. Ребята кинулись врассыпную наутек. Сереза первым вернулся к дому Сомогуя. Спьяну запомнил

этаж и номер квартиры. Бродил по этажам, звоня во все двери. Одна из них отворилась, и бухой вдрызг мужик спустил на него собаку. Сережа дал деру вниз по лестнице. Уселся на площадке у лифта. Ребята все не возвращались, он закемарил, положив голову на колени. Наконец открылась дверь подъезда, и появились Степа с Сомогуем. Каждый держал в руках по чекушке водки. Удалось достать ее на другом пяточке. Когда вошли в комнату, их глазам предстала ужасающая картина — Витя валялся на полу посреди большой лужи и весь в блевотине. Видимо, он хотел сходить в туалет, но не смог избавиться от пут, вот и справил нужду прямо в штаны, вдобавок его стошнило. Ребята попытались вытащить его за ноги в коридор. На шум вышли удивленные родители Сомогуя. Тот сообщил им, что Витя — мало знакомый ему человек.

— Так на «Огурце» смеха ради сумасшедшего одного подобрали, — сказал он, почему-то будучи уверен, что отсутствие крепкой связи между ним и Витей должно успокоить родителей. Они запричитали во весь голос, угрожая вызвать то милицию, то наряд из психушки. Сомогуй выпросил у них разрешение оставить на ночь пьяного Витю на полу в коридоре.

Утром, когда все вместе завтракали, забыв про спящего Витю, он неожиданно вышел к столу с кусками вчерашней пищи в волосах. Мама Сомогуя так и застыла с вилкой в руке.

А через несколько дней сам Сомогуй отличился почище Вити. Вернувшись на свою станцию метро поздно вечером в изрядном подпитии, он все не мог уgomониться и жаждал куража. Домой идти ему не хотелось. Бродил вокруг метро, отрывая телефонные трубки в автоматах. Складывал их в сумку. У выхода из метро познакомился с приезжим.

— Смотри, лимита, чо у меня есть, — сказал Сомогуй, расстегнул сумку и швырнул трубки на асфальт. Осколки полетели в него и приезжего, порезав им обоим руки и лица. Быть может, этот поступок был проявлением внезапно нахлынувших дружеских чувств, а, может быть, Сомогуй решил сыграть в террориста Гриневицкого, бросившего бомбу в императора Александра II и убившего ей заодно и себя вместе с самодержцем. В любом случае приезжий не стал это выяснять и пустился наутек. Сомогуй бросился за ним вдогонку, но не смог его настичь. Раздосадованный, он пошел домой, по пути выбив кулаком несколько стекол в окнах первых этажей. На шум из дома никто не выбежал и с ним не сцепился, так что Сомогую не удалось излить свой кураж. Поднявшись к себе в квартиру, он вышел на балкон покурить, думая, как бы еще повеселиться. Взгляд его упал на стоявшие на балконе банки с краской, приготовленные родителями для ремонта. Тут Сомогуй вспомнил, что прямо под ним живет актер Конкин, сыгравший ненавистного Шарапова в «Месте встречи изменить нельзя» — того, который

сдал ментам банду «Черная кошка». Сомогуй поднял первую банку и запустил ее в окно Шарапова. Одна за другой банки полетели вниз, разбивая стекла, влетая в квартиру соседа, ударяясь об стены или потолок, заливая краской обои. Вместе с банками с балкона выпорхнула избыточная энергия Сомогуя. Довольно ухмыляясь, он улегся в кровать и через минуту уже спал беззаботным сном малыша. Через полчаса его разбудили звонки в дверь. Это был вызванный Шараповым отряд ОМОНа. Мать Сомогуя вначале не поняла, что жена Шарапова лопочет про взрывы, бомбы и краску.

— У нас все спят, — повторяла она.

Потом вдруг запнулась, сообразила, что, конечно же, в случившемся виноват не кто иной, как ее ненаглядный сынок, и безропотно выдала его ментам. На этот раз Сомогую не удалось так легко отделаться как в истории с заборами, и он загремел за решетку.

А Сережа окончательно вышел из-под контроля отца. Перед майскими праздниками он запил в трехкомнатной квартире у Саши. Пили весь день и вечер, а под утро он устал пить, и улегся в одной из комнат на раскладушку. Но поспать удалось недолго. Проснулся от того, что кто-то больно тянул его за ухо. Открыл глаза. Над ним маячил отец. Сережа улыбнулся. Отца здесь быть не могло. Это явно была галлюцинация. Бесплотная, а значит не больная. Сережа закрыл глаза и попытался снова уснуть. Но галлюцинация оказалась назойливой. Она снова потянула

его за ухо с раскладушки, куда больнее прежнего. Тут до Сережи дошло, что это и вправду отец. Сережа попытался встать, но идти он не мог. Отец сгрел его с раскладушки, выволок в прихожую и прислонил спиной к входной двери. А сам отправился на кухню, где по-прежнему сидели прочие собутыльники.

Впоследствии Сережа узнал историю появления отца. Оказывается, утром взволнованные родители начали его искать. Обзвонили одноклассников. Один из них, по фамилии Псович и с соответствующей ей кличкой Пес, сказал, что Сережа у Саши и дал его адрес. Для начала Сережина мама позвонила Саше по телефону. Сережа уже спал, Саша сидел в туалете. Трубку взял пьяный знакомец Сережи усатый Боря. Благодаря усам этот Боря казался сильно старше остальных ребят, хотя их разница в возрасте была всего в несколько лет. Он не учился в их школе, Сережа знал его по университету. Но Боря и там не учился — в универ его приводили другие дела. Боря был личностью известной на весь МГУ. Его всегда можно было застать в холле гуманитарного корпуса с неизменным «дипломатом» и канистрой разливного портвейна, которым Боря поил всех желающих. Время было голодное. В «дипломате» находились фальшивые талоны на сахар, которые распространял Боря с помощью студентов. На деньги от продажи талонов Боря покупал портвейн. Боря был большим любителем поэзии. Пока все пили, он часами декламировал наизусть поэмы Пастернака и Бродского и стихи Галича.

В какой-то момент охранники выгнали Боря из холла, и он с «дипломатом» и портвейном переместился на Гоголя. Его хриплый голос разносился далеко по бульвару:

— Смерть придет, у нее будут твои глаза! — басил он.

Про него рассказывали такую историю — однажды он так напился, что упал на землю и заснул. Его собутельники разошлись. Из карманов у него торчали денежные купюры. Прохожие беззастенчиво обирали пьяного. Когда утром Боря проснулся, его карманы опустели. Он обнаружил в них лишь клочок бумажки. На бумажке было написано: «Взял сто рублей. Хиппи Джоник». Видимо, все брали просто так, а вот нашелся один честный хиппи, которому совесть не позволила поступить как все, и он оставил расписку.

Вот этого Боря Сережа привел в гости к Саше. Когда позвонила Сережина мама, Боря поднял трубку, обматерил маму и положил трубку обратно на рычаг. Мама расплакалась и рассказала об этом Сережиному отцу. Тот вспылил, вскочил в машину и поехал за Сережей к Саше.

Войдя на кухню, Сережин отец спросил:

— Кто хозяин притона?

— Я, — честно признался Саша.

— Давайте выйдем, — сказал отец.

Они вышли в комнату, и Сережин отец разбил Саше нос. Потом он вернулся к Сереже, поднял его за шиворот и втащил в лифт. В лифте он резко дал Сереже в челюсть, так что у того в глазах заплясали

зайчики. Потом он положил Сережу в машину, и они поехали к дому. По пути Сережа протрезвел. Когда они подъехали, вышли из машины, и отец стал запирать двери, Сережа бочком пустился прочь. Добежал до метро и поехал в гости к учившемуся в параллельном классе Олегу. Он больше не хотел возвращаться домой. Мама Олега пообещала не выдавать его отцу. На следующий день, когда раздался звонок в дверь, Сережа спрятался в шкаф. Но все обошлось — это ошиблись адресом.

Через неделю Сереже стало жалко маму с бабушкой, и он вернулся. Но надзор отца на этом иссяк — что-то в нем надломилось, и он просто перестал разговаривать с Сережей.

XIV

У Сережи появилась первая девушка, Катя. На самом деле до нее он ненадолго увлекся одноклассницей Олей, но дальше поцелуев у них дело не продвинулось. Катя была из их школы и училась в универе на год старше. С ней Сережу познакомил Митя, у которого был роман с ее одноклассницей Машей. Катя звонко смеялась, закидывая назад голову, и веселые огоньки горели в ее больших круглых глазах. Сережа любовался ее правильным греческим профилем, и ему казалось, она не умеет быть грустной. Зимой Катя пригласила Митю с Сережей к себе на дачу под Питер, куда она ехала вместе со старшей сестрой. Дача оказалась настоящей деревенской

избой с колодцем и деревянным туалетом во дворе. За холмом внизу тянулась долина замерзшей и заснеженной реки, по которой ребята каждый день катались на лыжах. Все бы было хорошо, если бы не сестра Кати Ньюша, оказавшаяся форменной истеричкой. Как-то вечером Сережа решил посушить носки на веревке над печкой. На той же веревке сушились Ньюшины валенки. Сережа случайно задел один из них, и он упал в стоявшее внизу ведро с водой. Ньюша закатила такой скандал на весь оставшийся вечер, что Сережа с Митей испуганно забились в свой угол за занавеской и оттуда не выходили. В другой раз они отправились на улицу за водой, и Сережа уронил ведро в колодец. Он полез по веревочной лестнице вниз на лед колодца, надеясь зацепить багром ведро и достать его из проруби, а Митя остался стоять на шухере. Неожиданно невдалеке нарисовалась Ньюша. Митя быстро вытянул лестницу и захлопнул крышку колодца.

— Ты что здесь делаешь? — услышал Сережа Ньюшин голос.

— Да так, гуляю.

— Быстро в дом дрова рубить!

Митя покорно ушел, а Сережа так и остался сидеть внутри колодца. Мити не было битый час. Наконец, он распахнул крышку. Окоченевший Сережа с трудом полез вверх. Ведро достать ему не удалось.

— Ты что так долго? — стуча зубами, спросил он Митю.

— Да Ньюша все время рядом была, задания давала.

Утром Ньюша обнаружила пропажу ведра. Крик стоял настолько чудовищный, что друзья схватили рюкзаки, встали на лыжи и пустились наутек. У Сережи сломалась одна из лыж, но он продолжал бежать, не останавливаясь. Катя вскоре тоже вернулась в Москву, она нисколько не обиделась на Сережу за его побег.

В начале лета Сережа предложил Кате поехать автостопом в Питер и дальше через Карелию на Белое море. Катя согласилась.

Доехали на метро до «Речного вокзала», потом на автобусе пересекли МКАД и вышли на трассу. Минут через пятнадцать остановился их первый на этом пути «КАМАЗ». Водители-дальнобойщики попадались двух типов. Первые с угрюмым видом сами ехали молча и от пассажира не требовали никаких рассказов. Они нравились Сереже больше. Вторые, любители поболтать, заставляли себя развлекать байками. К вечеру как раз один такой водитель сказал, что будет везти их, только пока Сережа рассказывает анекдоты. Сережа с грехом пополам вспомнил три анекдота. Потом рассказал две реальные истории из своей жизни, казавшиеся ему смешными. Шофер даже не улыбнулся. Сережа, запинаясь, сочинил еще какую-то историю. Все. Запасы его фантазии иссякли. Во рту пересохло. Водитель хлестал воду из пластиковой бутылки, но поделиться не предлагал. Сережа тоскливо посмотрел на Катю.

Та тоже сидела с грустным видом. Ее еще меньше прельщала возможность провести холодную ночь на пустынной трассе. Водитель сжалился над ними и поставил кассету с песнями «Ласкового мая». Послушали по два раза каждую сторону. Теперь, действительно, было все.

— Я спать, — сказал шофер и высадил их.

Сережа с Катей пошли вперед по дороге. Машин не было. Тишина, только кваканье лягушек доносилось с обочины из канав. Разглядели невдалеке от трассы какую-то сторожку. Внутри горела тусклая лампочка. Сережа дернул за ручку двери — она оказалась не на замке. Посреди крошечной комнаты дощатый стол. Постелили сверху спальники. Улеглись спать на жестком столе. Полежали с час. Не спалось.

— Пойдем снова на трассу, может, что-нибудь поймем, — предложила Катя.

Было зябко. На дороге по-прежнему пустота. Вдруг Сережа услышал шаги за собой. Обернулся назад. Из темноты вынырнула пошатывающаяся фигура. Чернявый мужик лет тридцати нагнал их.

— Чего по холодрыге чешете, спать что ль негде? — спросил он.

— Хотели машину поймать, но чего-то нет ни одной, — сказал Сережа.

— Какие в это время машины, до рассвета забей. У меня здесь дачка, пойдём ко мне, кирнем малька, баба твоя подрыхнет.

Сережа посмотрел на Катю. Та кивнула.

— А где дача?

— Да прям здесь, в ста метрах.

Дачка оказалась хибарой из кухни и комнаты с тахтой и стояла на шести сотках. Катя сразу же пошла спать в комнату. Мужик извлек из шкафа бутылку «Пшеничной». Сбегал на огород через заднюю дверь. Вернулся с двумя огурцами и пучком лука. Разлил водку по стаканам. Водка была теплая. Огурец горьким. Мужик покачивался на стуле перед Сережей.

— Во, я здесь живу, а сам из Казани, — бормотал он. — Ты на киче не был?

— Нет, — ответил Сережа.

— А я по малолетке десятку откатал. Мы с пацанами овощебазу накрыли. А ты, я смотрю, парень крепкий. Покажи банку, — он пощупал Сережины мускулы и хохотнул.

Разговор принимал бессвязный и неприятный оттенок. Может, ни на какой зоне мужик и не был, но от его слов отдавало угрозой. Он разлил еще по одной.

— А давай на кулачках — кто кого, — предложил он.

— Да не, зачем, — попытался вернуть разговор в мирное русло Сережа.

— Слушай, а давай поменяемся? — сказал мужик.

— Как это?

— Ну, ты здесь посидишь, а я к бабе твоей схожу, полежу.

У Сережи похолодело внутри. Именно этого он и боялся. Мужик был хоть и пьяный, но явно здоровее его.

— Да не, ну, зачем так делать... — пролепетал он.
— Как зачем? Чего жлобишься? Сам в гостях сидишь, харчуешься, а бабой поделиться — запахло?
— Это не баба, а моя жена, — соврал Сережа.
— Ну и чо с того? Какая на хрен разница?

Мужик снова разлил водку по стаканам. Выпили. «Может, он пытается меня спойть, чтобы я вырубился?» — пронеслось в голове у Сережи.

Мужик встал и открыл дверь в комнату. Посмотрел на спящую Катю.

— Э, эй, ты чего, — Сережа схватил его сзади за руку.

— Да не ссы ты, — оттолкнул его мужик, — я на огород, за огуркой.

Он вышел во двор. Сережа бросился будить Катю.

— Бежим, бежим, — шептал он. Проснувшаяся Катя сразу все поняла. Они выбежали на трассу. Уже рассветало. Сережа голосовал, выскочив на середину дороги. К горлу подкатывала тошнота от теплой водки, выпитой почти без закуски. Из-за поворота появился КАМАЗ. Затормозил. Они побежали к кабине. Дорога качалась под ногами. С первого раза Сережа не попал ногой на ступеньку, поскользнулся и упал на спину беспомощным крабиком. Водитель рассмеялся. Только тут Сережа осознал, насколько пьян.

Шофер высадил их на окраине Вышнего Волочка. Поймали легковушку, чтобы проехать через город и снова выйти на трассу. Выехали на окраину.

— Спасибо, — сказал Сережа человеку за рулем, выходя из машины.

— Спасибо сыт не будешь, — недовольно буркнул человек, — а деньги?

— А денег с нас не берут, — протянул Сережа.

— А в жопу вас не ....? — закричал водитель, хватаясь за гаечный ключ.

Пришлось улепетывать в поле. Дальнейшая дорога до Питера обошлась без приключений. В Пушкине и Павловске жили прямо в парках, постелив спальные на траве. Земля была мягкой, но к утру трава покрывалась росой, и спальные сырели. Через неделю поехали на Карельский перешеек, где находилась дача Катиного дяди.

От дороги к дядиному дому вела тропинка, петлявшая между поросшими мхом валунами. Дяди дома не оказалось, ключей у Кати не было. Сережа выбил стекло в окне. С устатку сразу же завалились спать. Разбудил их дядя, который стоял над кроватью с топором. Собрался уже покарать непрошенных гостей, но узнал племянницу. То ли из-за этого инцидента, то ли по другой причине, дядя к Сереже отнесся сурово — выдал в руки косу и отправил косить траву. Повторялось это каждое утро — во сне у Сережи перед глазами так и маячило тонкое лезвие косы. Так что на даче долго не продержались. Хотя за исключением неприветливого дяди все было хорошо — стоило отойти на пару сотен метров в лес, как тут и там попадались глубокие маленькие озерки с синей водой. Сережа не боялся холодной воды, прыгал в них голышом, нырял, фыркал, плавал туда-сюда и чувствовал себя хозяином тайги.

После дачи они поехали на Белое море, на биологическую станцию. Эта станция была странным местом — там работал стройотряд, почти целиком состоявший из выпускников математических школ. Сереже не до конца было ясно, почему все они так стремились оказаться на этой станции. Ведь приходилось с утра до вечера работать, причем за бесплатно, получая лишь еду и ночлег. Но станция находилась на территории заповедника, и единственный путь в него попасть был записаться в стройотряд. Однако основной причиной всеобщего желания поехать на Белое море было, наверное, общение и существовавшее там студенческое братство. Молодые люди ухитрялись по паре месяцев обходиться практически без сна. Днем они работали, а белые ночи коротали за песнями и играми в «теремке» — небольшом деревянном домике посреди станции. Расходились лишь под самое утро. Жили стройотрядовцы в «огарках» — длинном бараке, поделенном на мужскую и женскую половину, на двери которого были нарисованы три свечи. Как и среди хиппи, среди стройотрядовцев были «молодые» и «старики», только «старики» звались не «олдовыми», а «кремнями». Катя приезжала на станцию уже не первый раз, так что пользовалась в отряде определенным уважением. Поэтому они с Сережей, наплевав на общий уклад, поселились не со всеми в бараке, а отдельно, на чердаке «теремка». Здесь Сережа впервые овладел Катей. Это был первый раз не только у него, но и у

нее. Он неуклюже взгромоздился на нее, поерзал пару минут и откинулся на спину.

— Ну, как? — спросил он.

Катя глядела на скрещивающиеся посередине потолка деревянные балки.

— Я ничего не почувствовала, — сказала она.

Катина одноклассница Маша и Митя в тот год тоже были на станции. Как-то они поднялись на чердак к Сереже с Катей. Они целовались взад-вперед, кружась в вихре танца, и бились головами об балки. Иногда Маша бросала задорный взгляд в сторону Сережи.

— Маша групповушку нам вчетвером предлагает, — на следующий день, смеясь, сообщила Катя.

— Всерьез? — смутился Сережа.

— Наверное, шутит, — посмотрев внимательно на его лицо, сказала Катя.

По утрам всех на работу поднимал все тот же Храбров, что и в Молдавии. Он не гнушался залезать по стремянке на чердак, где спали в обнимку Сережа с Катей.

— Быстро на работу, если ремня не хотите! — командовал он. Они огрызались, но неизменно спустились вниз. С работой у Сережи не заладилось. По какой-то ошибке поначалу он вызвал уважение у командира отряда, его назначили начальником бригады и отправили строить плот. Плот Сережа задумал соорудить из деревянной катушки от электропроводов, усеянной ржавыми болтами. Но в дело вмешались два сотрудника станции. Один говорил,

что надо вначале выбить болты, после этого уронить катушку на бок, забить в нее пенопласт и обшить досками. Другой говорил, что вначале надо забить внутрь пенопласт, затем обшить доски и только после этого выбить болты. Как только ребята принимались выбивать болты, приходил второй и ругался, что нужно забивать пенопласт. Стоило им начинать забивать пенопласт, как появлялся первый и велел выбивать болты. Поэтому работа заняла целый месяц. Когда наконец они торжественно спустили плот на воду на глазах собравшейся публики, он издал прощальный бульк и ушел под воду.

Серезу разжаловали из начальников бригады и перевели на разбор сгнившего дома. Позор заключался в том, что все нормальные стройотрядовцы возводили новые дома, а Сереза с еще несколькими охламонами должны были разбирать старый. Отрывать гнилые доски от пола оказалось муторным занятием. В группе состоял увалень из параллельного класса по кличке Шумила. Сереза придумал упростить процесс — Шумила подпрыгивал, приземлялся на доски, и пол рушился сам собой. Покончив с первым этажом, перебрались на второй. Из пола торчала кирпичная труба от разобранный кем-то до них печи. Труба была подперта ломом. Сереза предложил Шумиле выбить кувалдой этот лом. Тот размахнулся, ударил... и пол пошел вниз вместе с трубой и Шумилой. Сереза и остальные участники их группы успели повиснуть на стенах, сцепившись

в деревянные брусья. А Шумила сломал ногу. Так что и из этой группы Сережу разжаловали и перевели сжигать огромную помойку на окраине станции. Дело это было ответственное — если бы вся помойка враз загорелась, то мог случиться пожар. А пожар бы поглотил станцию, лес и весь заповедник. Поэтому Сережа, сильно опасавшийся, как бы этого в самом деле не произошло, аккуратно граблями отрезал от помойки маленькие части и жег их одну за другой. Но однажды, отлучившись в столовую на обед, он увидел, как на краю леса поднимается облако дыма. Сломая голову бросился к помойке. Его глазам предстала страшная картина — видимо, ветерок перекинул огонь с отделенной им кучи мусора на основной массив помойки, и теперь она вся полыхала, мало того, принимались гореть стволы близлежащих сосен и елей. Сережа побежал обратно на станцию за подмогой. Собрал свою бывшую бригаду. Один из ребят, конопатый Леха, был сыном сотрудника станции и владел ключами от трактора. К возвращению Сережи с ребятами острые языки пламени уже облизали стволы и принялись пожирать ветви. Леха носился на тракторе во все стороны, сдирал дерн и кидал его на деревья. Остальные ребята засыпали помойку землей. За пару часов им удалось справиться с огнем. Помойка была сожжена, лес местами обгорел, но уцелел. Перепачканный в копоти, но довольный, Сережа обнимал своих спасителей. Никто из начальства не заметил дыма и не прознал

про этот случай. Для видимости Сережа еще пару недель ходил за станцию — якобы жечь помойку. Он валялся на траве и читал книжку философа Розанова. Когда вконец одолевали ненасытные северные комары, то бродил по сопкам, собирал морошку. Или окунался в ледяное верхнее озеро — было еще ниже, но оно находилось ближе к станции, а Сережа по понятным причинам не хотел попасться кому-нибудь на глаза.

Когда Сережа вернулся в Москву, его бабушка умирала в больнице. Она заболела еще до его отъезда, несколько раз падала, теряя сознание. Но Сережа не решился отменить поездку и поехал отдыхать с любимой девушкой. Теперь его мучила совесть. «А что, — думал он, — если когда-нибудь Катя меня бросит? Вот я променял на нее бабушку, которая меня вырастила, но девушки появляются и исчезают, а родная бабушка у меня всего одна». Когда Сережа пришел в больницу, бабушка не узнала его. Она заговорила на каком-то странном, незнакомом ему языке. Потом вдруг поняла, что это он, и сказала:

— Твоих отцов стало двое. Один здесь, а другой там, в ванной.

Сереже стало страшно. Бабушка смотрела на потолок и снова говорила что-то бессвязное. Сережа плакал, держа ее за руку. Больше она не обращала на него внимания, уставилась в потолок и все бормотала что-то, бормотала. Он ясно осознал, что она уходит. Утирая слезы рукавом свитера, вышел

из палаты. Через пару дней бабушки не стало. Это была первая смерть в его жизни, если не считать смерти дяди Леши, конечно.

XV

Сереже казалось, что он страстно любит Катю. Он желал ответной любви, хотел, чтобы она любила его душу, и не понимал, за что она любит его. Он пел ей песни под гитару, но она морщила нос, останавливала его и просила больше не петь. Он читал ей свои стихи, но она отворачивалась в сторону, поджав губы. Ему хотелось испытать ее любовь, и тогда он днями не звонил ей, ждал, когда она позвонит сама. Но потом, не дождавшись ее звонка, не выдерживал и набирал ее номер.

На зимние каникулы Катя позвала Сережу поехать с ней в Питер. Сережа согласился. Но его мучили все те же вопросы и терзали сомнения. Что есть истинная любовь? По-настоящему ли его любит Катя?

Раздался телефонный звонок.

— Ну чо, какие планцы на каникулы? — в трубке звучал веселый голос Степы. — Я вот в Питер хочу, поехали вместе, повеселимся.

И Сережа решил ехать со Степой, а не с Катей. Позвонил ей и сказал, что заболел и не сможет куда поехать. Ему было очень грустно из-за своего решения. Он сам не понимал, почему так поступает. Но ему представлялось, как Катя будет переживать, что он не поехал с ней, тосковать по нему. А когда

вернется, то бросится ему на шею, станет обнимать и целовать. Чем дальше они не увидятся, тем сильнее будет радость от встречи. Он пытался себя убедить, что делает правильно, но на сердце было тяжело.

На вокзале встретились со Степой.

— Я пузырь водяры взял, а у тебя чего с собой? — поинтересовался тот.

— Да, я щас, — как в тумане ответил Сережа, пошел в ларек за бутылкой. Когда возвращался обратно к Степе, ощутил на себе гневный взгляд знакомых глаз. Из толпы вынырнула Катя и отвесила ему звонкую пощечину. Молча отвернулась и ушла обратно. Как он не подумал, что они могут столкнуться на вокзале...

В этот раз ехали они по-взрослому, с билетами, не то, что раньше. А то как-то в купейном вагоне пробирались зайцами со Степой и еще знакомыми ребятами. Тогда одна девушка пряталась от проводника, свернувшись калачиком в багажном отсеке под лавкой. А Сережа с другой девушкой забился на боковую служебную полку, где всю ночь пролежал в тесноте на боку, не в состоянии пошевелить затекшей рукой и задыхаясь от пыли.

В Питере каждый день пили со Степой. Ходили стрелять в тир, тусовались в кафе «Сайгон» с волосатыми. Жили на «вписке» — так хиппи называли квартиры своих товарищей, у которых можно было остановиться, — у фотографа Глеба, где кроме них вписывалась еще компания музыкантов.

Музыканты по утрам уходили играть на улицах, а вечером возвращались с баклагами пива, колбасой и хлебом. Делились добычей со всеми жильцами, и каждый раз это был настоящий пир. В отдельной комнате жил старый хиппи Красноштан, прославившийся тем, что когда-то на дорожном указателе «Москва» при въезде в город вывесил огромные красные штаны. Красноштан слыл писателем — будучи в постоянном подпитии, он садился за письменный стол и якобы сочинял рассказы. Самих рассказов Сережа не видел, но Красноштана, как и все прочие «пионеры», уважал. Потом Степа решил вернуться домой, а Сереже было тоскливо и возвращаться не хотелось. Кто-то из хиппарей рассказал ему, что в Эстонии есть православный монастырь, место настоящей силы, он, правда, женский, но принимает паломников на постой. Сережу потянуло в монастырь. Он собрал сумку и вышел на трассу. Сменив пару тачек, пересек границу, к ночи доехал до города Йыхви. До монастыря оставалось еще километров тридцать по боковой дороге, и машины туда не ехали, что-то застопить было нереально. На автобусном круге грызли семечки несколько таксистов. Мороз стоял крепкий, Сережа попереминался с ноги на ногу и пошел к таксистам. Постеснявшись сказать, что ему нужно в сам монастырь, произнес лишь название места. Таксисты предложили довести за пятерку. Делать было нечего, Сережа достал из заначки последние пять рублей.

Темная трасса тянулась вперед, с обеих сторон плотными рядами стояли исполинские сосны.

— Вот здесь, — сказал водитель, остановившись посреди все столь же густой темноты. — И куда ты в такую глушь собрался?

— Да ничего, я доберусь, — ответил Сережа, хотя и несколько неуверенно. Рассчитался с водителем и побрел во тьму. Впереди на холме, как какой-то средневековый замок из фильма ужасов, возвышался монастырь. Сережа постучался в ворота. Несколько птиц всколыхнулись и пролетели над его головой, зашуршав крыльями. И наступила тишина. Сережа постучал еще. Отворилась низкая боковая дверца. За ней стояла старушка в монашеском одеянии.

— Ты кто? — шурясь на Сережу, спросила она.

— Я паломник, — ответил он.

— А паспорт у тебя есть?

— Не, зачем паспорт, — сказал Сережа, подумав, что в прошлые столетия паспорта у паломников, наверное, не спрашивали.

— Нет, к нам нельзя, у нас монастырь-то женский, иди-тко туда вниз, на турбазу, — сказала старушка и закрыла дверь.

Сережа поплелся по утоптанной тропинке, огибавшей монастырь и петлявшей вниз по другой стороне холма. Метрах в двухстах от монастыря на лесной поляне сгрудились одноэтажные домики. Сережа постучался в один из них, казавшийся жилым. Дверь открыл толстый розоволицый мужичок, по виду сторож.

— Можно у вас переночевать? — спросил Сережа. — Я утром уеду.

— Не, у нас для начальства, — отрубил мужик и захлопнул дверь.

Слезы потекли по лицу Сережи. Он остался совершенно один, зимней ночью, в тридцатиградусный мороз, посреди лесной глуши. Идти было некуда. Он плакал и плакал, слезы замерзали на его лице. Но отчаяние заставило побороть природную стеснительность. Он снова побрел к монастырю. Долго стучал в дверцу. Наконец, она открылась. Старушка посмотрела на его лицо и на этот раз без слов пустила внутрь. Отвела в трапезную. На столе стояли чайники под матерчатыми колпаками. Старушка извлекла откуда-то вареную картошку в мундире, квашеную капусту, подсолнечное масло.

— Давай перед едой помолимся, — сказала она. — Ты какие молитвы знаешь?

Сережа смущенно пожал плечами. Он не знал никаких.

— Тогда повторяй за мной.

Она начала читать «Отче наш» и креститься. Сережа, не умевший даже совершать крестное знамение, перекрестился левой рукой и открыл рот, чтобы произнести слово «Отче». Старушка в изумлении уставилась на него.

— Ты какой веры будешь? — спросила она.

— Ну, я это, никакой, а раньше был индийской, — неожиданно для самого себя соврал Сережа.

— А, индийской, тогда понятно, — сказала

старушка, — теперь учись, как у нас принято.

И она стала терпеливо показывать Сереже, как креститься, и учить его словам молитвы.

— Ну, а теперь спать, — сказала она, когда Сережа закончил трапезу, и повела его по длинному узкому коридору с низкими сводами в другой конец крыла.

— Вот твоя комната, — сказала, остановившись у маленькой дверцы в келью. Сережа пожелал ей спокойной ночи и вошел внутрь. Нащупал выключатель, повернул его. Раздался кашель. На правой из двух коек сидел мужик со шрамом через все лицо.

— Ты кто? — спросил он Сережу.

— Я паломник, — ответил удивленный Сережа, — а ты кто?

— Да я тоже паломник, — заржал мужик, ощерившись редкими зубами. — Ложись, гостем будешь. Спать пора, а то скоро на заутреню вставать.

Утром мужик разбудил Сережу и повел его в храм, по пути показывая монастырские строения. Он постоянно крестился, бормотал слова молитв и казался чрезвычайно набожным человеком, но все равно вызывал у Сережи какое-то недоверие.

В тот день они чинили полочки на кухне, а на следующий их отрядили на скотный двор, кормить свиней. Скотный двор находился за территорией монастыря. Как только они оказались за воротами, вся показная набожность исчезла с лица мужика.

— Ох, б..., — осклабился он, — наконец-то на воле, давай курнем и бухнем! Пойдем в ларек.

— Не, — засопrotивлялся Сережа, — как это курнем и бухнем, мы же в монастыре.

— Так мы ж не внутри, а снаружи! — загоготал мужик.

— И какой ты после этого паломник?

— Да никакой я не паломник, б...яха-муха, я с зоны откинулся, а у меня мать здесь монашкой служит, вот она, старая дура, меня сюда на исправление и уpekла!

Сережа все равно отказался пить и курить и погнал тележку с кормом на скотный двор, а мужик отправился в ларек в одиночестве. Но, видимо, заточил на Сережу зуб.

На следующий день он как ни в чем ни бывало сказал:

— Пойдем на святой источник. Тут такой обычай — нам надо в него окунуться.

Когда они подошли к роднику, мужик показал на прорубь и сказал:

— Давай, раздевайся, и прыгай.

— А ты?

— Да у меня чего-то зуб разболелся, я сегодня не могу.

Сережа разделся и послушно полез в прорубь. Холодную воду он любил, но эта была поистине ледяной, так что буквально через секунду он выскочил, весь дрожа.

— Во имя Отца, — осклабился мужик.

— Что? — переспросил посиневший Сережа.

— Хочешь духовно исцелиться — надобно три раза. Давай во имя Сына.

И Сережа снова послушно полез в воду. Когда он залез в прорубь в третий раз, из-за пригорка вынырнула цепочка монахинь с ведрами. Мужик куда-то исчез, а Сережа, не решившийся, понятное дело, оказаться перед монахинями в чем мать родила, так и остался сидеть в проруби. Монахини подошли поближе и изумленно уставились на него.

— Ты что здесь делаешь? — спросила первая из них.

— Я, я это... духовно исцеляюсь, — простучал зубами Сережа.

— Вылезай давай, мы отвернемся.

К вечеру Сережа свалился с температурой сорок, а мужика из монастыря выгнали. Сережа проболел с неделю. Выздоровев, собрался уезжать.

— Постишься? — спросила его мать Параскева, та старушка, что пустила его в монастырь.

— Конечно, — покраснев, соврал Сережа.

— Я тебе на дорожку пирожков испеку.

После обеда она принесла ему кулек с пирожками и перекрестила на прощание. Он дошел до дороги и сел в автобус. Развернул кулек. Надкусил пирожок. Он был с мясом.

Рядом с Сережей очутилась девушка с каштановыми волосами и миловидным лицом. Сережа рассказал ей, что он паломник, жил год в монастыре, истово молился и ходил на все службы. Водитель объявил остановку на двадцать минут. Кто-то

вышел в туалет или покурить, появились новые пассажиры. Сережа оказался рядом с другой девушкой. Ей он зачем-то поведал, что он бродяга, вписался в монастырь ради халявы, жил там вместе с вором, откинувшимся с зоны, они каждый день пьянствовали и жрали до упаду. Повернул случайно голову назад и поймал на себе укоризненный взгляд. Первая девушка сидела сзади него и все слышала.

Новая соседка предложила вписаться в Питере у нее с подружками. Так Сережа оказался в квартире с четырьмя девушками. Все они работали на фабрике мороженого. Каждый день притаскивали с фабрики ящик вафельных стаканчиков Сереже на ужин. Спали в одной комнате — девушки на кровати, а Сережа на раскладушке. На ночь Сережа рассказывал им сказки собственного сочинения про мальчика, живущего на звездном небе. А потом ему стало скучно и захотелось уехать, и как-то утром, когда девушки были на работе, он вышел на московскую трассу.

Теперь, вернувшись домой, он каждый день ждал звонка Кати. Но она не звонила. Сережа ходил на лекции, но не слышал слов преподавателей. Он почти ни с кем не общался. Напивался в одиночестве. Как-то на выходные поехал на дачу с мамой и отцом. Дома не сиделось. Пошел проведать своего друга Андрюшу. Может быть, получится поговорить с ним по душам. Когда-то, еще в детстве, Андрюша предложил Сереже сыграть в игру под названием

«Правда». Надо было отвечать правду на три любые вопроса. Первым вопросом был: «Есть ли у тебя дома запрещенные книжки?» Оказалось, что книжки есть и у Андрюши, и у Сережи. Второй Андрюшин вопрос Сережа не помнил, а третьим был: «Кто твой лучший друг?» Сережа сказал, что у него несколько лучших друзей, назвал Марка, кого-то еще. А Андрюша выпалил:

— Ты мой лучший друг!

Сережа, не ожидавший это услышать, смутился. Но с тех пор стал думать, что если Андрюша так считает, наверное, они и впрямь лучшие друзья. Просто раньше он не задумывался на эту тему и недооценивал Андрюшу, относясь к нему как обычному дачному приятелю. Он стал общаться с Андрюшей не только на даче, но и в Москве, познакомил его со всеми школьными товарищами, позвал в клуб самообразования. Они даже вместе делали свой журнал — выпустили два номера собственных стихов и рассказов, а Андрюша нарисовал обложку.

Еще в окно столовой Сережа увидел, что Андрюша не один. С ним были Коля и две девушки, их новые подружки. Войдя в дом, Сережа по виду друзей понял, что они явно не рады его визиту. Он был здесь лишним. Все пили чай с тортом, но ему даже не предложили. Они нарочито общались между собой, на него не обращая никакого внимания. Кровь прихлынула Сереже в голову. Он сам отрезал себе здоровенный кусок торта, налил чая.

— Ну чего вы здесь, как дурачки сидите? — заговорил он. — Пойдемте лучше покуролесим. У меня на даче колеса есть, я только что закинул. Хочется чего-нибудь расфигарить.

Он провоцировал друзей, сам не зная зачем, но уже не мог остановиться.

— Я уже месяц на колесах, крепко прет.

— А родители что говорят? — спросил Андрюша.

— Да я один здесь живу без родителей, отрываюсь. А вы что так уныло время проводите, как маменькины сынки какие-то? — Сережа хохотнул, отрезал еще кусок торта и стал запихивать его в рот.

— Шел бы ты лучше домой, — сказал Андрюша.

— Никуда я не пойду. Сколько хочу, столько и буду сидеть, — огрызнулся Сережа.

Коля злобно насупился. Андрюша оделся и выбежал во двор. Вернулся со своим дядей, жившим в сторожке. Дядя с порога стал кричать на Сережу:

— Убирайся отсюда, хулиган! Сколько еще можно терпеть тебя! Весь поселок страдает из-за этого гада! А то я сделаю так, что не только тебя, но и родителей твоих здесь ноги не будет!

Родителей Сережа не хотел подставлять. Он пошел домой. Потом мама рассказала ему, что Коля наябедничал своему отцу, что Сережа — наркоман, и его отец ходил жаловаться на это отцу Сережи. Но родители Сережи подняли отца Коли на смех — ведь Сережа жил на даче не один, а с родителями, в смежных комнатах, и они прекрасно знали, что ничем он не

закидывался, и никаких наркотиков на даче не водилось. С тех пор Сережа пообещал сам себе больше никогда не общаться с Андриюшей и Колей, и обещание свое выполнил.

А еще через месяц ему стало совсем невмоготу, и он разыскал в универе Катю. После лекции она вышла с ним во двор. Сели на скамейку в парке у замерзшего фонтана. Сережа встал перед ней на колени на снег.

— Я тебя люблю, — сказал он, взяв ее ладонь в свою.

— Тебя не было больше месяца, — ответила Катя. — У меня новый парень.

Сережа поднялся с земли и, ни слова не говоря, пошел домой. Его душили слезы.

XVI

Сережа совсем забросил учебу. Выходил утром из дома и ехал тусоваться на Чистые пруды или Гоголя. У него появился новый приятель — панк по кличке Волчонок. В ушах он носил серьги, голова его с двух сторон была брита, а оставшийся посередине гребень покрашен в синий цвет. Днем Волчонок сидел на бульваре и читал французские романы. А ночью залезал спать в помойку. Он любил играть в игру под названием «Доброе утро». По утрам откидывал крышку мусорного контейнера, высовывался наружу и кричал спешившим на работу гражданам: «С добрым утром!»

Продолжал Сережа и свои, как он их называл, «духовные поиски». Только увлекался теперь не православием, а восточной мистикой. Вместе с приятелем, полубирманцем по имени Гарик, ездил в Новогиреево на кришнаитские моления «киртаны». После медитации по рядам молящихся проходили русоволосые девушки в длинных сари и раздавали освященные печенья «прасады». Занятия проводил симпатичный белокурый юноша, который был не прочь перекинуться парой слов с любым пришедшим на киртан. Однажды гуру сменился — из тюрем стали выпускать попавших туда в советские годы кришнаитов, и место гуру занял вернувшийся из Сибири бритоголовый человек средних лет с колючим взглядом. В разгар моления из-за шкафа выполз здоровый таракан, в раздумье, куда направиться, пошевелил усам и пополз к гуру. Сережа не смог удержаться и прыснул со смеху. Гуру прервал мантру.

— В чем причина вашего столь необузданного смеха? — насупив брови, витиевато спросил он.

— В том, что таракан, — Сережа показал рукой на неумолимо приближающегося к гуру таракана, — пополз не куда-нибудь, а именно к достойному гуру.

Гуру побагровел:

— Выйдите вон! — закричал он.

Сереже пришлось покинуть кришнаитскую квартиру, и больше туда возвратиться он не рискнул. Теперь он читал книги по даосской философии и творения

Кастанеды вперемешку с трудами Судзуки по дзен-буддизму, в которых описывалось, как два буддийских монаха, Линьци и Пухуа, били друг друга палками по головам, чтобы достичь просветления.

Однажды у дома Сережу окликнула девушка, по внешнему виду опознавшая его как своего. Оказалось, что эта хипповая «герла» — ее звали Аннушка — живет с ним в одном доме. Она познакомила Сережу со своим молодым человеком — мужчиной лет тридцати по кличке Сталкер. По четвергам Сталкер устраивал у себя в квартире собрания. Собирались волосатые и обсуждали смысл жизни или зачем быть хиппи. Все то, в поисках чего Сережа как раз когда-то и пришел к волосатым. Только теперь эти разговоры почему-то казались ему банальными и скучными. Сталкер был автором манифеста хиппи, из которого Сережа запомнил, что длинные волосы — это антенны, ведущие к богу. Впрочем, большинство хиппи этот манифест не признавали и к Сталкеру относились с иронией.

Примерно в это же время у Сережи произошел еще один занятный случай с бывшим заключенным. Сережа несколько дней вписывался на «флэту», куда его привел знакомый хиппарь. Знакомый побухал и ушел, а Сережа продолжал зависать в компании немосковских парней и девиц, среди которых выделялся персонаж постарше, бритоголовый и покрытый размашистыми татуировками во всю грудь и спину, по кличке Чифан. В какой-то момент обитатели

квартиры заинтересовались, где в Москве можно вырубить «Салют». Сережа удивился их повышенному интересу — в принципе, достать шампанское «Салют» не составляло большого труда. Сережа сказал, что знает, где оно продается. В сопровождении одной из девиц его отправили за покупкой.

— Сколько стоит? — подозрительно озираясь, спросила девица при подходе к точке.

— По пятерке, — ответил Сережа.

— На тебе чирик, на две банки, — девица сунула Сереже десятку, а сама осталась стоять на углу улицы.

Сережа спустился в подвал «Новоарбатского» гастронома и взял две бутылки «Салюта» по пять рублей. Когда он появился на улице с шампанским в руках, девица изменилась в лице, позеленела и затряслась от злости.

— И так всю дорогу над нами подшучивал, а теперь что — совсем добить решил?! — кричала она. — Так и знай, это твоя последняя шутка!

Ей в голову не приходило, что волосатый и бородастый Сережа, выглядевший олдовым, не разбирался в тонкостях наркоманского слэнга. А слэнг этот лишь внешне напоминал алкогольный, но теми же словами назывались иные понятия. Скажем, слово «винт» в сочетании «пить винтом» у одних означало совсем не то же самое, что «винт» у других. Обитатели квартиры оказались томившимися по «винту» наркоманами. «Салютом» они называли необходимый для его варки солутан, что было Сереже абсолютно не ведомо. Когда они с девицей вернулись на «флэт», голый

по пояс Чифан разъярился и набросился на Сережу с железной трубой в руках. Сережу спасло лишь то, что как раз в этот момент в квартиру вернулся вписавший его приятель. Он отмазал Сережу, и тот моментально сбежал домой из злополучной квартиры.

К маю Сережа понял, что не сможет сдать сессию. У него появилась спасительная идея, навеянная поступками многих знакомых. Чтобы не идти в армию, они ложились в психушки. Вот и Сережа решил лечь в психбольницу, правда, не с целью закосить от армии, а в надежде оформить академический отпуск. Кто-то посоветовал ему обратиться не в обычную больницу, а в привилегированный институт психического здоровья. Очередь из желающих попасть в этот институт стояла на полгода вперед, но Сережу взяли сразу же без всякого блата. Как оказалось впоследствии, он подошел под тему диссертации одного аспиранта, который писал о том, что длинные волосы — это явный признак сумасшествия. Вывод, несколько расходившийся с тезисами Сталкера, но в данном случае он вполне Сережу устраивал. Неожиданно для Сережи и волновавшиеся за него родители подтвердили его легенду — способный мальчик переутомился от учебы и впал в депрессию. Об этом говорили и принесенные ими грамоты победителя олимпиад районного масштаба. В принципе, такие грамоты обычно имелись у почти каждого ученика матшколы, но не искушенным медицинским работникам они казались весомым свидетельством его

былых успехов. В общем, все выглядело так, как если бы действительно любивший математику и физику вундеркинд переучился, потерял интерес к наукам, отрастил волосы и перестал посещать занятия. Сам Сережа говорил врачам, что на него давят серые стены университета — что было истинной правдой. Для полноты картины он еще добавлял, что больше не может читать книги и общаться с друзьями.

Сережа поступил в больницу в один день с девушкой, у которой случилась послеродовая депрессия. Аспирант девушке достался тот же самый, что и ему. А заведовал отделением звезда науки профессор Шмулевич, который исповедовал принцип, что сложные заболевания излечению не поддаются, а болезни средней тяжести можно уничтожить электрошоком. Так что девушке предписали электрошок. Отделение санаторного типа была общим — в нем находились как мужские, так и женские палаты. Утром перед первым сеансом, назначенным девушке, они с Сережей обсудили своего аспиранта и то, о чем он с каждым из них беседовал. После девушкиной шокотерапии пришлось обмусолить это заново — она не помнила ничего из того, что было с утра. После второго сеанса девушка не могла найти свою палату — шла по коридору, держась за стенку. Сидевший в коридоре Сережа встал со стула и помог ей дойти до койки. После третьего сеанса он больше ее не встречал — наверное, она уже не вставала с постели.

Самому Сереже для начала назначили таблетки. Он прятал их под языком и сплевывал в ладонь в туалете. Таблетки со всего отделения собирал его сосед по палате Эдик из Бердянска. Эдик, пытавшийся в родном Бердянске покончить жизнь самоубийством, теперь поглощал за день около шестидесяти таблеток циклодола. Он был сыном какого-то влиятельного городского мафиози, и раз в неделю земляки подгоняли к их окну пакет конопли, которую Эдик по ночам курил прямо в палате, угощая всех желающих.

Еще в отделении лежали актер театра Жора Короткий и сын известного поэта Боря. Жора с Борей однажды ворвались в палату Сережи, одетый в спортивные штаны с красными лампасами Жора кричал, что он вампир и выпьет Серезину кровь. Шутил ли он или и вправду считал себя вампиром, Сережа так и не понял. А Боря боялся ездить в лифтах. Он был похож на своего отца-поэта, но по рассказам старожилов за те полгода, что Боря провел в отделении, отец его так ни разу и не навестил. Однажды Борю выписали, но на его несчастье, на него в тот же день напали хулиганы и отняли куртку. В состоянии острого психоза он вернулся в больницу.

Был еще сын виолончелиста Саша, с которым Сережа пробовал играть в шахматы. Но играть с ним было скучно — Саша продумывал комбинации, но тут же забывал свои предыдущие ходы. Как-то раз привезли маленького человечка, который вырывался

и кричал, что он академик, а потом его затолкали в палату, и он затих. Оказалось, что вновь прибывший действительно всамделишный академик.

Сам Сережа поначалу пристроился ходить туда-обратно по коридору за молчаливым пациентом, который отсчитывал тридцать шагов в каждую сторону. Вот Сережа, изображая депрессию, и вышагивал за ним, понуро опустив голову. В целом лежать в психушке оказалось приятно. Днем ходишь себе по коридору, а вечером читаешь в палате или куришь коноплю с Эдиком. Но лафа продолжалась недолго. Сережу вызвали к Шмулевичу, он объявил, что курс лекарств закончен, и теперь Сережа должен выбрать, как лечиться дальше — капельницей или электрошоком. Сережа попросил время на раздумье. Капельница тоже не радовала — в соседней палате лежал человек под капельницей, который по сто раз на дню здоровался с Сережей. Он нашел такой выход — сразу же стал изображать резкое улучшение здоровья от лекарств. Ведь если таблетки помогают, зачем тогда менять курс и переходить на что-то другое?

Так что Сережа перестал ходить по коридору, теперь он часами играл с Сашей в шахматы. В отделении лежали еще несколько простых работяг, которые косили от работы. Это были прямые честные люди без гнилых задних мыслей, от которых не надо было ждать подковырок или подстав. С заводскими людьми Сережа раньше почти не пересекался

и теперь получал удовольствие от общения. Сильнее всего Сережа сдружился именно с ними — ходил вместе в тренажерный зал или гонял шары в бильярд. В остальное время гулял по двору. Там он познакомился с черноглазой девушкой, которая попала в больницу, потому что боялась, что у нее рак. Девушки в отличие от мужчин не косили, а по-настоящему страдали душевными заболеваниями. Эта девушка лежала не в санаторном отделении, а в более серьезном, но как только улучала свободную минуту, тут же бросалась на поиски Сережи. Она была дочкой генерала КГБ, ей приносили знатные гостинцы, и она все отдавала Сереже — постепенно весь подоконник в его палате уставился банками персиков в сиропе и другими сладостями.

— Жених и невеста, тили-тили-тесто, — завидев, как они гуляют под руку во дворе, дразнили их остальные пациенты.

Лечащая врачаха, молодая симпатичная женщина, просила у Сережи посмотреть его стихи и картинки, о которых ей рассказали его родители, но он, подзревая, что после их изучения его могут упечь уже надолго, под разными предлогами отказывался. Но врачаха все равно относилась к Сереже хорошо, поверила в улучшение его состояния и рекомендовала консилиуму не менять курс. Разговаривая с ним, она неизменно улыбалась, и даже изредка разрешала ему ночевать не в больнице. Через улицу от их корпуса жили два его приятеля-хиппана. Сережа назначили

электронное обследование мозга, он очень боялся, что никакого нарушения не обнаружат, после чего его разоблачат и выгонят раньше срока. Но он так укурился у приятелей накануне, что обследование показало что-то, вполне совпадавшее с представлением врачей о его личности, и в тот раз ничего в его положении не изменилось.

Впрочем, из больницы его все равно вскоре выписали — то ли слишком резко он пошел на выздоровление, то ли его все-таки разоблачили. Нянечка-медсестра обнаружила у него — человека, который, по его собственным словам, не мог читать книги из-за депрессии — в тумбочке кипу умных книг типа Фрейда и Ницше. Кроме того, его, якобы не желающего общаться с людьми, внезапно неиссякаемым потоком потекли навещать друзья. Сережа и сам не мог понять, почему вдруг они повадились ходить каждый день такими большими толпами. А потом оказалось, что в женском отделении содержатся проститутки, которые при виде молодых парней подходили к окнам и оголяли груди и причинные места. Через форточку они кидали Сережиным друзьям апельсины и шоколадки.

В итоге Сережу выписали прежде срока, но все закончилось хорошо — для оформления академического отпуска нужно было набрать сорок дней болезни, но засчитывалось не только время, проведенное им в больнице, но и дни амбулаторного лечения, назначенного ему после выписки. Так что теперь

он был свободен, и этой свободы впереди его ждал целый год! Впервые за последнее время Сережа был по-настоящему счастлив.

XVII

Сережа брел по дороге. Ветер колыхал листву деревьев все быстрее, небо набухало свинцом. Крупные виноградины дождя запрыгали по дороге, некоторые из них, падая, разбивались о Сережино лицо и растекались по нему вкусной влагой. Золотые кинжалы молний взрезали свинцовое полотнище неба, оно загудело и взорвалось громом, капли превратились в поток. Впереди виднелась автобусная остановка, Сережа побежал к ней. Кроме него под навесом остановки укрылись еще двое — средних лет женщина с суровым лицом и светловолосая девушка с тонкой талией и высокой грудью, сидевшая на другом краю скамейки. Девушка подвинулась, уступая ему место, Сережа сел рядом с ней.

— Спасибо, — сказал он, и уже хотел отвернуться, но невольно задержал взгляд, залюбовавшись ее фигурой. Девушка повернула к Сереже свое лицо со светло-синими глазами, прямым носом и маленькими красными губками.

— Вы тоже рижского автобуса ждете? — улыбнувшись, спросила она.

— Нет, мне до развилки, я еду на север.

— Отдыхали тут?

— Ну да, родители отдыхают на турбазе на озере,

я их навестил, недельку с ними провел, половил рыбу с отцом, а теперь еду дальше.

— А куда?

— На Соловки.

— Ох, как я бы хотела побывать на Соловках! — мечтательно протянула девушка, улыбаясь одними губами.

Сережа не нашелся, что ответить. Подошел автобус на Ригу. Женщина собрала свои сумки и пошла к автобусу. Девушка, чуть задержалась, казалось, хотела сказать что-то еще, а потом вскочила с лавки и побежала к автобусу, покачивая бедрами. Обернулась со ступенек, помахала Сереже рукой на прощание и еще раз улыбнулась.

Автобус уехал, оставляя в Сережином сердце пустоту. Еще недавно сердце щемило от восторга, когда Сережа смотрел на девушку, а теперь восторг стремительно таял, уступая место тоске и отчаянию.

«Ну, почему, почему, я такой растяпа, — думал Сережа, — ведь как легко было просто сказать: «Так поедемте вместе!» и все было бы хорошо! На худой конец, можно было бы взять у нее адрес, телефон, или не ехать на Соловки, где ждут меня Степа и Витя, а поехать бы за ней, с ней, в Ригу. А теперь все потеряно! Что, если это вдруг нахлынувшее чувство — любовь с первого взгляда, любовь, которая могла бы быть на всю жизнь, а теперь я никогда больше не найду ничего подобного? Что если это был единственный шанс, который я так нелепо упустил?» Подошел Сережин автобус, он поднялся в салон, сел в кресло,

но отчаяние не отпускало, сменилось тупым унынием, и всю дорогу, день, следующую ночь он думал про нее. И потом еще много лет вдруг в какой-то момент вспоминал ее совершенное лицо, светлую улыбку, фигуру, нет-нет, но мысль внезапно возвращалась к ней, и сердце сжимала ничуть не ослабшая тоска. «Что это было?» — думал он. Пара случайных слов, оброненных на дороге, двухминутная встреча. Как могут две минуты превратиться в неизбывную муку, которая не проходит, не оставляет, не иссякает десятилетиями?

XVIII

Из Кеми на Соловки ходил единственный катер, и назывался он «Надежда». На причале Сережа встретил знакомых, возвращавшихся с Большого Соловецкого острова. Они рассказали, что видели Витю, который прибыл на остров в ужасном состоянии. В Кеми он оказался без денег, зато с семью бутылками портвейна, которыми собирался расплатиться с матросами «Надежды». Вечером по приезде в Кемь он отыскал одного из матросов и предложил ему бутылку портвейна. Они выпили ее вместе. Потом прикончили и все шесть остальных. Ночевали на катере, где в трюме обнаружилась бочка самогона, запасенного капитаном. Переключились на самогон. Катер идет на Соловки всего несколько часов, но Витя проплавал три дня. Каждый раз, когда он ненадолго приходил в себя, то оказывалось, что

катер либо еще не доплыл до берега, либо плывет обратно. На четвертый день, Витя, по его словам, решил, что господь не хочет пускать его в таком виде на святую землю, стиснул трясущиеся зубы и вышел на берег. Тут его и встретили Сережины знакомые. Их версия, правда, отличалась от Витиной. Они считали, что просто капитан обнаружил пропажу самогона и выгнал Витю с катера.

Сережа нашел Витю и Степу в здании школы. Желтоволосый завхоз с испытанным лицом, Антон Антонович Антонов по кличке «А в кубе», летом исполнявший обязанности директора, пускал в школу туристов на постой. Спать приходилось прямо на полу на школьных матах, завернувшись в спальники. В одном с ними зале жили так же скрипач, игравший концерты Вивальди по вечерам в монастырской башне, и толстая художница, рисовавшая соловецкие пейзажи. Ее муж сбежал от нее, устроившись коком на проходивший мимо корабль. Над художницей почему-то издевался Степа. Она возвращалась с пленэров с огромным мольбертом в руках. Перед ее приходом Степа то прислонял к двери весло, то ставил на нее ведро с водой. Вид ушибленной веслом или облитой водой художницы доставлял Степе настоящее удовольствие, и он разражался громким смехом. Но художница не обижалась, так что выжить ее из их зала оказалось невозможно. Потом на остров прибыл стройотряд из архангельского лесного института, состоявший из одних девиц. Они тоже поселились в школе, к радости

Сережи и его друзей, только не в одном с ними зале, а в соседнем. Степа взялся шутить и над ними — посреди ночи включал школьный звонок, и стройотрядовки, в чем мать родила, чертыхаясь, носились по коридору, пробуя его отключить. Про прибытие целого отряда девиц прознали местные жители и принялись по ночам исполнять под окнами что-то подобное испанским серенадам, изрядно досаждая Сереже и ребятам. Однажды, когда Сережа сидел на кухне вместе с девицами в ожидании пекшегося в духовке пирога с клюквой трое самых отчаянных смельчаков проникли в школу. Увидели сзади длинные Сережины волосы, подкрались поближе, и тут... Сережа обернул на шум свое бородатое лицо. Гостям пришлось удалиться не солоно хлебавши. Осознав, что женский батальон явно не чисто женский, а разбавлен мужеподобными особями, они оставили девиц в покое и больше не появлялись.

Сережа исходил остров вдоль и поперек — от Ребалды до мыса Печак, от Кремля до Долгой Губы и пролива Южные Железные Ворота. В то время монастырь только восстанавливали, он еще не действовал, на стенах его подвалов сохранились выцарапанные заключенными их лагерные номера. Причудливую смесь остатков церковного и тюремного прошлого поглощала буйно наступавшая северная природа. С вершины Секирной горы Сережа смотрел на раскинувшийся вокруг кудрявый зеленый лес, вдалеке переходивший в синюю гладь моря, постепенно светлеющую, становившуюся

на горизонте белой и сливавшуюся с небом. Вниз круто уходила деревянная лестница, по ступенькам которой во времена Гулага скидывали заключенных, привязывая к ним бревна.

Через месяц друзья решили ехать дальше, на биостанцию. Тепло попрощались с «А в кубе», распив на дорогу бутылку «Столичной».

— Приезжайте в следующем году, — приглашал «А в кубе», привыкший крепко пить еще с тех пор, когда работал техником на летном поле и смазывал горячим ненасытные утробы сельских кукурузников.

Но до следующего года «А в кубе» не дожил. Через пару лет Сережа узнал, что унылой соловецкой зимой сквозь пургу он поплелся на другой край поселка к ларьку, в надежде отоварить талоны на папиросы. Но папирос в ларьке в очередной раз не оказалось. Тогда «А в кубе» вернулся в школу, выматерил что есть мочи советскую власть и удавился на дверце своей подсобки.

А Сережу с друзьями не пустили на катер.

— Вот еще, буду я их брать, — сказал капитан матросу, — вот этого в прошлый раз взяли, — он показал на Витю, — так неделю потом избавиться от него не могли.

Пришлось лететь на кукурузнике в Архангельск, а уже оттуда кругом добираться до Кандалакши.

XIX

После биостанции Сережа вернулся в Москву, а оттуда решил поехать на юга, то есть в Крым, с дачным

другом Митей. В поезде очутились в купе с еще двумя пареньками. Вместе выпили бутылку вина, которую прихватил с собой Митя. Соседи рассказали, что они коренные крымчане.

— Мы древние греки, — поведал один из них.

— Как это древние? — удивился Сережа.

— Ну, кровь у нас такая, по крови мы древние греки, — пояснил тот.

Когда Сережа ложился спать, долго думал, куда спрятать ксивник с деньгами и документами. Один из древних греков сидел напротив и пристально смотрел на Сережу. Сережа застыдился своего опасения перед новым знакомцем и просто положил ксивник на полку у головы. Проснулся от нехорошего предчувствия. Протянул руку к полке. Так и есть — ксивник исчез. У Сережи с испугу засосало в животе. Он разбудил Митю, спавшего над ним на верхней полке. Тот тоже пошебуршил рукой.

— И у меня ксивник пропал.

Слез с полки. Они растолкали греков. Те недоуменно поводили плечами.

— Мы вообще не в курсах, ничего не брали, — говорили они.

Греки угостили ребят шампанским, дали им на дорогу рубль. Так Сережа с Митей очутились в Крыму без документов и денег. У Мити с собой была палатка, поставили ее в камышах недалеко от поселка Планерное. Камыши от поселка отделяли песчаная дорожка и пустырь, заваленный мусором — вдавленными

в землю плоскими пакетами от молока, осколками бутылок, ржавыми жестяными банками. Попрошайничали на еду у отдыхающих. Делалось это так — подходишь к какой-нибудь семейной парочке и говоришь: «Я бетный студент из Таллинаа...» Почему именно из Таллина — непонятно, но считалось, что уроженцам далекой Прибалтики подают охотнее. На собранные гроши питались кашей или гарниром в местной столовой. Воровали арбузы на рынке. Сережа отвлекал продавца, а Митя откатывал арбузы ногой. Залезли как-то в виноградник на горе и набрали мешок винограда. Сторож спустил на них собаку, но успели удрать, прихватив виноград с собой.

Гуляя взад-вперед по местному променаду — набережной, встретили двух знакомых девочек из школы, которые с родителями одной из них снимали домик на противоположном конце поселка. Ходили к ним в гости на ужин. Как-то вечером, когда шли по набережной от девочек, навстречу им появилась толпа в тренировочных штанах.

— Бей москалей! — раздались возгласы.

Сережа с Митей побежали с набережной к морю, надеясь, что там темнее и удастся скрыться. Но дорогу им преградила сетка — пансионаты отгородили друг от друга свои территории. Пришлось повернуться лицом к врагу. Сережа на бегу толкнул первого из нападавших, ударил ногой второго. Каким-то чудом ему удалось вырваться из вражеского окружения. Он спрятался за камнями у дороги. Ждал, когда наконец

появится Митя. Старался рассмотреть, что там вдали происходит. Подъехала милицейская машина. Гопники разбежались. А Мити и след простыл.

— Может быть, его убили и утопили? — проносились страшные мысли в голове у Сережи.

Он осторожно побрел к палаткам. Впереди у скамейки увидел группку пацанов в трениках. По набережной двигалась влюбленная парочка. Парень шел справа от девушки, обнимая ее за талию, а Сережа пошел слева — как будто он тоже с ними идет. Пока парень заметил Сережу и удивленно открыл рот, чтобы спросить, какого черта он собственно здесь делает, они успели миновать опасное место. Сережа ускорил шаг и отделился от парочки. Спрятал волосы под воротник. Еще разок углядел в кустах кучку каких-то парней. В голову ничего другого не пришло как изобразить пьяного. Приблизившись к парням, Сережа натужно запел, старательно выделявая украинский акцент: «Хоп-стоп, мы падашли из-за угла». Прошел мимо, изрядно пошатываясь. Помогла ли его уловка или просто парням не было до него никакого дела, но его никто не тронул. В камышах Мити тоже не оказалось.

Сережа разбудил спавшего в одной из соседних палаток знакомого по Москве.

— Вставай, на нас гопники напали, надо Митьку искать.

Знакомый явно не жаждал расставаться с теплой палаткой, где он лежал в обнимку со своей девушкой.

Долго копошился, кашлял, говорил, что не может никуда идти, ссылаясь на большую температуру. В конце концов Сереже удалось его усювестить, и он выполз из-под навеса. У знакомого был в палатке топор, Сережа предложил взять его с собой, но тот не решился, ограничившись перочинным ножиком. Обратно пошли в обход по улице Ленина, идущей параллельно набережной. Стоило завидеть далеко впереди прохожего, как знакомый приседал и прятался за кустами. Наконец повернули вниз. Навстречу надвигалось темное пятно внушительного размера — во всю ширину проулка. Приглядевшись, Сережа различил очертания мужских тел, шедших плотными рядами. Побежали обратно. С той стороны приближалось еще одно пятно. Сережа со знакомым вжались в стену кафе на углу. Два пятна сомкнулись друг с другом ровно напротив них. Сережа стоял, затаив дыхание. От парней их отделяли только столики кафе. В руках у некоторых из них Сережа разглядел прутья и палки.

— Ну чо, всех доби́ли? — спросил первый голос.

— Да не, кое-кто по кустам попрытался, — ответил второй.

По стене буквально в полуметре от Сережи шаркнул луч фонаря. Сережа понял, что это конец — им не уйти.

— Ну, ничего, хлопцы, завтра добьем, — раздался третий голос, — поздно уже. Айда по домам.

И объединенное пятно покати́лось вверх на Ленина. А Сережа со знакомым во всю прыть понеслись по набережной к палаткам.

Митя появился только через день. Оказалось, он не стал пробиваться через толпу, а упал на гальку и прикрылся руками. Его попинали ногами, а потом подняли и начали окунать в воду. Приехала милиция, и хулиганы тут же растворились в темноте, а Митю поймали и отвезли в отделение. Там его продержали сутки — менты сказали, что у них сидеть безопаснее. Они рассказали, что в этот день — праздник победы над фашистами в Курской битве — каждый год специально приезжают из Харькова парни, чтобы бить москалей.

Митя сказал, что он хочет в Москву. Собрал свою палатку и уехал. А Сережа решил остаться. Еще раньше он на пляже познакомился с двумя девушками, отдохавшими в соседнем поселке, и они пообещали перебраться к ним в камыши. Причину, по которой он надумал задержаться, Сережа от Мити утаил. День за днем он ждал девушек. Прошла неделя, но они так и не появились. Весь виноград Митя с Сережей съесть не смогли — теперь он сгнил, и вокруг него расплодился какие-то кусачие мошки, которые по ночам атаковали спавшего под открытым небом Сережу. Денег на дорогу у Сережи не было. Он сговорился ехать автостопом вместе с каким-то хиппаном, который тоже жил в камышах. Хиппан оказался крайне ленив — пока Сережа голосовал на дороге, он методично уничтожал их единственный съестной припас — пачку кускового сахара. Добирались они больше трех

дней. В первую ночь водитель их выбросил на дороге посреди тихого сонного городка. Они долго искали, где бы прикорнуть, перемахнули через забор, расстелили полиэтилен, а на него положили спальные. Проснулись от шума — это дворник подметал улицу рядом с их головами. Оказалось, они залезли не во двор здания, а наоборот перелезли из двора и лежали прямо на улице. Во вторую ночь полил дождь, они заползли под товарняк, стоявший без паровоза на боковых путях. Проснулись от солнечного света и с удивлением обнаружили, что товарняк исчез. На третий день просто спали под дождем на обочине трассы, завернувшись в полиэтилен. В Москву Сережа вернулся больным, с температурой тридцать девять. Но он был доволен — благодаря болезни удалось отлынить от картошки, куда отправили весь их курс.

XX

Осенью Сережу снова потянуло в дорогу. Он отправился в Харьков, поселился в лесничестве под городом на хуторе вместе с компанией панков. Двое девиц оттуда собирались в Москву и спрашивали вписку. Сережа дал им телефон Вити. Витя потом рассказывал, что приютил этих девиц у себя дома. Его мать заглянула в его комнату и обнаружила, как они пытаются уколоться. После чего выгнала их с диким скандалом. Вскоре девицы позвонили Вите и рассказали слезную историю, что наткнулись на улице на кавказцев,

знакомых по Харькову, которые обвиняли их в воровстве дорогого спортивного костюма. Они просили у Вити денег взаймы, обещая через неделю вернуть. Витя снял со сберкнижки все свои триста рублей — большие по тем временам деньги, — вырученные за продажу вынесенных из школы книг. На эти деньги Витя собирался снять дачу и переехать туда от матери с сестрой. Витя одолжил эти деньги харьковчанкам, и они навсегда исчезли из его поля зрения.

К зиме Сережа переместился в Киев. Встреченные на улице неформалы сказали, что можно вписаться в коммуне хиппи на Подоле. Вечером Сережа подошел к покосившемуся одноэтажному зданию. Заглянул в предбанник. За маленьким столиком сидел хмурый волосатый и уминал макароны. На вершине пирамидки из макарон горделиво возвышался кубик сливочного масла. Рядом с волосатым на скамейке расположился паренек лет двенадцати в кирзовых сапогах и большой кепке.

— Можно вписаться? — спросил Сережа.

— Не, у нас места нет, — сказал Малой. — Иди отсюда.

Сережа удивился неожиданной грубости, но ничего не ответил. Делать было нечего, он вышел на улицу. Через дорогу шла какая-то стройка, шныряли рабочие в касках. Сережа попросился у сторожа на ночлег. Его пустили в недостроенное здание, и Сережа заночевал на топчане на одном из верхних этажей. Спать было холодно и неудобно — с короткого кожаного топчана ноги свешивались на пол. Наутро Сережа снова зашел

в коммуны. Во дворе выстроились в шеренгу человек пятнадцать волосатых. Замыкал шеренгу Малой. Их отчитывал стоявший перед ними немолодой человек лет тридцати пяти, обладатель ярко-рыжей копны волос.

— Ты кто такой? — обернулся он на Серезу.

Сереза рассказал о себе. Человека звали Джаксон, и он говорил, что это не кличка, а подлинная фамилия — его отец чистокровный ирландец. Он ввел Серезу в дом. Оказалось, что задняя стенка стоявшего в предбаннике шкафа открывалась и превращалась в дверцу, ведущую в огромную комнату, уставленную трехэтажными рядами нар. На этих нарах и жили коммунары. По комнате в кирзачах слонялся, поплеывая на пол, важный Малой. Остальные целыми днями валялись на нарах, каждое утро делегируя в дежурные по предбаннику кого-нибудь одного. Дежурный сидел там на страже, охраняя дом от непрошенных гостей и создавая видимость, что во всем доме, кроме него, больше никого нет. Эти меры предосторожности оказались неслучайны. В городе бесчинствовала банда гопников некоего Боксера. Он запретил неформалам проход по Андреевскому спуску без уплаты налога. Волосатые платить налог отказывались. Тогда Боксер с парой подручных ворвался в предбанник, исколошматил дежурного по имени Ефрик и украл у него магнитофон. Ефрик написал заявление в милицию и теперь скрывался, а остальные ожидали нового визита Боксера.

Джаксон оказался удивительно предприимчивым человеком. Он как-то ухитрялся разводить городской совет, уверяя, что является директором артели реставраторов, получал деньги и брал дом на реставрацию. Проходило время, выяснялось, что реставрация никак не продвигалась, Джаксона выгоняли, но он одному ему известным способом выбивал у властей новый дом и снова жил припеваючи на полученные средства. Дом, в который приехал Сережа, был уже по счету третьим или четвертым на Подоле, находившимся в ведении Джаксона.

Тянулись однообразные дни. Прогулки по городу — центр под рукой, главное, обходить стороной Андреевский, — неспешная болтовня с коммунарами, пиво, неизменные макароны, дежурство в предбаннике. Однажды Джаксон снова выстроил всех во дворе, заявил, что ему надо ехать по делам в Питер, и весь денежный общак он увозит с собой. Но ничего страшного, через недельку он вернется, и жизнь снова пойдет как раньше. В Питер он берет двоих — молодого светловолосого Женю в широких расклешенных штанах и с яркими феньками на шее и Сережу. Джаксон выдал им билеты на поезд, и уже вечером они оказались в вагоне. Женя с Сережей залезли на свои верхние полки и провалялись на них всю ночь и половину следующего дня.

— Денег у нас мало, надолго не хватит, — сообщил им Джаксон, когда наконец они слезли вниз, — так что идите по вагонам, аскайте бабки или хавчик.

«Аскасть» на хипповском жаргоне означало попрошайничать, и Сережа с Женей послушно отправились в разные концы поезда. Бабок пассажиры не давали, но Сережа набрал сала, соленых огурцов и хлеба. В одном из купе разместилась группа цыган.

— Сядь, — властно сказал Сереже лысоватый коренастый мужчина с длинными черными как битум усами.

За ним на сиденье, облокотясь на руку, полулежала молодая женщина с узкой талией и мягкой линией округлых бедер. Широкая коса свешивалась ей на полуобнаженную грудь. Женщина глядела на Сережу большими серыми глазами чуть улыбаясь.

— Ты почему бродяжничаешь, у тебя что, родителей нет? — спрашивал мужчина.

— Да не, есть, папка — инженер, а мама — агроном, я просто живу отдельно, — невпопад врал Сережа, не в силах оторвать глаз от женщины.

— Как тебе не стыдно, — говорил усатый, — я в твои годы уже дом батьке с мамкой строил, а ты бесцельно слоняешься, жизнь летит зря.

Он налил стопку водки, подвинул ее Сереже. Нарезал сала. Сережа выпил, занюхал салом.

Усатый налил вторую, и себе тоже. Сережа с утра ничего не ел, от водки сразу внутри потеплело. Женщина продолжала смотреть ему в глаза, загадочно улыбаясь и все так же по-змеиному изогнувшись.

— Сколько с тобой друзей? — спросил усатый.

Сережа рассказал про Джексона и Женю.

— Гиблое это дело, — сказал усатый, — бросай их. Плохие они, попрошайничать тебя заставляют.

Он подумал с секунду.

— Короче, так, я тебе предлагаю стать человеком. У меня для тебя работа есть.

— Какая?

— Да непыльная. Будут давать тебе сумку и просить отвезти. Скажем, из Гатчины в Пушкин. Все дела.

— А что в сумке?

— А это уже тебя не касается.

Усатый чокнулся стопкой с Сережей.

— Все будет хорошо. Деньги появятся, дам тебе девушку, коня.

Они выпили еще по одной.

— В общем, утром, когда приедем на вокзал, если будешь готов, бросай своих друзей и подходи к нашему вагону.

Сережа вышел, оглянувшись на женщину. Она продолжала лежать в той же позе. Предложение усача показалось ему заманчивым во многом из-за нее. Он сомневался — рассказывать ли о разговоре Джаксону или просто сбежать? Но сбежать может не получиться, так что лучше обо всем рассказать.

Джаксон нахмурился.

— Ты что, совсем дурень? — спросил он. — Не подумал, что в сумке?

— А что?

— Да ничего, наркотики там окажутся, и сгинешь навсегда.

Про наркотики Сережа не догадался.

— И девушки тебе никакой не дадут. В лучшем случае коня, и ты и будешь его девушкой.

Женя захохотал Джаксоновой шутке.

Утром, когда они шли по перрону из своего вагона в сторону вагона цыган, Сережа увидел, что усатый, женщина и остальные ждут его на платформе. Ему стало стыдно и захотелось спрятаться. Но Джексон подошел к ним.

— Он с вами не поедет, — жестко сказал он усачу.

И они пошли дальше.

XXI

В Питере Сереже довольно быстро надоело. Джексон явно никуда возвращаться не собирался, прогуливал общаковые деньги и забыл про остальных ребят. В общем, в глазах Сережи выглядел явным кидалой. Так что однажды утром, ни слова ни говоря ни ему, ни Жене, Сережа взял сумку и ушел со вписки. Он снова решил поехать на Белое море, где никогда не был зимой. Забраться ночью на сопку, любоваться северным сиянием, растекающимся по соснам зеленым светом. Очутиться в рождественской сказке. Что может быть лучше? К тому же на станции сейчас его школьные друзья — Митя и остальные. Зимой туда попасть сложнее, чем летом, но Сережа уже был несколько раз, «кремнем», конечно, не стал, но как старожила его с радостью примут.

И, правда, на станции ему обрадовались. Отправили на зимние работы — на лесоповал, на раскрыжку деревьев. Лес валили два опытных «химика», бывших зэка, а откатывали и распиливали деревья студенты. По ночам опять не спали, играли в карты и пели песни. Странное дело — когда Сережа жил в лесничестве с панками или в коммуне с хиппи, его тянуло назад в привычную гавань, к одноклассникам и старым школьным друзьям. Но стоило ему оказаться с ними в одном месте, как тут же томила тоска, и опять влекло в дорогу. Его приезд совпал с зимними студенческими каникулами, слава богу, через неделю уже все засобирались в Москву.

До станции было пятнадцать километров. Сережа с Митей бежали под рюкзаками на лыжах, соревновались со всеми, но больше друг с другом. Бежали они так резво, что сильно обогнали всех ребят, но выбились из сил и взмокли от пота. Дойдя до последнего холма, свалились на снег отдохнуть. Горделиво махали проходившим вереницей мимо них остальным. Потом взобрались на холм. И увидели конец уходящего поезда. Сереже даже показалось, что он разглядел в окнах последнего вагона насмешливо махавших им варежками товарищей. Поезд останавливался на станции только раз в день. Что было делать? Снова идти обратно пятнадцать километров? Они побрели по деревне в поисках ночлега. Деревня словно вымерла. В окнах тускло отсвечивал свет уличных фонарей. Вдруг их огнями ослепил невесть откуда

взавшийся ГАЗик. Из кабины вынырнули две темные фигуры. Сережа, щурясь, пошел навстречу. Первая фигура взмахнула рукой, и в Сережу полетел топор. Сережа чудом увернулся, топор вонзился в забор за его стеной.

— А, да это ж наши студенты, — хрипло прогудела вторая фигура.

Это оказались «химики», которые с пьяных глаз не узнали Сережу с Митей.

— Вы чего тут колобродите впотьмах?

Сережа с Митей рассказали про свои злоключения.

— Ну не беда, — и «химики», ехавшие обратно на станцию, выдали им ключи от одного из домиков. В домике нашлись бутылка самогона, банка квашеной капусты и висевшие на стене эбонитовые нунчаки, которыми Митя тут же засандалил себе по голове. Жить там оказалось одно удовольствие — вокруг те же утонувшие в белоснежных сугробах сопки, на небе знай себе без устали сверкает северное сияние, сине-зеленым цветом переливаются звезды, а, главное, не надо вкалывать с утра до вечера.

Но долго испытывать терпение «химиков» не хотелось, так что Сережа с Митей засобирались дальше. Митя поехал в Москву учиться, а Сережа снова завис в Питере, только не на старой вписке, где могли еще оказаться Джаксон с Женей, а у встреченных в метро людей — женщины по имени Аглая и ее мужа, оказавшегося дербанщиком травы. Вся квартира была уставлена мешками конопли из Чуйской долины.

На дорогу в Москву дербанщик легко продал Сереже два коробка по пятнадцать рублей. В Москве они стояли тридцать пять, и Сережа перепродал их дочке генерала КГБ, обладательнице дачи в Сочи и шести-комнатной квартиры в Москве, своей подружке по психбольнице, которая все так же по нему сохла. И это был его первый в жизни бизнес.

XXII

Сережа сдал сессию и восстановился в университете. А летом он впервые выехал за границу. Кто-то из одноклассников рассказал, что в костеле на Лубянке можно записаться на паломничество в польский город Ченстохову, где пройдет встреча с папой римским. Паломников отправляли поездами без виз, просто по советским паспортам. На перроне в разноцветной толпе молодежи Сережа повстречал немало знакомых. Денег почти ни у кого не было, везли с собой на продажу духи «Эсте Лаудер», воздушные шарики. Митя взял с собой неношеную пару кроссовок «Адидас». У Сережи были на черный день зашиты в трусы пятьдесят долларов, выданные отцом. Предполагалось, что паломники пройдут пешком от Варшавы до Ченстоховы. Идея переться пешком Сережу не привлекала, он планировал доехать до отцовского друга в Познани, пожить у него несколько дней, а ко всем присоединиться уже в Ченстохове.

Дядя Ежи — так звали друга отца, профессора-физика, — жил в собственном трехэтажном таунхаусе на

лесистой окраине города. Приняли Сережу хорошо, почти все время он просидел с дядей Ежи в гостиной на первом этаже, дегустируя содержимое его бара. Таких больших частных домов Сережа никогда прежде не видел, в его распоряжении находился целый этаж, бар был бездонен, так что поводов выбираться наружу особо не возникало. Прошелся разок по центру со старшей дочкой пана Ежи, очкастой толстушкой Кларой. У дяди Ежи была еще младшая дочка, пышноволосяя красавица Анжелика, но на прогулки с Сережей у нее времени не нашлось, да и дома она почти не появлялась. В школе считалось, что Сережа хорошо знает английский, но теперь беседа с Кларой не клеилась — в его словарном запасе катастрофически не хватало нужных слов. Чтобы гулять было не скучно, Сережа купил бутылку пива.

— У нас не пьют из горла, — осадила его Клара. Сережа залился пунцовой краской. Пришлось выбросить бутылку в ближайшую мусорную урну.

Наконец, дядя Ежи выдал ему еще немного денег и посадил на поезд до Ченстоховы. Среди паломников царил полный разброд. Грузовики подвозили еду и ящики с банками кока-колы, предприимчивые паломники тут же все это разворовывали и продавали спекулянтам. Жить было не на что, шарики и духи у Сережиных одноклассников никто не покупал. Митя с еще одним товарищем собирал пустые бутылки и сдавал их в приемку стеклотары.

В день приезда папы огромная толпа заполнила обе стороны дороги к Ясногорскому монастырю. Сережа встал на цыпочки и успел разглядеть шарообразный папа-мобиль с пуленепробиваемыми стеклами. В этом аквариуме иерарх перемещался по миру после того, как на него покушались в Турции. Вскоре папа скрылся вдали у ворот монастыря. Вот и все — паломничество закончилось.

Домой не хотелось возвращаться. Большая часть паломников решила переместиться в Варшаву, и Сережа вслед за ними. Вместе с еще двумя товарищами они поселились на территории небольшого костела. Вначале спали прямо в здании костела на столах, но там было неуютно и жестко, тогда они выпросили у служки разрешение поставить палатку во дворе. Сердобольные старушки-прихожанки по утрам несли паломникам еду.

— Хлеб, млеко, яйца, — приговаривали они.

В переулке между костелом и жилыми домами по ночам стояли немолодые полные проститутки с голыми плечами и в коротких юбках, из которых высывались жирные ляжки. Надзиравшие за ними сутенеры ожесточенно переругивались с клиентами, набивая цену своему товару. Однажды ночью случилась настоящая перестрелка. Пули свистели над палаткой, Сережа вжимался в пол, превратившись в плоскую рыбу-камбалу.

Утром кто-то принес весть, что в Москве путч, переворот, введено чрезвычайное положение. В саду

костела был разбит уже целый палаточный лагерь. Коллективно решили не возвращаться, а идти в австралийское посольство, просить политическое убежище. Но в посольство их не пустили. Ксендз их костела посоветовал сходить на аудиенцию к епископу. Серезу, который к тому времени овладел несколькими польскими словами, выбрали главой делегации.

— *Finita la comedia*, — развел руками епископ. — Ваш путч уже закончился. Пора возвращаться домой.

Но домой по-прежнему не хотелось. Сереза с друзьями остались жить в палатке. Прочие паломники разъезжались. Кто-то из них отправился переходить немецкую границу. Дальнейшую судьбу их Сереза не знал, но ходили слухи, что парочке парней удалось оказаться в Дании, преодолев границу в багажнике машины и в трюме морского парома.

Неожиданно выяснилось, что медные советские пятаки подходят под жетоны в международном таксофоне. Серезин одноклассник Лева сообразил вылавливать на вокзале отбывающих группами на родину паломников и выпрашивать у них пятаки. Целыми днями они названивали друзьям в Москву и выведывали, какая там ситуация — нет ли нового путча. Однажды с фальшивыми жетонами их задержала полиция.

— Вы кто? — спросил здоровяк-полицейский в бронжилете.

— Мы паломники, пилгжимка, — попытался объяснить по-польски Лева.

— Ага, знаю я таких пилгжимка! — ухмыльнулся полицейский. — Вы пьянчуги, пияка! — сказал он, показывая на красное Левино лицо. Но Лева не был пьян, просто он простудился, и у него был жар. Полицейские затолкали их в поезд, который шел на Минск. Но на границе оказалось, что у Левы не было никакого, даже советского, паспорта — он ухитрился его потерять. Их посадили с поезда, и пару дней они провели в отделении полиции. Но не держать же их там всю жизнь — ничего не поделаешь, пришлось в конце концов их препроводить на такой же поезд до Минска. Так что к концу лета Сережа оказался дома.

XXIII

А дома случилось ужасное. Отец, которого он боялся и уважал всю жизнь, отец, которого он считал самым умным человеком на свете и самым авторитетным, но в то же время с авторитетом которого всегда сражался, пытаясь его сокрушить и отстоять собственную личность, свое право на свободу, этот отец вдруг сошел с ума. Мир перевернулся вверх ногами. Самый умный человек на свете неожиданно превратился в обычного психа. По рассказу мамы, путч перебудоражил его. Он потерял сон. Целыми днями он сидел у радиоприемника, ловя последние новости. Вот и теперь, когда все давно закончилось, он продолжал сидеть в темной комнате один и неотрывно слушать радио. Сережа осторожно вошел к нему. Отец сидел на стуле, сжавшись в комок, поджав ноги.

— Это они со мной говорят, ко мне обращаются, — сказал он, показывая пальцем на радио. Потом подумал и добавил:

— Сейчас войдет наша собака, Тошка, и скажет, есть ли Бог или нет.

На следующий день мама вызвала психиатрическую скорую помощь. Когда санитары пытались скрутить отца, он вырывался и пытался с ними драться.

— Твоего отца арестовывают, — истошно кричал он Сереже, — меня увезут навсегда, есть только один выход! Прыгай в окно!

Сережа не собирался прыгать с пятого этажа. Вжавшись в стену, в ужасе молча смотрел на искорженное лицо отца, на его белесые глаза. После того как отца увезли, он всю ночь беззвучно прорыдал, вжавшись лицом в подушку.

Отец вернулся через полгода. Но он был уже не тот. По ночам Сережа слышал, как он бредет из туалета в комнату по коридору, держась за стены. Больше не было праздников с доверху накрытым столом, большинство семейных друзей перестали приходить к ним в дом и отвернулись от отца. Отец прекратил ходить на работу. Вскоре правительство отпустило цены, и они остались без денег. Сережа вспомнил, как когда-то в детстве его пригласил на день рождения одноклассник, папа у которого был художником-мультипликатором. На стол вынесли тертую свеклу под майонезом, кастрюлю с дымящейся картошкой. Сережа заглянул в кастрюлю и вежливо осведомился:

— А к картошке что?

По смущенному лицу мамы именинника он сообразил, что совершил бестактность. Ему, привыкшему к курице и котлетам, и в голову не могло придти, что есть семьи, которые не могут себе позволить ничего, кроме ежедневной картошки. Теперь они сами стали такой семьей. Но и порции картошки становились все меньше и меньше, однажды он подобрал на улице три оброненные кем-то картофелины и принес в дом. Из привычной геркулесовой каши по утрам исчезли сахар и соль. А однажды мама сказала:

— Не знаю, чем мы будем кормить Тошку.

XXIV

Многие Серезины однокурсники занялись бизнесом. Особенно преуспевали иногородние. Победители региональных олимпиад по физике и математике, выпускники физмат интернатов умели хорошо считать, только теперь они считали деньги. Иногородние жили в комнатах из двух блоков, по двое в блоке, и пока один сдавал зачеты за четверых, остальные трое занимались коммерцией. Кто-то становился брокером на недавно открывшихся биржах. Самым популярным видом бизнеса стали обмены валюты прямо в общежитии Главного здания МГУ. В городе их еще не существовало, а тут днем и ночью можно было поменять деньги. Два наиболее успешных обмена открыли вьетнамцы и киргизы с их курса. Обмены были подпольными, без всяких табличек на дверях,

конечно, но сарафанное радио отлично делало свое дело. Однорупшник Сережи Толик предложил тоже заняться обменом — одалживать у киргизов доллары и находить в городе желающих купить валюту. Стоишь себе у дверей какого-нибудь крупного банка и ждешь клиента.

Как-то на Новом Арбате к Сереже подошел высокий шатен в замшевом зеленом пиджаке.

— Пятьсот долларов продашь? — спросил он. Шатен не очень понравился Сереже — он явно нервничал.

— Баксы есть, но не здесь, — ответил Сережа, — надо проехать до Воробьевых гор.

По пути в вагоне метро шатен разнервничался еще больше, все время оглядывался по сторонам.

— Куда мы едем? — спрашивал он одно и то же.

— Да не волнуйся, — объяснял Сережа, — вынесу тебе деньги и все поменяем.

Когда доехали до общежития и поднялись на лифте на этаж киргизов, шатен разнервничался совсем. Сережа не успел постучать в их дверь, как он достал нож и пошел на Сережу:

— Быстро зелень давай.

Сережа, стоя к нему лицом, успел ногой лягнуть дверь. На его счастье, киргизы оказались дома. Они выскочили из комнаты все втроем.

— Что происходит? — спросил старший, Булат.

— Ничего, ничего, — шатен попятился к лифту, убрал нож и был таков.

А потом вьетнамцев расстреляли прямо в Главном здании. Выломали дверь в их бокс и украли у них сумку, в которой по рассказам однокурсников, был миллион долларов. Киргизы получили лицензию и переехали в город. Через год открыли собственный банк. А еще через пару лет исчезли. Как рассказывали общие знакомые, пришедшие однажды к их банку вкладчики обнаружили, что дверь заперта и внутри никого нет. «Наверное, укатили к себе в Киргизию, ищи их там свищи», — думал Сережа.

XXV

Сереже позвонил один старый знакомый, Ваня Рыбкин по кличке Рыба, и предложил встретиться по делу. Ваня тоже тусовался с волосатыми и тоже учился в матшколе, правда, в другой, не такой известной, как Сережина.

— Давай займемся совместным бизнесом, — сказал он. — Я один не потяну, мне нужен напарник.

— А каким?

— У моей жены Ольки есть одноклассник Коля, он очень богатый. Он к ней хорошо относится, и нам поможет.

Сережа поехал в Люберцы знакомиться с Колей. Коля оказался маленьким толстячком, постоянно пребывавшим в беспричинно веселом расположении духа. Он любил пить водку, закуривая ее анашой.

— Если пить и курить одновременно, то одно другое

выбивает, и голова всегда остается трезвой, — объяснял в стельку пьяный Коля, перед тем как упасть на кровать и разразиться богатырским храпом.

Коля, как и жена Вани, был старше их года на четыре. В советские годы он нелегально продавал видеозаписи и был осужден за распространение порнографии — по его словам, ей посчитали полную версию фильма «Амаркорд». Сейчас он напал на настоящую золотую жилу — ей оказалась торговля орденами Ленина.

— А как их покупать? — спросил Сережа.

— Да все очень просто. Даете объявления в газету — только не в «Известия», их я забил за собой. Потом приносите мне — я у вас буду их забирать.

Коля выдал им пятьсот баксов на подъем бизнеса. Подумав, Сережа с Ваней решили дать объявление о покупке ордена в «Комсомольскую правду». Вместе с женой Вани переехали в квартиру ее друзей, надолго уехавших в служебную командировку. Квартира состояла из гостиной и спальни — в ней Сережа впервые увидел фаллоимитатор, те друзья оставили его одиноко стоять на комод. Издалека своими очертаниями он напоминал пластиковый бюст уважаемого государственного деятеля.

— Будешь спать с нами втроем? — спросила зеленоглазая жена Вани. — Все Ванины друзья обычно спят вместе с нами.

— Не, я лучше в гостиной на диванчике, — твердо ответил Сережа.

Утром съездили на улицу Правды и дали объявление в газету. И понеслось. Откуда им было знать, что у «Комсомолки» тираж — четырнадцать миллионов. Звонки начинались с шести часов утра. Так что Ваня, любивший сладко поспать, отключал телефон до двенадцати. Но все равно ордена текли плотным потоком. Скупщики из провинции привозили их сумками. Изредка появлялись обладатели орденов, доставшихся им по наследству от родственников. Пару–тройку раз приходили и сами владельцы — без жалости расставались со своими наградами, бережно завернутыми в тряпочку или годами покоившимися в красных коробочках с орденской книжкой. Время стояло угловатое, голодное, а на один такой орден можно было кормиться месяц, а то и два.

Сережа с Ваней на встречи теперь ездили исключительно на такси. В квартире появились вино и дорогие продукты.

Пару раз Коля втягивал их в боковые проекты, но, в отличие от орденов, они оказывались неудачными. Однажды однокашники Сережи, тренировавшиеся в секции карате и с приходом новых времен образовавшие вместе с тренером брокерскую контору, спросили, не может ли он достать для них медь. Сережа поинтересовался у Коли, а Коля сказал, что легко обеспечит тонну меди. Каратисты прислали грузовик. Сережа ездил вместе с шофером по указанным Колей в Люберцах местам. В основном это были раскинувшиеся в низинах оврагов однообразные

коробки гаражей. Один из гаражей оказался заперт на замок. В другом обещавшие медь мужики напились и ушли вглубь оврага, покачиваясь в обнимку, перед самым их носом. В третьем мужики были трезвыми, но били себя в грудь и клялись—божились, что испокон веков у них никакой меди не водилось. Сережа с водителем с трудом отыскали за какой-то помойкой одну—единственную катушку медной проволоки. Грузовик с ней уехал в Москву. А Сереже позвонили однокашники и пообещали отрезать уши при следующей встрече.

В другой раз Коля попросил поменять ему штуку баксов у его знакомых за процент. Сам он в Москву не успевал из-за каких-то дел. Сережа подъехал на метро «Академическая». Знакомый Коли оказался кавказцем с носом выдающейся длины и бегающими глазами. Подвел Сережу к машине. В салоне сидели еще трое смуглых кавказцев. Сережа с минуту поколебался, но вспомнил, что это знакомые Коли, и тот ему гарантировал, что все будет в порядке. Сережа сел в машину. Четвертый кавказец втиснулся сбоку и зачем-то плотно закрыл стекло двери. Сережа забеспокоился. Протянул тому, кто сидел справа от водителя, стопку рублей. Тот пересчитал. Выдал Сереже пачку долларов. В салоне стало очень душно. Сереже хотелось поскорее выйти наружу. Он посчитал доллары.

— Парядок, братан? — спросил кавказец.

— Да, все нормально.

— Братан, дай тоже пэрэсчитаю, — сказал сосед слева.

Сережа послушно отдал ему пачку. Сосед быстро пересчитал и вернул ее обратно Сереже. Сережа распрощался и вышел из машины. Кавказцы уехали. Сережа еще раз заглянул внутрь пачки и обомлел. Он держал в руке стопку однодолларовых купюр. Сосед подменил пачку. Так первый раз в жизни он столкнулся с кидалами. Надо отдать должное Коле — он погоревал и помялся с неделю, но деньги вернул.

Постепенно Сережа стал глубже погружаться в бизнес. Привыкший к аналитике мозг сравнивал условия и решал задачи. Оказалось, что есть и другие газеты, и в них такие же объявления. При этом по одним и тем же телефонным номерам предлагались скупка орденов, девочки на дом и обмен валюты. Сережа обзвонил похожие на свое объявления. По одному из них цена была гораздо выше, чем та, за которую забирал у них добычу Коля. Голос у человека был веселый, с хрипотцой, Сережа решил, что его обладатель должен приятно выглядеть, и договорился с ним встретиться. Так Сережа познакомился с «левобережными» — сухопарым невысоким Димой и его партнером полноватым рыхлым Виталиком, жителями Химок. Дима вполне соответствовал голосу, Виталик казался добродушным увальнем. Напарники рассказали Сереже, что ордена идут на переплавку — их плавят на золотые цепи для «новых русских». Якобы женщины вывозят их в интимных частях тела в Польшу, там их расплавляют на золото, ювелиры изготавливают цепи, и уже в новом виде ордена возвращаются обратно

на родину. Сережа подумал, что это символично — атрибуты советской власти, которыми были ордена Ленина, превращаются в признаки новой власти, которыми являются золотые цепи бандитов.

Виталик с Димой рассказали Сереже, что самую высокую цену за ордена дают в нумизматическом клубе, куда они все и стекаются перед отправкой в Польшу. Сережа в раннем детстве коллекционировал марки и бывал в клубе. Его приводил сюда одноклассник по самой первой английской школе. Он был страстным собирателем монет и пытался привить эту страсть Сереже. В день своего первого появления в клубе спустя много лет Сережа встретил этого заматеревшего одноклассника. Ко всем здесь обращались по прозвищам, одноклассника звали Солдат. Он свел Сережу с заправилами клуба Мойшей и Крокодилем.

Теперь Сережа с Ваней сбывали «лысых» — так в просторечье именовались ордена Ленина — не Коле, а Мойше и Крокодилу. Миша по кличке Мойша в советском прошлом был шахматистом. А Крокодил, как он сам поведал Сереже, — учителем труда в школе.

— Знаешь, — сказал он, когда они бухали в соседней с клубом шашлычной, — по тебе видно, что ты интеллигент.

Сережа пожал плечами.

— А я ведь тоже интеллигент, учителем труда в школе был, — Крокодил забрался на стол и станцевал джигу.

Потом они долго искали дорогу к метро. Крокодил падал, Сережа его поднимал, Крокодил опирался на Сережино плечо, и они шли дальше. Дело было зимой, Крокодил уверял, что он трезв и твердо стоит на ногах, просто метель мешает ему идти. Раздался свист колес, их ослепили круглые желтые фары. Из УАЗика выскочили двое милиционеров и затолкали Крокодила с Сережей в кузовок. Их отвезли в вытрезвитель. Поигрывая дубинкой, толстый усатый милиционер заставил Сережу раздеться до трусов и загнал в клетку. Крокодил тоже разделся, но остался почему-то в носках.

— Носки сымай! — скомандовал усатый.

Крокодил, пошатываясь, потянул за носок. Из носка по полу покатались золотые царские червонцы.

— Фьюить! — присвистнул усатый.

— Фьюить! — присвистнули за ним остальные милиционеры.

— Фьюить! — присвистнул и Сережа.

Крокодила куда-то увели. А Сережа остался сидеть в клетке. Сидеть было холодно, он постукивал себя одной озябшей конечностью по другой. Наконец вернулся Крокодил.

— Выходим, — коротко сказал он Сереже.

Сережа оделся, впопыхах путаясь в майке, свитере, штанах, рукавах пальто. Он догадывался, что Крокодил откупился червонцами. Заодно и его вызволил на волю. Они вышли на улицу. Побрели по заснеженной аллее в сторону метро. На дороге валялся пьяный.

Сереза с Крокодилом нагнулись к нему.

— Эй, братишка, вставай, а то и тебя заберут, — тормошил пьянчугу Крокодил.

Снова сбоку раздался скрип тормозов. Опять свет фар.

— Таак, — раздался голос со стороны машины, — смотри, Петрович, грабеж. У пьяного по карманам шарят, на бабки обувь хотят.

Их снова затолкали в кузовок, только на этот раз отвезли не в вырезвитель, а в отделение. Сереза нащупал закатившегося за подкладку «лысого». При подходе к подъезду успел скинуть его в сугроб. Но Серезу сразу же отпустили, вернее, не отпустили, а даже не пустили на порог. А Крокодила увели внутрь. Тщетно Сереза ждал его час на морозе, подпрыгивая и переминаясь с ноги на ногу. Когда стало совсем невмоготу, пошел к метро. «Наверное, те в вырезвители навели этих из отделения, так сказать, передали из рук в руки, и теперь Крокодила на оставшиеся червонцы колют», — думал Сереза.

XXVI

Рыба набрал денег и собрался свалить за границу. — Поеду во Францию учиться, — сказал он. — У меня там одноклассник устроился, обещал помочь на первых порах.

— А как же Олька? — спросил Сереза.

— А Олька на твое попечение остается, — ответил Ваня. — Ты ей нравишься.

Серезу не очень радовала перспектива остаться жить с чужой женой. После отъезда Рыбы он перевез ее в ее родные Люберцы. Помог перенести вещи. Ольга откупорила бутылку вина. Нарезала ломтиками яблоко, поделила на дольки апельсин.

— Давай кино посмотрим, — сказала она, расположившись рядом с Серезей на диванчике.

Фильмом на кассете оказался почему-то «Сало или 120 дней Содома» Пазолини. На экране бесконечно совокуплялись, истязали друг друга и поедали фекалии. Ольга склонила голову на плечо Серезе, начала гладить его по груди. Сереза посмотрел на часы.

— Ой, мне домой пора, меня родичи ждут.

— Не останешься?

— Сегодня нет, давай на днях к тебе приеду, — соврал Сереза.

Больше он у Ольки не появлялся.

Теперь он жил дома с родителями и давал объявления на домашний телефон. Однажды Серезе позвонили и предложили набор из трех разных орденов — поднаторевший в этом деле Сереза теперь приобретал не только «лысых» на переплавку, но и коллекционные ордена имени полководцев, редкие нагрудные знаки, в общем, все то, что пользовалось спросом в нумизматическом клубе. Некоторые вещи нравились ему самому, и он оставлял их для будущей коллекции.

Сереза назначил встречу на платформе метро. Появился молодой пацан лет шестнадцати в натянутой

на глаза шерстяной шапке. Сережа осмотрел ордена и назвал цену. Парень сказал, что подумает и перезвонит. Назавтра он снова позвонил и сообщил, что согласен. Сережу это немного удивило — если человек не продавал орден сразу, то и потом не перезванивал, ведь всегда можно найти того, кто предложит заплатить дороже. С другой стороны, чего не бывает. В назначенный час Сережа сидел на скамейке у первого вагона поезда и ждал, читая газету. Краем уха он услышал какой-то шум, поднял голову и увидел, что прямо на него вереницей бегут пятеро. Первый с лету влепил ему ногой в голову, Сережина голова откинулась назад, он ударился затылком о стену и на секунду отключился. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что по бокам от него сидят два пацана, крепко держа его за руки. Трое других нависают над ним. Слева в бок Сережи уткнулось что-то холодное и острое. В левом кармане Сережи лежал газовый пистолет, но выхватить его он не мог.

— Деньги давай, — сказал вчерашний.

Сережа моментально взвесил ситуацию. Конечно, разумнее все отдать и уйти. И он бы непременно так поступил, если бы был иначе устроен. Спокойно действовать он уже не мог. Кровь вскипела в его голове. Из туннеля вылетел поезд. На платформе стояли люди. Сережа вспомнил, что где-то читал, как привлечь внимание окружающих. Он резко рванулся вверх, крича:

— Пожар!

Прочитанное оказалось лажей. Никто из ждавших поезда на платформе даже не шелохнулся. Сереже удалось вырвать правую руку. Кабанчик справа ударил Сережу в ухо. Сережа ответил боковым в челюсть. Завязалась потасовка. Сережа был старше и крупнее пацанов, а главное, яростнее, но все равно одному против пятерых не выстоять. Пацан слева продолжал крепко висеть на левой руке. Поезд остановился. Прямо напротив них оказалась кабинка машинистов. Из нее выскочили двое людей в серой форме и кинулись к дравшимся. Пацаны, с испугу приняв их за ментов, бросились наутек. Только левый, присосавшийся как пиявка, все никак не отлеплялся. С третьего удара по голове Сереже удалось его сбросить. Сережа вскочил к машинистам в кабинку. Поезд тронулся. Только теперь Сережа заметил, что истекает кровью. Выходит, он не углядел в драке, как парень его зацепил. Весь левый бок был в порезах, но, слава Богу, не глубоких — спас лежавший в кармане пистолет, ударяясь об него, нож соскакивал в сторону.

— Что случилось? — спросил старший из машинистов с седыми бровями.

— Да из-за денег напали. Но теперь все в порядке.

— Скорую вызвать?

— Не надо, справлюсь.

— Жалко, они в поезд не заскочили. А то можно было бы его остановить и их задержать.

— Да ладно. Спасибо.

На следующей станции Сережа вышел и обратно вернулся поверху, на троллейбусе. На его счастье, родителей дома не было. Он сходил в аптеку, купил себе бинты и сделал перевязку. Не зря в школе на УПК был медбратом, точнее, медсестрой. Сережа вспомнил, как в день выдачи аттестатов в школьном актовом зале классный руководитель всем выпускникам придумывал лестные характеристики. А про него сказал:

— Самый эрудированный человек 10-го В. И зачем-то добавил:

— И еще медсестра 3-го класса.

На УПК, правда, он в основном бил баклуши. Вначале оказался на практике в больнице вместе со Степой. Так при виде его старушки, которых он должен был возить на рентген, упирались и требовали настоящую медсестру — женского пола. Впрочем, упирались они не зря — любимой игрой Степы с Сережей было отпустить кресло-каталку, и оно летело вниз по наклонному коридору. Выигрывал тот, кто успевал поймать кресло с истошно вопившим больным до того, как оно врезалось в стенку на повороте. Другой задачей, кроме перевозок, было кормить старушек, запихивая им в рот большой ложкой жидкую манную кашу. Это превращалось в сущую муку для обеих сторон. Старушки сопротивлялись и плевались на белый Сережин халат.

Потом с другим одноклассником они работали в регистратуре поликлиники. Но носить карты пациентов вверх по этажам им было лень. Поэтому они

неизменно, когда кто-нибудь пытался записаться к тому или иному врачу, отвечали, что он в отпуске, болеет, а то и вовсе умер. В конце концов, на них пожаловались главврачихе по фамилии Занездра — она оказалась мамой того самого Занездры, с которым Сережа в раннем детстве лежал в одной больнице. И их из регистратуры выгнали. Но за работу исправно переводили деньги на сберкнижку, и именно эта зарплата ушла на починку заборов.

А порезанные джинсовую куртку и майку Сережа сложил в пакет и выбросил. Когда мама спросила, куда подевалась его куртка, он просто ответил:

— Порвалась. Она ведь старая.

И купил себе новую.

Вместо уехавшего Рыбы к орденоносному делу подключился его отчим, маленький сухонький дядя Федя, в прошлой, советской, жизни, бывший инженером в закрытом ящике. Он часто звонил Сереже и консультировался по этому новому для него почину. Сережа поведал о приключившемся с ним инциденте и попросил дядю Федю быть поосторожнее. На всякий случай Сережа, у которого был телефон с определителем, сообщил дяде Феде номер, с которого звонили пацанчики.

— Знаешь, — сказал дядя Федя упавшим голосом, — а мне с этого номера как раз вчера был звонок. Договорились встретиться завтра.

— Так, перенесите встречу на один день, — попросил Сережа.

С некоторых пор «левобережные» перестали давать объявления и стояли на нескольких точках у станций метро с объявлениями «Куплю орден, золото, икону». На одной из точек к ним подошли люди в штатском и сказали, что будут теперь стоять вместе с ними в целях сотрудничества. Сотрудничество предполагалось двух видов. По своей служебной обязанности люди в штатском отслеживали скупщиков краденого. А по сопутствующему бизнесу они получали процент с заработка «левобережных», взамен обеспечивая им охрану. Так Сережа впервые узнал, что такое «крыша».

Сережа подъехал к Виталику и Диме на Новокузнецкую. Рассказал стоявшему с ними «штатскому» о пацанчиках. Тот пригласил его вместе с дядей Федей к себе на работу — в неприметный особнячок без всякой вывески в Замоскворечье. Вместе с его коллегами была разработана операция — на следующий день дядя Федя должен был встретиться с пацанчиками в скверике рядом с метро. На соседних скамейках располагались два алкоголика с пивом и влюбленная парочка — замаскированные сотрудники из особняка. Дядя Федя должен был передать пацанчикам помеченные купюры. В этот момент сотрудники выскакивали из кустов, спрыгивали со скамеек и скручивали парней.

— А я вместе с ними не загремлю под суд за незаконную скупку? — поинтересовался дядя Федя.

— Ну, если что, мы замолвим за вас словечко, — сказал «штатский».

Дядя Федя согласно кивнул. Но вечером он перезвонил Сереже и отказался от спецоперации.

— Ты пойми меня, — говорил он. — Я уже пожилой человек... Если что пойдет не так... Пырнут ножом или что... А эти не успеют подскочить.

И Сережа понял.

XXVII

Коля рассказал Сереже историю, которая приключилась с его другом Леней Маленьким. Леня тоже занимался «лысыми», ездил на стрелки по очереди на одной из своих трех тачек — Мерседесе, Волге и Жигулях. Сам носил массивную золотую цепь, умел разговаривать на блатной фене и считал, что его никто и никогда не тронет. И вот однажды какой-то старичок назначил ему встречу, но вместо старичка в машину залезли четверо громил с автоматами, которые раньше продавали что-то Лене и давно следили за ним. Они приставили к Лениному пузу автомат и заставили рулить в ореховский лес. Там его избили до полусмерти и потребовали, чтобы он вез их к себе домой. Леня послушно повез. Дома первым делом пристрелили собаку. На глазах бывшей в истерике Лениной жены пригрозили, что отрежут уши годовалому ребенку. По рассказу Лени, главному светила вышка — у него на счету уже висели семь «мокрух», и ему было все равно — одной больше или меньше. Сережа раньше уже слышал о бандитах-беспредельщиках, которые вроде бы нагрянули в Москву из Ростова-на-Дону или с Северного Кавказа и убивают коллекционеров из клуба. Одного

из торговцев «лысыми», Женю, они ограбили на все деньги прямо на Красной площади, уткнув в его грудь автомат. Говорили, что если у человека немного денег, то его просто раскручивают и кидают на все, а если он нажил изрядно добра, то приходят домой и убивают.

Леня отдал им все, что у него было — ордена, золото, антикварное оружие. По его словам, бандиты были очень жадными — вынесли даже запасные колеса от Жигулей, старые флакончики с духами, телефонный аппарат. По старой дружбе, а, может, по какой другой неизвестной причине его оставили в живых, но пообещали вернуться и добить, если он кому-нибудь расскажет о том, что случилось. Но Леня не удержался и рассказал обо всем своему ближайшему товарищу Коле, а тот Сереже.

А на следующий день у Сережи дома раздался телефонный звонок. Хриплый голос с кавказским акцентом предложил семь орденов Ленина, звезду Героя Советского Союза и шашку Ворошилова. Со слов Коли Сережа знал, что все это забрали у Лени. Он ответил, что подумает.

— Наберите попозже, — с трудом выдал он.

Потом несколько дней не подходил к телефону и заказал в квартиру железную дверь. Но все обошлось. Больше кавказцы не звонили.

Примерно в это время Сережа впервые встретился с коллекционером из Рязани. Улыбчивый мужчина средних лет с обходительными манерами на встречу пришел в белом костюме и с красавицей блондинкой.

— Моя жена, — гордо отрекомендовал ее он.

К тому моменту Сережа, регулярно бывавший в нумизматическом клубе и в детстве собиравший марки и монеты, начал приобретать для себя и что-то из них. Коллекционер продал ему серебряную монету — два рубля императрицы Елизаветы. Сережа знал, что это новодел — такой монеты при Елизавете не выпускали, но и новоделы могли быть достаточно старыми, и тогда их тоже ценили и коллекционировали. Потом рязанец продал ему нагрудный знак военно-воздушных сил России 1915 года — серебряный, с ажурной резьбой и в белой эмали. А через полгода после первой встречи предложил две новгородские гривны — пару длинных серебряных колбасок.

— Я в гривнах не разбираюсь, — сказал Сережа, — мне нужно будет проверить, настоящие или нет.

— Проверяй, проверяй, — расплылся в улыбке коллекционер, — мы же друзья, я тебе доверяю, бери их себе, деньги потом, на следующей встрече. А если не понравятся, вернешь.

Сережа кивнул.

— Спасибо.

— Давай через неделю встретимся. У меня для тебя ценная вещь есть. Не знаю, потянешь?

— А что за вещь?

Коллекционер нагнулся к Сережиному лицу и полушепотом произнес:

— Пара серебряных пистолетов князя Меншикова. Пять тысяч долларов. У тебя есть столько?

— Ну, надо поискать, в случае чего по друзьям наберу. А посмотреть на них можно?

— Нет, с собой я их не понесу. Покажу тебе фотографии, хорошо? А если подойдут, на следующей встрече совершим сделку.

— Ну, хорошо.

— По рукам. Только смотри, никому про это не говори. А то, если что не так, мы твою сестру Свету придушим, — глаза коллекционера сверкнули, и он широко осклабился.

Сережа шел домой как в тумане. Его лихорадило. Почему коллекционер сказал про его сестру? Откуда он знает ее имя? Это какая-то хитрость, или его прорвало, и он случайно проговорился? Ответов на эти вопросы не было, Сережа напрасно ломал голову, пытаясь их найти. Он решил позвонить Коле и посоветоваться.

— А как он выглядит, этот твой коллекционер? Такой, с широкими плечами, коренастый?

— Ну да.

— А зуб золотой есть? На руке большие квадратные золотые часы, на пальце золотой перстень-печатка? Татуировки на пальцах — синие кресты?

— Все так. Ты откуда его знаешь?

— И акцент такой — легкий кавказский?

Сережа задумался. Да, наверное, был акцент, просто настолько слабый, что он на него не обратил внимания.

— Ну, ты даешь, — продолжал Коля, — какой он

после этого коллекционер из Рязани, что же ты раньше молчал! Это же их наводила!

— Чей? — упавшим голосом спросил Сережа.

— Как чей? Бандитов этих — беспредельщиков. Все, ты у них под колпаком.

Сережа вспомнил про блондинку-жену. Наводилы с женами на стрелки не ходят.

— А жена у него как же? Может, ты ошибаешься?

— Да какая жена! Это так, шлюха подставная.

— И что теперь делать?

— Да ничего, поздняк рыпаться. Не сегодня-завтра тебя хлопнут.

Сережа не мог пошевелить языком. С трудом он собрался с силами и спросил:

— Так у тебя же есть какая-то крыша бандитская. Может, их попросить вступиться?

— Да уже сто раз просили, без мазы. Никто с этим отморозками связываться не хочет.

Сережа молчал, тянул время, не решаясь попрощаться, положить трубку и остаться в одиночестве.

— Да вот еще что, — сказал Коля, — ты же наверняка накопил что-то ценное — ордена редкие, нагрудные знаки?

— Да, а что?

— Ну, так мне лучше отдай. Тебе уже больше не пригодится.

И Коля положил трубку. Пару дней Сережа в полном отчаянии безвылазно сидел дома. Валялся на диване, пытаясь придумать, что делать. Помощи

ждать неоткуда. Ни менты, ни бандиты не помогут. Уехать? Но куда? Дома останутся родители, сестра. Он поставит их под удар. Наводила знает его телефон, наверняка давно уже проследили, где он живет. За обедом Сережа рассказал родным о грозившей опасности. Отец жевал котлету, уставившись в тарелку. Он потихоньку оклемался за время, прошедшее после возвращения из больницы, но Сережа сомневался, насколько он адекватен. Мама, тихо плакавшая в подушку после того, как Сережа связался с орденами и совсем оставил учебу, молчала. Сестра вдруг вспомнила, что за день до того к ней у подъезда подошли двое кавказцев и спросили, дома ли ее брат.

Сережа снова лежал на диване и думал, думал, думал. Ему пришло в голову, что бандиты действуют всегда по одной, заранее намеченной и разработанной схеме. Бывает, что если что-то идет не так, и их схема рушится, то они отступают. Но как разрушить их схему? Для начала надо понять, как она устроена. Скупщик в их глазах — богатый осторожный человек, этакий Корейко, как правило, настолько скрытный и жадный, что всегда работает один, чтобы не делиться с партнерами. Но что стало известно им про Сережу за эти полгода? Да практически ничего. По его виду даже не понятно, есть ли у него деньги. Он по-прежнему длинноволос, похож на неформала, на встречи ходит в одном и том же черном пальто фабрики «Зарница» и в широкополой шляпе. И у Сережи зародилась идея, вначале вспыхнула слабая искра, а потом

она разгорелась, и он увидел возможный выход. Несколько рискованный, но игра стоила свеч — он решился попробовать, все равно ничего другого в голову не приходило. Когда позвонил коллекционер и сказал, что пора встречаться — он хочет показать фотографии пистолетов и получить деньги за гривны, Сережа спокойным голосом согласился на встречу.

В назначенный час к коллекционеру, ждавшему его в тупике одной из станций метро, бодрыми шагами подошел молодой худощавый человек в шапке с пумпончиком. Это был одноклассник Сережи Коромыслов, один из близнецов-малышей, за последние годы неожиданно вытянувшийся и ставший чемпионом МГУ по боксу в легком весе.

— Сережу ждешь? — спросил он.

— Да, — ответил тот.

— Пойдем присядем.

Ничего не понимающий коллекционер послушно присел на скамейку вслед за Коромысловым. На скамейке уже сидел другой парень в толстых очках — друг Коромылова, научный работник в области нумизматики. Нумизмат протянул коллекционеру гривны.

— Возьми, — сказал он, — фальшак.

Коллекционер послушно забрал серебряные колбаски. Над ними вдруг навис вышедший из-за колонны Вита. Вита и так всегда выглядел странно — челюсть у него тряслась, зубы пощелкивали в беспрерывной пляске святого Вита, но сейчас вид у него был особенно впечатляющий. Незадолго до того он

путешествовал по России поездом, Витя не понравился каким-то гопникам, и они выбросили его из тамбура на ходу. Теперь на лбу у него зияла синеватая вмятина, все лицо пересекала огромная багровая ссадина, а пары передних зубов недоставало.

Коллекционер занервничал и заерзал на скамейке.

— А Сергей-то где? — спросил он.

— Его наш главный уволил, — сказал Коромыслов.

— Какой еще главный?

— Ну, наш шеф. Теперь мы вместо Сережи.

А он в соседнем переходе ваучерами торгует.

На случай проверки Сережа действительно стоял в переходе с нарисованной от руки табличкой «Куплю ваучер».

— Вот что еще, — сказал Коромыслов, — за это тоже бабки верни, — и он протянул коллекционеру два рубля Елизаветы.

— Тоже фальшак, Серега вообще лох, напокупал у тебя не пойми что, вот его и уволили. Не хотим, чтоб и с нами такое случилось.

— Уменяссобойнетденег, — процедил коллекционер.

Витя придвинулся еще ближе и еще громче застучал оставшимися зубами — с такой силой, будто пытался высечь искру из камней. Коромыслов заныл:

— Ну, братан, дай хоть полтинник на опохмел, не видишь, чуваку плохо, с утра ни в одном глазу!

— В следующий раз, — сухо сказал коллекционер и встал со скамейки, намерившись уйти.

— Эй, погодь, а где фотки пестиков? — кричал нумизмат.

Но коллекционер уже бежал к эскалатору, оставив новодел в руках у нумизмата. Побежавший за ним Витя заметил на улице белую «шестерку», у которой стоял высокий кавказец с орлиным носом и длинными волосами. В салоне сидели еще несколько человек. Наводила вскочил в машину, и она уехала.

Так беспредельщики исчезли из Серезиной жизни. «Верно, — думал Сережа, — говорят: не имей сто рублей, а имей сто друзей». Сто друзей нужно иметь, чтобы можно было из них набрать хотя бы троих. Большинство из тех, кому Сережа звонил с просьбой о помощи, честно рассказывая, зачем она понадобилась, отказались участвовать в задуманном им опасном спектакле. Но те, кто согласился, не подвели.

А через месяц раздался звонок.

— Сергея можно?

— Да, это я, а кто спрашивает?

— Майор Бушуев, Петровка, 38. Можешь к нам завтра с утра заглянуть?

— А по какому поводу?

— Пусть это будет для тебя сюрпризом.

— Приятным или неприятным?

— Скорее приятным, — чуть помедлив, отозвался майор.

И Сережа поехал на Петровку. Бушуев оказался серьезным высоким брюнетом лет тридцати. Он пристально изучал Серезино лицо.

— В нумизматический клуб ходишь?

— Да.

— А кого там знаешь?

— Ну, Мойшу, Крокодила, — Сережа вспомнил еще пожилого Удод, три раза отсидевшего за скупку краденого, — Удод.

— Эх, — вздохнул Бушуев, — все-то у вас, как у блатных, кликухи, погонялова, а помрете, так на могилах тоже напишут — Удод да Крокодил?

Фраза походила на какую-то цитату из фильма «Место встречи изменить нельзя», но сейчас Сережа слишком волновался, чтобы ее вспомнить.

— Рассказывай, что там творится, — продолжал майор.

— А зачем? Скажите, по какому поводу вы меня сюда позвали, тогда расскажу.

— Давай не будем торговаться, мы же не у евреев в синагоге.

Сережа молчал.

— Ладно, — Бушуев вздохнул, — мы тут недавно банду одну взяли с оружием, так вот у них такая интересная записная книжечка нашлась, — и он швырнул через стол потрепанный ежедневник Сереже.

На открытой странице был накарябан ручкой список телефонов. Напротив них стояли крестики. Последним в списке шел телефон Сережи. Против него осталось пустое место.

Сережу вдруг как прорвало.

— Так это ж беспредельщики, — затараторил

он, — они коллекционеров грабят, семерых убили, а Леню Маленького... — он рассказал историю про Леню и про то, как встречался с наводилой.

— Значит так, — сказал Бушуев, — нам на них улики нужны. Ты все, что у них купил, в следующий раз приноси и, главное, друзей своих, кого они грабанули, подгоняй — пусть приходят, показания дают, тогда мы их прижмем.

Вернувшись домой, Сережа позвонил Крокодилу:

— Нужно встретиться.

Встретились все в той же шашлычной у клуба. Крокодил выслушал его историю молча, с напряженным лицом.

— Идиот, ты, Сергей, идиот, — заключил он.

— Но почему?

— Зря ты к ним вообще поперся. С мусорами базарить — последнее дело. Никто из наших к ним не сунется. И ты больше не ходи. И предметы свои не носи — а то пришьют тебе скупку краденого, пойдешь с отморозками по одному делу.

Крокодил опрокинул стопку и вышел из кафе, хлопнув дверью.

Через день Сережа снял квартиру в Медведкове и переехал туда вместе с Витей, горевшим желанием тоже заняться орденами и стать его напарником. Однажды, щелкая кнопкой по каналам телевизора, Сережа наткнулся на милицейскую передачу с новостями о задержаниях. Показывали груды изъятых драгоценностей, икон, золота, орденов. Прозвучал

призыв к тем, кто узнал среди них что-то свое, звонить по номеру — и в титрах шел знакомый Сереже номер Бушуева.

А еще через полгода Леня Маленький сказал Коле, что видел издалека в универмаге главного бандита — того с орлиным носом и длинными волосами. Так что, выходит, их отпустили — то ли откупились они, то ли никто из пострадавших на Петровку не явился, и на бандитов не набралось достаточно показаний.

XXVIII

Сережа жил вместе с Витей в Медведкове, исправно ходил на встречи по звонкам, но делал это больше по инерции. Его не оставляли сомнения. «Кто я такой?» — думал он. «Когда я был настоящим — в юности, когда бродяжничал по России, жил в монастырях, интересовался религиозной философией, или теперь, когда занимаюсь орденами? Быть может, я что-то искал, но просто не нашел, заблудился, забрел в тупик и теперь не могу из него выйти?» Время изменилось, но изменился ли он вместе с ним или остался прежним? Но каким он был прежде? Сможет ли он себя вспомнить или уже забыл?

Раньше он думал, что ордена — это игра, он лишь временно надевает маску, входя в чужой образ, но теперь эта маска слилась с его лицом. Он невероятно располнел, все свободное время проводил с «левобережными». Они приезжали к нему в гости, он пил с ними пиво и пожирал молочных поросят.

Одного поросенка они не смогли доесть. Холодильника в квартире не было, когда «левобережные» уехали, они с Витей подвесили поросенка за окно, и еще несколько дней отрезали от него ломтики мяса. Потом поросенок протух и стал источать чудовищный запах, Сережа с Витей отвязали веревки, и он полетел вниз, в заросли лопухов на лакомство собакам и кошкам.

Встречаясь изредка со старыми знакомыми, Сережа не мог поддержать беседу. Он не видел фильмов, которые они смотрели, и не читал книг, которые они обсуждали. Он понял, что за год не открыл ни одной книги. Потом он обнаружил, что и знакомых—то почти не осталось. Распахнулись границы, и они уехали — одного за другим их засосало в образовавшуюся воронку. Кто—то отбывал вместе с родителями, но большинство его одноклассников поступили в зарубежные аспирантуры. Теперь их разметало по всему миру — они жили в Америке, Англии, ЮАР, Мексике и Австралии. Марк учился в Гарварде, Лев в Эдинбурге, и даже Степа укатил во Францию. Никто больше не ходил в походы, не пел песни под гитару и не ездил на Белое море. «А я что, всю жизнь так и буду заниматься орденами? — думал Сережа. — Или, в лучшем случае, как друг «левобережных» Андрей, открою антикварный отдел в магазине «Книжный мир» и буду просиживать там штаны день за днем, скупая у нищих стариков марки и монеты?»

Встречая немногочисленных уцелевших знакомых, на вопрос, чем он занимается, Сережа натянуто шутил:

— Меня поглотил Золотой Телец — говорил он им, — я не просто его слуга, я один из его внутренних органов, его деталь, его неотъемлемая часть.

И самому становилось грустно от этой правдивой шутки. Поток орденов со временем поредел, но не иссяк. Теперь, чтобы их добывать, приходилось проявлять сметливость и прикладывать некоторые усилия. Но сметливости им с Витей было не занимать, так что в этом деле они обходили своих так называемых конкурентов. Кроме того, их бизнес расширился — постепенно Сережа научился разбираться в разных областях антиквариата, мог покупать иконы, книги и прочие древности. В один день в его жизни появилось и настоящее золото. По объявлению позвонил паренек и заговорщическим голосом предложил встретиться и посмотреть на «кое-что очень интересное». Сережа задним чутьем почувствовал, что подвоха нет, и поехал на стрелку. Завидев Сережу, паренек широко улыбнулся, извлек из-за пазухи бархатный черный мешочек и высыпал на ладонь горсть крупных желтых горошин. Ощувив свободу, горошины призывно засверкали ярким солнечным светом, они манили Сережин взгляд, притягивали его и не отпускали.

— Что это? — спросил он, не в силах оторвать глаз от этой первозданной красоты.

— Чистое счастье, — сказал паренек.

Он оказался химиком по образованию, наладил скупку компьютерных плат, у себя дома обустроил

лабораторию и выплавлял золото высшей пробы. Теперь Сережа стал его отдачей — раз в неделю забирал у него новые горошины и сбывал их в клубе. Но радости они ему не приносили.

В то утро он проснулся в квартире один. Витя уехал в Ярославль за несколькими ожидавшими его там орденами. Весь день Сережа пролежал на кровати, уставившись в стену. Постепенно стемнело. Вставать не хотелось, вернее, просто не было сил. Тело превратилось в грудку размякшего мяса. Он ясно ощутил, как все ему опостылело. Внезапно он понял, что это конец — дальше он так жить не может. Выход был единственный — кардинально все изменить. Вернуться назад к тому камню, от которого он свернул не туда.

Точнее, он даже не понял, он просто всеми жилками почувствовал, что это правильно. Как только путь был найден, Сережа ощутил облегчение. Он неожиданно почувствовал в теле бодрость и поднялся с кровати. Силы наполняли его тело, прибавлялись прямо на глазах, усталость улетучилась. За час он собрал все свои вещи и съехал из квартиры в Медведкове. Он вернулся к родителям.

Все ордена, в том числе и те из них, что откладывал в коллекцию, и что носили имена великих полководцев, продал без тени сожаления Крокодилу и Мойше за объявленную ими цену. Когда Крокодил забирал «полководцев», руки у него тряслись безбожно. «Сколько же они реально стоят, — подумал

Сережа, — если его так колбасит». Денег теперь у Сережи накопилась большая сумка, как когда-то у киргизов в общежитии университета. Половину из них он отдал Коле в дело, а половину — однош-кольнику Косте, который занимался квартирами. В то время дела у Кости шли хорошо, но через полгода одну из квартир у него приобрел пожилой человек по имени Семен Борухович Ушанский. В процессе оформления сделки этот Семен Борухович подружился с Костей, вместе они играли в нарды и ходили в баню. Потом Борухович признался Косте, что затеял крупную аферу. Есть такие острова, Молуккские, которые сейчас принадлежат Индонезии, а раньше были независимыми. Вместе с международными друзьями Борухович организовал молуккское правительство в изгнании. Теперь он ездит по Москве на лимузине с молуккскими флагами. Ведет переговоры с людьми в российских верхах — он показывал Косте фотографии себя в обнимку с российскими министрами. И другие фотографии — себя со своими международными друзьями, среди которых были члены колумбийского наркокартеля и даже чуть ли не сам их предводитель Эскобар. По словам Боруховича, под эгидой своего собственного правительства можно будет проводить всякие безналоговые операции, обналичивать деньги и все такое прочее. Только надо раскрутиться как следует. Вот сейчас они проведут съезд правительства в одном из лучших зарубежных отелей с нереальным размахом,

про них все прознают, они обретут международную репутацию, и деньги потекут рекой. Но для размаха нужны средства. Затраченные на съезд деньги окупятся сторицей, к Косте, если он поможет, они вернутся с огромными процентами. За услугу его вознаградят постом — назначат атташе по культуре молуккского правительства в изгнании. Костя поверил во всю эту байду, продал все свои квартиры, занял еще денег и отдал их Боруховичу под расписку. Расписка гласила, что взял он у Кости миллион долларов. Борухович оставил расписку и был таков — больше его Костя никогда не видел. Удалось лишь узнать, что в прежние годы кинул он советское правительство на строительстве пулковского аэропорта аж на восемь миллиардов рублей. Подельника его расстреляли, а Борухович вышел сухим из воды. Так Сережа потерял половину своих денег, а разорившийся Костя двинулся рассудком.

Второй доверитель Сережи, люберецкий Коля, чем только не занимался — продавал газовое оружие и вроде бы даже боевое. А потом он вложил все свои средства, и в том числе Сережину долю, в бизнес какого-то друга, который наладил нелегальную продажу драгоценных камней с рудников. Дела и там шли хорошо, прибыль текла с нереальными процентами, но потом и Колин друг канул в туман неизвестности вместе со всеми Колиными и Сережиными деньгами. Так Сережа лишился второй половины денег. Коля признавал, что виноват, клялся и божился все деньги

вернуть, но теперь у него не было ни гроша. Орденами он уже давно не торговал, а после случившегося встал за лоток на музыкальном рынке «Горбушка» и как в старые добрые времена продавал пластинки. По выходным Сережа подъезжал к нему за долгом, Коля наскребал по сто долларов и выдавал их Сереже с плаксивым выражением лица. Но не каждый раз — временами денег у него и вовсе не было. Сережа ездил к Коле с большой неохотой — все это выклянчивание казалось ему унижительным. Иногда он отправлялся на «Горбушку» вместе с Рыбой — у того жизнь за границей не заладилась, и он вернулся обратно. Оставшиеся от орденов деньги он тоже вложил в Колин бизнес, и после Колиной потери так же сидел на нулях. Однажды Коля сказал, что получил большую сумму денег, что-то около пяти тысяч долларов, и пригласил подъехать за ними к себе домой в Люберцы. Взяв пачку из рук Коли, Рыба засунул ее в карман, а когда они вышли от Коли на улицу, сказал Сереже:

— Знаешь, мне деньги как-то нужнее — у меня же жена, мы ребенка ждем, надо набирать на квартиру в Москве.

После этого Сережа прекратил ездить к Коле, и с Рыбой тоже больше никогда не встречался. И про связанный с ними период своей жизни постарался навсегда забыть. На душе его сразу стало как-то радостнее. Хотя избавиться от тяжелых снов, в которых его караулили у лифта, били ножом и перерезали

горло, или от неприятных воспоминаний о самом себе у него так никогда и не получилось.

О пропавших деньгах он не жалел, решил, что этот конец закономерен и, может, все случившееся и к лучшему. В голове у него роились интересные планы, и ни о чем другом, кроме них, думать не хотелось. Сережа собрался поступать в институт истории культур — благо он находился в здании МГУ, рядом с домом. И учить там такие отвлеченные и прекрасные предметы как санскрит и латынь. «Вот мама порадуетя, что сын наконец-то взялся за ум», — думал Сережа. Он хотел ей первой сообщить о своем решении. В тот день мама пришла поздно.

— Что с тобой, мам? — спросил Сережа, увидев ее потяжелевшее грустное лицо.

— Была у врача, — сказала мама. — У меня нашли рак.

XXIX

В этот новый период, когда Сережа учился в институте, он опять много пил. Пил и дрался. Пил он каждый вечер. Однажды зимой он сидел с Витей и другими друзьями, такими же волосатыми, в индийском кафе «Джанг» на Чистых Прудах. Они были так пьяны, что один из них не удержался на стуле и упал. За соседним столиком сидели волосатые постарше. Кто-то из них сделал замечание Сереже и друзьям. Типа того, что раз пить не умеете, то шли бы отсюда вон. Кровь или алкоголь, а, может, и то и другое вместе ударили Сереже в голову.

— А ты кто такой, чтоб нас жизни учить? Пойдем выйдем, разберемся.

Сидевшие за тем столом разразились усмешками:

— Вот сейчас тебя Князь уделает!

Оказалось, он вызвал на бой самого Князя. Среди хиппи Князь слыл крутым каратистом и драчуном. Сережа с Князем вышли в соседний двор. Князь сунул руку за воротник и извлек наружу свой густой черный хайр, достоящий до пояса, как бы похваляясь своей оловостью. В этой части поединка Князь явно одержал победу — хайр Сережи был раза в два короче. Потом Князь издал боевой клич, разбежался, подпрыгнул и ударил Сережу ногой в голову. Сережа увернулся и нанес Князю ответный удар кулаком в челюсть. Князь упал на колени. Сережа намотал хайр Князя себе на руку и долго бил его головой об стену, приговаривая:

— Вот тебе, сука волосатая!

От резких движений его развезло. Он бросил бездыханное тело Князя на снег и вышел на улицу из подворотни. Свет фонарей больно лупил по глазам. У арки стояли друзья.

— Наверное, я его убил, — сказал Сережа.

Друзья усадили Сережу на скамейку. Его стошнило. В глазах играли огоньки фонарей. Потом они пошли к метро. У входа Сережу снова затошнило. Он спустился в туалет в подвале дома напротив. Когда вернулся на улицу, к нему подбежали несколько человек. От количества выпитого у Сережи отшибло память, и он не узнал товарищей Князя.

— Вот он, гнида! — закричал самый рослый из них и ударил Сережу сверху по голове. Сережа успел поставить блок. Захрустели кости его руки. Только тогда он понял, что его бьют железной трубой. Сережа бросился бежать в какие-то дворы. Зашел в незапертый подъезд. Лег на ступеньки. Заснул. Проснулся от чьих-то пинков. Его пинали по ребрам двое гопников в кепках. Нестерпимо ныла рука.

— О, попался, волосатый, — сказал один из пацанов.

— Я не волосатый, я сам хиппанов гоняю, — неожиданно для себя выговорил Сережа. — Айда за мной!

Непонятно, как ему удалось убедить гопников, но они понеслись к «Джангу» на поиски Князя и его братвы. Слава богу, «Джанг» уже был закрыт, и никого среди ночи найти не удалось.

А где-то через месяц, когда Сережина рука зажила, они с Витей решили поехать на концерт рок-музыки на стадионе «Измайлово». Сережа ждал Витю в метро посреди зала, когда к нему подошел крепкий человек с бородой, серьгами в ушах и металлическими заклепками на куртке.

— Чего, ждешь кого? — спросил он.

— Ну да, друга.

— Пойдем наверх, покурим-поговорим.

Сережа охотно пошел за крепышем. Закурили.

— Ты где тусуешь? — спросил крепыш, испытующе глядя Сереже в глаза.

— Да где угодно, — ответил тот. Неожиданно его понесло:

— Вот я в «Джанге» недавно был, так самому хваленому Князю наваял, вот смотри, — Сережа показал свой кулак с белыми шрамами на костяшках — отпечатками зубов Князя. — Я как напыюсь, так помахать-ся тянет, люблю это дело, — расхвастался Сережа.

Крепыш с изумлением смотрел на Сережу. Подошли еще люди.

— Это он на Князя напал, — сказал им крепыш.

— Да, я, — подтвердил Сережа и опять с жаром стал рассказывать, как он избил Князя, изображая всю эту сцену с жестами и в лицах. Все вместе направились к спортивному центру. Когда вошли в зал, Сережа увидел Витю, который, оказывается, уже пришел и занял место в первых рядах. У Вити почему-то при виде Сережи удивленно округлились глаза. Сережа с новыми друзьями пересек сцену и поднялся за кулисы на боковую лестницу. Самый длинный из парней, тоже бородатый и волосатый, забил косяк и протянул Сереже.

— Будешь?

— Почему нет? — Сережа задымил.

Длинный достал из складок брючины длинный нож-тесак и показал Сереже.

— А, — отмахнулся он, — меня ножом не проймешь, — вот однажды на меня с ножом напали, так я все равно махать-ся стал и пятерых завалил... — Сережа принялся рассказывать историю о пацанчиках, правда, утаив про причину нападения, не имеющую отношения к «волосатой» жизни.

— Иди к нам в компанию, — сказал длинный, — будем вместе драться. Мы тоже махать любим.

— Да не, — не унимался накурившийся Сережа, — зачем мне компания, я одинокий волк лютый, сам со всеми махать буду.

Косяк закончился, и Сережа вернулся в зал. Только тогда Витя объяснил ему причину своего удивления. Оказалось, новые друзья Сережи были именно теми товарищами Князя, которые ударили его железной трубой по голове. Вот Витя и решил, что они ведут его убивать. Сережа от души рассмеялся. Наверное, они, действительно, собирались его отметелить, но оторопели от его наглости и храбрости — при их виде он совершенно не испугался и как ни в чем не бывало продолжал хвастаться своими боевыми подвигами. В итоге его приняли за полного отморозка и потому пригласили в свой коллектив. А он просто тогда так напился, что сейчас не узнал их — иначе, конечно бы, наложил в штаны со страху. Ребята эти были известные — длинный носил кличку Индеец, он, по слухам, раньше служил в Афгане и славился беспричинным хулиганством — переворачивал машины, бил гопников. Он и его друзья Шериф, Ширхан, Игл сами себя называли не хиппи, а иппи, и на миролюбивых пацифистов-хиппов тоже периодически нападали. Сережа вспомнил, что когда заезжал со своей девушкой Катей в хипповский палаточный лагерь в Прибалтику, один из иппи раскроил кому-то из палаточников голову топором. Так что сейчас Сереже сильно повезло.

Другая его битва закончилась хуже. В тот вечер они с Митей и еще несколькими знакомыми отправились на концерт музыкальной группы «Акция» в клуб со смешным названием «Не бей копытом». Когда концерт завершился, и Сережа вышел на улицу, он увидел, что пьяный Митя зачем-то пристает к охранникам.

— Скажите, пожалуйста, а когда у вас будет следующий концерт «Акции»? — спрашивал Митя у волосатого, но здорового и рослого охранника.

— Не знаю, — бурчал тот, — этот только что закончился.

— Скажите, пожалуйста, — продолжал Митя, — а вы случайно не из общества «Обоссан?»

Качок одним ударом сбил Митю с ног. Остальные стали пинать его ногами.

— Хватит, хватит, не бейте его, — закричал Сережа и бросился к ним, — я его уведу.

Но Митя ходить не мог. Сережа взвалил его на плечи и медленно побрел по двору. Один из охранников пустился за ними вдогонку, подбежал и неожиданно нанес Мите удар по лицу. Это разъярило Сережу. Он скинул Митю на снег и ударил охранника в челюсть. Тот отлетел в сторону. Сережа снова поднял Митю и пошел дальше. Не заметил, как сзади его нагнали охранники. Его повалили на землю. Пять человек месили его ногами, руками и палками.

— Что вы делаете, вы его убьете! — слышал Сережа глухой женский визг, доносившийся как сквозь вату.

Каким-то чудом ему удалось подняться, но он ничего не видел — кровь залила ему глаза. Он с силой толкнул одного из нападавших, ткнул в воздух, попал во что-то жесткое, побежал вперед. Митю он в драке потерял. Потом знакомые рассказывали ему, что во дворе разгорелось настоящее побоище. Один из друзей увидел, что здоровенный охранник тащит куда-то за шиворот Митю, держа его высоко над землей.

— За что вы их бьете? — хотел спросить этот друг, но по ошибке сказал: — За что вы нас бьете? — и тут же получил удар ногой в пах.

Другой увидел, что откуда-то из-за угла один за другим вылетают незнакомые избитые люди, тоже из любопытства засунул рожу за угол, и сразу обрел короткий в челюсть.

Кто-то палил из газового пистолета. Кто-то стрелял в ответ. Охранники избивали выходивших на улицу посетителей. Месиловом руководил качок-охранник по кличке Полковник.

Через несколько часов Сережа и друзья собрались на квартире одного из них. У Мити под каждым глазом красовались огромные фингалы. У другого товарища так распухли причиндалы, что он не мог ходить. Но Сереже не повезло больше всех — его нос был свернут набок, он не мог дышать, и у него кружилась голова.

На следующее утро отец предложил сходить в травмпункт вместе. Но Сережа постеснялся идти

вместе с ним — он был уже взрослым, а не сосунком, который появляется у врачей вместе с отцом. Он пошел туда с одним из товарищей по драке. Чтобы не скучать в очереди, взяли с собой по паре бутылок пива. Наверное, из-за запаха перегара и фингалов под глазами медсестра к ним серьезно не отнеслась. Приняла за голимых алкашей. Дернула Сережу за нос, внутри что-то хрустнуло, но прямее он не стал. К вечеру Сереже стало гораздо хуже, и он загремел в больницу. Исправляли не нос, а какие-то внутренние перегородки. Били по ним долотом под местным наркозом, Сережа вырывался и вопил благим матом.

Нос так и остался в одном месте вмятым, а в другом выпуклым, как у боксера. Когда Сережа вернулся на занятия через пару недель, то сильно напугал своим новым обликом преподавательницу санскрита. «Он коню подобен, что бесстрашно,/ Слыша бранный рог, стремится в бой,/ Если же окончено сраженье,/ Притихает весь, домой идя...», — процитировала она Ашвагхошу.

После этих двух драк Сережа решил, что пора заканчивать с волосатостью. Прежде хиппи ассоциировались у него со Сталкером и ему подобными людьми — теми, кто непрерывно что-то искал за пределами реального мира, верил в маленьких лесных человечков и ангелов с крылышками. Но годы перестройки безжалостно перемололи их. Сталкер кинулся — покончил жизнь самоубийством, другие тоже исчезли с Сережиного горизонта. Их место заняли

умевшие за себя постоять реалисты Индеец, Полковник, Князь и иже с ними. На образец для подражания они не тянули — Сереже не хотелось на них походить. Он вращался в мире, где все были такими, наверное, и сам стал таким же, но все еще продолжал надеяться найти что-то иное. Или верил, что продолжает надеяться. Он состриг свой хайр. Завернул волосы в газету и убрал в ящик серванта.

Но пить он не прекратил.

Как-то он пил у Саши — того самого, который сдал их с заборами и которому Сережин отец разбил нос. Утром Сережа встал раньше всех. Его мучило сильное похмелье. Сварил себе сосиску. Положил ее на тарелку. Высыпал из банки зеленого горошка. Приготовился есть. На кухню вошла заспанная Алена — приятельница Сережи по университету. Одно время ей нравился Сережа, а ему она. Она даже переехала к нему в Медведково и спала с ним в одной кровати. Но дальше этого их отношения не зашли. Может быть, Сережа стеснялся Вити — после переезда Алены в их однокомнатную квартиру, он перекочевал за шкаф, и в темноте Сережа ловил на себе горевший взгляд его полубезумных глаз. А, может быть, дело было в том, что после того, как его бросила Катя, он вообще избегал девушек. Вернее, не избегал, а просто им овладела какая-то странная застенчивость и нерешительность — он чувствовал себя неудачником, и боялся, что у него ничего не выйдет ни с одной из них.

Войдя на кухню, голодная Алена села напротив и попыталась стянуть у Сережи с тарелки сосиску. Сережа подхватил ее вилкой и потащил обратно. В этот момент зазвонил телефон. Это звонила Сережина мама, которой теперь он всегда сообщал, где находится.

— Сережа, — сказала она, — у меня...

Алена снова стянула сосиску и попыталась откусить от нее кусок. Сережа схватил ее за руку.

— Отнялись ноги, — продолжила мама, — я уми...

Другой рукой Алена нажала на рычажок телефона. Раздались гудки. Сережа ударил ее по лицу. В первый раз в жизни он бил женщину. Алена закричала. На шум потянулись Сережины приятели. Первым появился одноклассник Леша. Когда-то он был победителем всесоюзных олимпиад по физике и подавал большие надежды в науке, но с началом перестройки стал крепко пить и не уехал вместе со всеми учиться в западную аспирантуру. Сережа ударил его в голову. Вынырнувшего вторым Сашу свалил на пол. Третьим вышел сосед по даче Петя, дедушка которого отмазал Сережу от тюрьмы после случая с заборами. Сережа впечатал его в батарею.

— Это он из-за сосиски, из-за сосиски озверел! — кричала Алена.

Сережа не хотел и не мог ничего объяснить. Пусть хоть всю жизнь они считают, что он напал на всех из-за еды. Он выбежал на улицу. Серое небо наседало, давило на серые дома спального района, серый воздух

забивался в легкие. Серый ветер. И пустота. Его душили слезы. И он ревел, ревел, ревел.

XXX

Мама умирала долго. Полгода она не могла ходить, лежала на кровати и угасала. По ночам Сережа слышал ее стоны из-за стенки. Он купил компьютер и, чтобы как-то отвлечься, целыми днями резался в «Дум». И тогда мама говорила:

— Променял маму на компьютер.

А потом ее не стало. Отец, который к тому времени совсем окреп, как-то быстро нашел работу за границей, и уехал. Сестра поехала к нему. Сережа остался один в опустевшей квартире.

Мамины подруги больше не звонили. Сережа скучал по ним. Однажды собрался навестить мамину одноклассницу тетю Машу. Поехал к ней на Патрики. В годы детства семья тети Маши казалась Сереже эталоном советского благополучия. Сама она была актрисой, а ее муж — космонавтом. Сережа помнил, как он обомлел, первый раз увидев ее, когда они с мамой приехали к ним в гости. Дверь открыла стройная красавица блондинка в облегающем фигуру серебристом наряде и на высоких каблуках. Ее красота ослепляла, журналисты прозвали тетю Машу советской Бриджит Бардо. Ванная в квартире размером напоминала бассейн, на тумбочках стояли огромные хрустальные вазы. Сын тети Маши, Кот, был ровесником Сережи. Они возились с добродушным сенбернаром по имени

Дин Рид, пытаясь на нем прокатиться, сенбернар вильнул хвостом, и одна из ваз упала на пол, разлетевшись на мелкие осколки. Сережа испугался, что его тотчас изгонят из этого рая, но тетя Маша нисколько его не журила — только махнула рукой. Когда Коту исполнилось тринадцать, он тоже стал актером — сыграл в одном фильме с дочкой самой известной эстрадной певицы. Дочка исполняла роль некрасивой девочки, над которой издеваются одноклассники, а Кот в роли ее единственного друга по ходу действия ее предавал. Примерно в этом возрасте у Кота появились шахматный компьютер, клетки которого мигали зеленым цветом, показывая, куда он делает ход, и, — самое главное, — видеомэгнитофон. Ни у кого другого из знакомых Сережи видеомэгнитофонов в то время не было. Теперь Сережа приходил к нему смотреть фильмы про Джеймса Бонда, Кот полулежал рядом в кресле в обнимку с очередной девочкой, которые водились у него в обилии с самого раннего детства.

Идя к тете Маше, Сережа вспоминал про этот островок спокойствия и счастья, казалось, в нем сосредоточилось что-то самое волшебное из его детства, да в то время шахматный компьютер и мэгнитофон с Джеймсом Бондом и воспринимались подлинными чудесами, а сам Кот, каждый раз показывавший Сереже новую невиданную игрушку, предстал в его глазах чудесником из цирка вроде иллюзиониста Кио.

За те несколько лет, что Сережа не видел тетю Машу, она так изменилась, что он не сразу узнал ее. Раздулась от пьянства и превратилась в покрытую складками жира и морщин чудовищную жабу в парике из белых волос. Она с трудом шевелилась в своем старом обшарпанном кресле, пол был усыпан пустыми бутылками от шампанского. Муж космонавт давно оставил ее, а потом умер, Кот год назад погиб от героина. Прошлое тоже покинуло ее, как и Сережу, но Сережа не чувствовал с ней никакой духовной близости — его детская иллюзия была разрушена, разлетелась на осколки, как та разбитая ими с Котом хрустальная ваза. Он понял, что больше сюда не вернется.

Теперь он сидел дома, не зная, чем заняться. В детстве он любил читать книги, но все они были давно перечитаны, и сейчас стояли на полках мертвым памятником самим себе. В институте занятия он забросил. Вернее, они закончились сами собой. Изучать санскрит ему нравилось. Длинные ряды букв соединены одной чертой, и в зависимости от того, в каком месте ты ее разделишь, получаются совершенно разные слова. И разные смыслы. Сережа расшифровывал смыслы, и здесь пригождались обретенные в школе логические навыки. Но остальным одноклассникам это было неинтересно. Постепенно из одиннадцати человек в группе осталось восемь, затем пять, три, и, наконец, один Сережа. А потом преподавательница объявила, что группу

закрывают, а ее увольняют. Институту невыгодно содержать преподавателя из-за одного ученика.

— Я могла бы заниматься с тобой на дому, — сказала преподавательница, глядя на Сережу сквозь дымчатые толстые стекла очков, — но плату брать мне с тебя неудобно, а бесплатно у меня нет возможности.

Без санскрита хождение в институт потеряло всякий интерес. Теперь Сережа целыми днями слонялся по квартире. Только сейчас он заметил, что старые обои пожелтели и местами оборвались, а его детские машинки и игрушки, стоявшие на прежних местах, поросли мшистой пылью. По ночам спать ему мешали шорохи. Он слышал голоса и звуки, его будили стоны. Ему казалось, что мама зовет его. Она просит подать ей судно или помочь ей встать на ноги. Но он не в силах ей помочь, потому что у нее нет ног.

Страшась оставаться в темноте, он перестал выключать свет, но темнота не отступала, день сливался с ночью, воздух ожил, его слои шевелились, шелестя, надвигались один на другой, чьи-то мягкие пальцы тянулись к Сереже, появлялись и исчезали быстрые тени, загорались и тут же гасли огоньки светляков. Тоска и отчаяние сдавливали его горло, волнами накатывала тяжелая тьма. Он все бродил по квартире, потерявшей начало и конец, и не находил себе места. Ему хотелось кричать, и тогда он кричал, но тьма по-прежнему не раздвигалась, и слои воздуха продолжали давить на его сердце. Больше он не мог выдержать этот груз.

Однажды он встал на табуретку, натянул ремень на турник, подаренный отцом в детстве на день рождения, просунул в него голову и оттолкнул табуретку ногами. Какое-то время ему удалось провисеть, он даже начал задышаться, вернее, дышать, уже успел почувствовать свободу, в ушах тихонько звенела какая-то мажорная музыка, но ремень расстегнулся, и он упал на пол, больно ушибив спину.

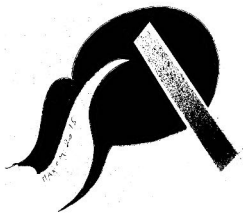
И снова день за днем он ходил в пустоте, населенной полнотой, в тишине, наполненной шумом. Он что-то доставал из холодильника, жевал, но не чувствовал вкуса. Временами он плакал, ревел подолгу, вздохнул, но это не помогало. Иногда ему казалось, что петля снова стягивает ему шею, ощущение было приятным, он проводил ребром ладони по шее, и тогда понимал, что он лишь грезит, никакого ремня на ней нет.

Петля развязалась, и путь оборвался, но сам собой родился новый выход, и теперь иная неотступная сила звала, влекла его за собой. Он наполнил ванну, разделся и лег в нее. Достал из шкафчика бритву. Он резал вены на руках вдоль и поперек, кромсал их от запястья до локтя. Первая бритва сломалась, он взял вторую. Кровь струйками прыскала в ванную, тоненькими змейками разбегалась по воде, виляя хвостиком. Опускалась вниз багровыми шариками — сворачивалась божьими коровками. И останавливалась. Он не понимал, в чем дело, почему она останавливается, пилил жилы снова и снова. Прошли часы. Постепенно вода стала холодной, затем ледяной

и порозовела. Сережа замерз, он весь дрожал и беззвучно плакал. Под утро, обессиленный, он вылез из ванной. Протерев мокрыми ногами в комнату, ничком рухнул на диван, уткнулся в подушку лицом. Мерно стучало сердце. И тогда он решил жить. Жить тот срок, который ему отпущен.

ЧАСТЬ 2

ПАХ. м 2015

I

Петя расстался со своей девушкой Улей. Она давно нравилась Сергею — волосы цвета вороньего крыла, глаза-бусинки, задорная улыбка. Теперь вокруг нее роились поклонники. Митя, одноклассник Сергея Олег, другие. Уля собиралась поступать в университет. Пару раз по пути на подготовительные курсы она заходила к Сергею в гости. Пили чай, подолгу болтали. «Может быть, она тоже равнодушна ко мне? — думал Сергей. — Просто так ведь не заходят». Когда они встречались в общих компаниях, Сергей иногда ловил на себе ее стремительный взгляд. Ему казалось, что Уля смотрит на него как-то по-особенному.

Вечером перед одним из экзаменов Уля позвонила Сергею — посоветоваться по некоторым вопросам из билетов. Сергей не заметил, как пролетело время беседы. За окном рассвело, у подъезда хлопала дверями машины, с улицы доносился стук каблучков — люди ехали и шли на работу. Они проговорили девять часов. В конце разговора он находился уже

в полудреме, не вполне улавливая смысл ее и своих слов. Но не решался положить трубку. И она, судя по всему, тоже.

Через несколько дней Сергей выпивал на бульварах с Митей. Купили еще вина и сыра с лавашом в магазине «Армения», заглянули в гости к Олегу, который жил в центре, в том же переулке, что и здание их школы. В одной из комнат его квартиры, обложившись учебниками, сидела Уля. Она готовилась к экзаменам. Сергей крепко выпил и осмелел. Зашел в комнату к Уле. Встал перед ней на колени, взял ее за руку и признался в любви. Во время его признания она гладила его по голове. Потом, когда его слова иссякли, Сергей вдруг подумал, что выглядит нелепо, засмутился и решил уйти. Уля собрала свои учебники и вышла вслед за ним из квартиры. На лестничную клетку выбежал Олег. Он толкнул Улю в спину, и она полетела вниз, в объятия Сергея. По ступенькам рассыпались ее учебники.

Теперь они созванивались каждый день. Гуляли по центру, взявшись за руки. Говорили обо всем на свете, шумно хохоча, перебивая друг друга на полуслове и тут же продолжая беседу с другого слова, другой темы, даже не вспомнив, о чем шла речь до того. Сергей провожал Улю до дома. На прощание долго прижимал к груди. Они стояли молча, но Сергею казалось, что их нескончаемая беседа продолжает течь подобно бурной реке, ни на секунду не замедляя свой ход.

Пару раз, звоня Уле по вечерам, Сергей не застаивал ее дома. В эти дни Уля тусовалась на вечеринках в компании своего друга детства художника Антона. Сергей ревновал, мучился от подозрений. Однажды, когда она была у него в гостях в очередной раз, Сергей быстро осушил бутылку белого вина и стал приставать к ней с вопросами — было ли что-то между ней и Антоном?

— У меня ничего с ним нет, — сказала она, глядя Сергею в лицо, — мы просто друзья. И вообще, я после Пети ни с кем не была. Только...

— Что только?

— Только один раз с Митей. Но это не считается.

Сердце Сергея будто сжали в тиски. Он промолчал, но провожать ее домой в тот день не стал. Больше Уле он не звонил. Несколько раз видел на определителе ее номер. Но к телефону не подходил.

Товарищ Сергея по институту культурологии по кличке Пал Палыч уехал в Англию. В прошлом длинноволосый Пал Палыч был музыкантом и наркоманом — ходили слухи, конечно, преувеличенные, что он подсадил весь универ на иглу. В Лондоне он познакомился со знаменитым ведущим радио «Би-би-си» Лео Суздальцевым. Суздальцев задумал издавать на русском языке журнал о рок-музыке и распространять его в России. Музыкальным обозревателем будущего журнала назначен был Пал Палыч. А роль редактора колонки о музыкальном видео Палыч отвел Сергею. Через Суздальцева он сделал

Сергею приглашение приехать в Англию на месяц на стажировку.

И Сергей полетел в Лондон. Палыч встретил его в аэропорту. Отметим проезд, как водится, пивом и водкой, но с примесью новизны — Палыч приобщил Сергея к кислотоватому вкусу яблочного сидра. Потом Палыч повел Сергея спать в офис будущей редакции, состоявший из одной маленькой комнаты и коридора. Сергей поселился в коридоре на голом кожаном диване без подушки и одеяла. В девять утра начиналась работа по созданию журнала. В комнату набивались сотрудники — русские и англичане, они курили сигары, сигареты и папиросы, толкали друг друга локтями и шумно что-то обсуждали. Больше половины слов Сергей не знал, так что смысл их споров оставался ему непонятен. Но, независимо от итогов, конечные решения все равно принимал Лео, немолодой уже человек в кожаных штанах и с длинными серебристыми волосами.

По вечерам Сергей с Палычем перемещались по пабам и музыкальным концертам. В клубе «Гараж» на концерте австралийского трио «Грязная тройка» Сергей заметил по соседству с собой у стойки человека, похожего на своего любимого певца Ника Кейва. «Надо же, вылитый Кейв», — подумал Сергей, а потом вдруг понял, что это Кейв и есть. Просто он не сразу поверил своим собственным глазам. Ведь в России такую знаменитость тут же обступил бы круг фанатов. А здесь люди запросто подходили к Кейву,

хлопали его по плечу и уходили обратно. Облокотившись на стойку, Кейв в одиночестве цедил сидр.

— Вы Ник Кейв? — набравшись храбрости, спросил Сергей.

— Ну, я, — ответил Кейв.

— Знаете, — запинаясь, выговорил Сергей, — знаете, вы в России очень популярны.

— В России? — переспросил Кейв. — А где это?

— Россия? — Сергей беспомощно развел руками. — Ну, у нас, вы, наверное, слышали, снег, медведь, водка, шапка, — он показал себе на голову и остановился, перебрав весь набор знакомых ему штампов о родине.

— А, ну это да. Тогда, наверное, слышал, — кивнул Кейв. — Правда, популярен? Не может, быть.

— Правда, правда, — обрадовавшись наладившемуся взаимопониманию, затараторил Сергей, — приезжайте. Концерт пройдет на ура!

Кейв выдал ему свою визитку.

— После шоу здесь будет афтерпати, оставайся. Еще поговорим. О России.

Но Сергей не остался — с него было довольно, он и так изрядно перенервничал во время уже состоявшейся беседы с кумиром. Вместо него на пати остался Пал Палыч. Потом он рассказывал, что всю ночь выпивал в компании Кейва, они расстались лучшими друзьями и Ник пригласил его играть в свою группу. Про группу Сергей, конечно, не поверил, но все равно обзавидовался Палычу.

Через неделю Сергей измотался спать на диванчике. Он переехал в дом к своему однокласснику Паше, который учился в аспирантуре в Оксфорде. До этого Паша жил в Америке. Там он пристрастился носить широкие штаны, гарлемские кепки и слушать монотонный рэп Доктора Дре и Снуп Догги Дога. Там же он подружился с первым русским рэпером Мистером Зомби. Теперь Паша каждый день крутил в плеере одну и ту же его кассету. Зомби пел что-то типа этого:

Девяносто пятый год, Гарлем, лето,
Мой джип огромен, как царя карета.
Или:
Вдали погасли огни погони,
Я в своем районе, как царь на троне.

Стоит ли говорить, что никакого джипа у него не было, и в районе Нижний Гарлем, где он обитал, его никто не знал.

Теперь Сергей ежедневно ездил в Оксфорд на ночном автобусе. Приезжая, покупал кебаб в пакистанском ларьке и, жуя его, шел в домик Паши по пустынной асфальтовой дорожке, освещенной тусклыми фонарями, свет которых едва пробивался сквозь защитные металлические решетки. Идти было минут сорок, так что ложился Сергей в четыре часа утра, а вставать, чтобы успеть на работу в редакции, приходилось в семь. Сергей считал Оксфорд тихим городком, пока однажды ночью не увидел,

как толпа человек в двадцать словно футбольный мяч гоняет ногами по газону какого-то стонущего мужика.

Когда стажировка окончилась, Сергей съездил в Эдинбург — навестить учившегося там Льва. Лева жил в квартире еще с тремя соседями. Одним из них был блюзовый музыкант из России, который днем, как сигареты, один за одним тянул косяки у себя в комнате, а по вечерам играл в пабах. Пабов в Эдинбурге было полным полно, так что без работы музыканту оставаться не доводилось. Другим был англичанин Джорджо, который поведал Сергею, что промышляет на жизнь, позволяя медицинскому госпиталю экспериментировать над своим телом. То палец отрежут, потом пришьют, то героином наколют и смотрят, как на это реагирует печень. Познакомившись в Эдинбурге и с другими местными раздолбаями, Сергей заметил, что у них всех два основных способа заработка — либо ездить по странам третьего мира и преподавать английский, либо жертвовать собственное тело и его органы на медицинские эксперименты.

Пришло время возвращаться в Москву. После приезда еще несколько месяцев Сергей писал рецензии и отправлял их в Лондон. Но Лео Суздальцев переоценил свою российскую известность. На одном его имени журнал долго не продержался. Среди продвинутой молодежи на волне популярности была электронная музыка, никому в середине 90-х не казался интересным рок-журнал со скелетообразным Миком

Джаггером на обложке. Так что вышло всего пять номеров, и журнал закрылся. А влезшему в долги Лео пришлось заложить то единственное, что он приобрел за долгие годы жизни в эмиграции — свою лондонскую квартиру.

Потеряв работу, Пал Палыч завис в Лондоне. Потом он куда-то пропал, перестал выходить на связь, и Сергей надолго потерял его из виду. Как-то позвонил ему на московский номер. Трубку снял отец Пал Палыча, который рассказал, что тот однажды посреди дня, то ли сильно выпив, то ли потребив еще что-то, в общем потеряв рассудок, попытался штурмовать офис крупного банка. Выбил витрину ногой, махал пустым «дипломатом» и требовал вернуть якобы украденный у него миллион фунтов. Моментально приехавшие полицейские Палыча утихомирили и отправили в тюрьму. Так что его отцу пришлось срочно вылетать в Лондон — переводить Палыча из тюрьмы в психушку, где тот и провел следующие полгода.

А Сергей еще в Лондоне понял, что не может больше без Ули. По ночам ему снилось, как они гуляют, взявшись за руки, и неугомонно щебечут обо всем, что только приходит в голову. Ему хотелось рассказать ей тысячу важных вещей. В первый же день после приезда он позвонил ей, понесся к ней на встречу, они не могли выговориться, расстаться, оторвать друг от друга глаз. В тот же вечер он помог ей собрать вещи, и она переехала к нему.

II

Степа пожаловал ненадолго из Франции, и Сергей зашел к нему в гости. Пили водку, закусывали маринованными огурчиками. Когда закончилась закуска, потребовалась заправка. Степа огляделся по сторонам, нашел на подоконнике пластиковую бутылку с остатками тоника на дне. Разлил тоник по стаканам.

— Что-то у этого тоника какой-то странный горьковатый вкус, — поморщился Сергей.

— Черт! — Степа хлопнул себя по голове.

Оказалось, он привез по заказу родственников пузырек с дорогим нейрорепаратом — корректором поведения, пузырек разбился, он перелил нейрорепарат в бутылку от тоника, а сам про это забыл. Сергей рассмеялся — интересно, как подействует корректор поведения вкупе с алкоголем.

Позвонил одноклассник Сергея Феликс — дело происходило первого сентября, он по традиции зашел в школу, но из одноклассников в России почти никого не было, встретил там только Петюню, и вот теперь они захотели повидать Сергея и Степу. Степа пригласил их в гости. Через полчаса раздался звонок в дверь. В квартиру ввалились пять одинаковых борозов в малиновых пиджаках и с золотыми цепями на массивных как боксерские груши шеях. Сергей переводил взгляд с одного из них на другого, силясь определить который из них — Петюня. Петюней оказался самый толстый из всех, а остальные — его охранниками. Подвыпивший Петюня

довольно похрюкивал и похохатывал, по-барски развалившись на диване и потрепывая Феликса по загривку. Феликс похохатывал ему в такт, только чуть потише. Петюне быстро надоело сидеть на одном месте, и он пригласил всех в новомодный клуб со стриптизом. Затолкались в его длинный как угорь бронированный лимузин с тонированными стеклами. Лимузин бесшумно заскользил по московским улицам. Шпиль МГУ, темная река, Лужники. Мимо понеслись мерцавшие в мгlistом воздухе желтые фонари, мосты, огни встречных автомобилей. Минут за двадцать долетели до центра. Сбежавшиеся со всех сторон, как муравьи на сладкое, швейцары услужливо распахнули им двери машины. Под оглушительную попсовую музыку в клубе вокруг шестов по-кошачьи извивалось с десятков полуголых и уже совсем голых девиц. Официант показал свободный столик, охранники с мрачным видом выстроились по его четырем углам, скрестив руки на груди и обратившись квадратными спинами к Петюне и его друзьям. Петюня заказал голубую этикетку Джонни Уокера. Пока несли заказ, Сергей отлучился в туалет. По пути его окликнул немолодой человек кавказского вида в дорогом бежевом костюме и с ухоженной гладкой щетиной, пригласил за свой столик. На коленях у него восседала девица в пестром купальнике, еще трое девушек сидели вокруг стола. Сергей сел на свободный стул.

— Дядя Захар, — представился кавказец, улыбаясь

и в то же время буравя Сергея глазами беркута, — а ты кто будешь?

Одной рукой он приобнимал девушку за обнаженное плечо, а в другой держал бокал с белым вином. Луч бокового света падал на бокал, на стекле поблескивали аккуратно подстриженные чешуйки ногтей. Сергей подумал, что дядя Захар, наверное, грузинский вор в законе, который, завидев незнакомца с пышной свитой, почуял в нем конкурента и теперь пытается выяснить, кто он такой и откуда нарисовался на его горизонте. Но вот беда — за главного он принял Сергея, а Петюня показался ему лишь еще одним, пятым, охранником. Корректор поведения явно начинал действовать, заставляя отвечать четко и честно, без всякого лицемерия, так что Сергей отрапортовал:

— Я не при делах, я просто никто и зовут меня никак, а главный у нас вон тот здоровяк, к нему все вопросы, — он показал на Петюню, встал из-за стола и продолжил свой путь в туалет. Но краем глаза успел заметить недоверчивую ухмылку кавказца.

Петюня снял четырех проституток — на всех, и теперь стоял вопрос, куда их везти. Степа, на которого тоже начал действовать корректор поведения, признался, что у него пустая квартира. Снова затолкались в лимузин, девицы взгромоздились на колени к одноклассникам, одна из них попыталась погладить Сергея по щеке, но он отстранился, вжавшись головой в плюшевую обивку салона.

Приехав к Степе, Феликс с Петюней сразу же повели двух девиц в комнату, а Сергей со Степой остались с двумя другими на кухне. Сергей с самого начала не собирался развлекаться с проститутками, но и со Степой случилась разительная перемена — явно под воздействием корректора поведения. Привычная глумливая ухмылка сползла с его лица.

— Девушки, проституцией заниматься нехорошо! — строго объявил он. — На свете есть и другие профессии.

Девицы наперебой стали оправдываться и жаловаться на жизнь. Одна из них извлекла из лифчика и предъявила Степе с Сергеем фотографию пятилетней дочери. Другая поведала, что на самом деле работает воспитателем в детском саду, а в Москву приезжает раз в две недели на заработки втайне от своих родителей. Когда Петюня с Феликсом вернулись на кухню, их глазам предстала удивительная картина — плачущие навзрыд девицы и утешающие их Степа с Сергеем, которые гладили их по волосам и отпаивали водой.

Феликс позвонил на следующий день и рассказал, что сходил к Петюне в офис. Петюня всем предлагает работу — Феликсу выдает банк в управление, а Сергею, который больше по части «культур-мультиур», предлагает стать директором принадлежащего ему радио. Но Сергей отказался — в школе они с Петюней были не слишком дружны, да и перед глазами все время всплывала картина, как Петюня треплет по загривку Феликса.

А через пару лет империя Петюни рухнула. Он приобрел корабль американских окорочков, но корабль не доплыл до места назначения, затерялся где-то в бескрайних водах океана. В империи образовалась брешь, которая стала стремительно разрастаться, в конце концов ее прорвало, и в нее, как тот корабль, утекла и сама империя, а вслед за ней и Петюнино могущество. Петюня запаниковал, на него наехали какие-то бандиты, он лежал под автоматами, и ему в рот засовывали холодное стальное дуло. Тогда его напарник и бывший сосед по студенческому общежитию Темирбулат предложил Петюне выйти из дела — он возьмет все их долги на себя. Петюня обрадовался дружескому предложению и переписал свою долю, вернее, все оставшиеся от нее минусы на Темирбулата. Но оказалось, что Темирбулат его надул — сохранились и кое-какие плюсы, что-то, еще приносящее прибыль, что он утаил от Петюни. Сделать это было легко — ведь Петюня ведал лишь креативом, а весь финансовый учет лежал на Темирбулате. Так что Темирбулат скоро восстановил потерянное и даже нарастил силы, а оставшийся ни с чем Петюня канул в небытие, растворился в пространстве и времени.

Истек срок Степиного пребывания в России, Сергей отправился к нему на проводы. Кроме Степиной мамы и Сергея, за столом еще оказался сводный брат Степы Женя, мужчина средних лет с заросшей обильными кудрями головой. Женя работал

литературным обозревателем на радио. Узнав, что Сергей ищет работу, он сказал, что один его знакомый, редактор книжного приложения к известной газете, набирает сотрудников, и он порекомендует Сергея.

Редактор приложения Кирилл Котов был высоким человеком с рыхлой внешностью, несколько понурым и безвольным выражением лица. При виде Сергея он крикнул что-то неопределенное и указал рукой на свободный стол. Все «умные» полосы в газете были уже разобраны, так что Сергею доверили обозревать массовую литературу — боевики, фантастику и любовные романы. Остальные сотрудники оказались ребятами того же возраста, что и Сергей, так что с ними он коротко сошелся. Только один из них, Гавриков — персонаж крайне маленького роста, появлявшийся на заседаниях редакции в неизменной тройке и смешном цилиндрике, — поначалу ревниво отнесся к появлению Сергея и постоянно критиковал его полосу. Но постепенно и он свыкся с существованием новичка, и они с Сергеем почти что подружились. Платили в газете мало, Сергей с Улей питались одной пустой гречкой, но даже эта крохотная зарплата была лучше, чем вообще ничего.

Иногда Сергей с Улей ездили столоваться к ее родителям. Сергей сблизился с ее отцом, которого за глаза звал коротко по отчеству — Петрович. После еды Петрович приглашал Сергея посидеть в его заставленном колбами и пробирками прокуренном кабинете,

«попить чайку–кофейку». Потягивая маленькими глотками дымящийся чай, Петрович любил рассказать о том, как в советское время состоял в эзотерических кружках и работал в секретных лабораториях. В одной из них они изучали способности экстрасенсов, в другой синтезировали наркотики и испытывали их на самих себе. Им якобы удалось произвести пилюли ЛСД стократной силы. Вместе со своим партнером Рочевым Петрович выехал на природу, они закинули в рот по пилюле. Вскоре после этого пространство вокруг начало стремительно меняться. Петрович посмотрел на свою ладонь и увидел, что она испещрена тонкой сеткой паутины. Потом он поднял голову, поглядел на лицо Рочева и ужаснулся — вместо лица он увидел череп с пустыми глазницами. Петрович глянул на небо, но и небо от него отделяла сетка паутины. Паутина висела повсюду.

С тех пор Рочев удалился от мира и стал полным асоциалом — на улицу выползал исключительно ночью, в черной шляпе и черных очках, передвигался по городу, держась за стены домов. Петрович тоже больше не ходил на работу — он ставил какие–то никому не понятные эксперименты дома в своем кабинете. От былых эзотерических увлечений у него остались две мечты — обзавестись металлоискателем и найти клад и изобрести прибор, который зафиксирует существование паутины. Петрович перепутал видимость с реальностью — он верил, что паутина взаправду существует, а вовсе не является

плодом его воображения. Он полагал, что прибор поможет ему опровергнуть современную физику — по мнению Петровича, звезды меняли свой цвет из-за существования паутины, а не из-за оптического обмана.

Сергею быстро надоело писать про массовуху, хотелось сделать что-то поинтереснее. Как раз в это время объявился вернувшийся в Россию Палыч. Сергей заехал к нему в Беляево. Они гуляли дворами между панельных девятиэтажек, Палыч рассказывал, что его отец все сочинил — он не лежал ни в какой психушке, а сражался в Югославии на стороне сербов. Еще Палыч говорил, что у него есть длинный пистолет, дуло которого загибается под углом девяносто градусов, он высовывает его из-за дома и отстреливает индейцев, которых ЦРУ прислало за ним следить. Потом он поведал, что вступил в тайный орден яковитов — приверженцев короля Якова, и они собираются восстановить династию Стюартов на английском королевском престоле. Все психоделические англоязычные писатели тоже состоят в этом ордене, и поэтому у Палыча задание — стать переводчиком и перевести их на русский язык, он уже перевел книгу Берроуза, а сейчас переводит Хантера Томпсона. В рассказах Палыча сложно было отделить правду от вымысла, но, судя по обильным цитатам из произведений писателей, он и вправду занимался их переводом.

Сергей решил сделать с ним интервью про психоделическую литературу. Полоса Сергея выглядела так — в верхней половине интервью с Палычем, а внизу в «подвале» — рецензия на одну из уже вышедших психоделических книг. Интервью получилось интересным, сам Сергей остался доволен. В день выхода приложения Сергей как обычно пришел в редакцию. Котов встретил его с серым лицом.

— Тебя вызывают к главному, — глядя в сторону, сказал он.

— А что стряслось?

Котов молча разложил на столе перед Сергеем две газеты — вчерашний номер, где их приложение было вкладкой, и сегодняшний выпуск самого приложения. Дело в том, что книжное приложение выходило дважды — один и тот же номер появлялся вначале в виде вкладки в основную газету, а на следующий день уже отдельной газетой распространялся по подписчикам. Сергей с изумлением смотрел на свою полосу — у обоих номеров совпадал только подвал, а верх был разным. Во вчерашней вкладке наверху было его интервью, а со страницы сегодняшнего номера на него глядел абсолютно незнакомый материал.

— Главный самолично вчера, как увидел, ножницами вырезал и вот это наклеил, — прокомментировал Котов.

Выяснилось, неделю назад в Питере с наркотиками задержали дочку олигарха Сосенского, которому

принадлежала газета. Вот главный и решил, что в таких обстоятельствах любое упоминание психоделической темы будет крайне неприятно владельцу. Никакого приказа о введении цензуры от олигарха не поступало, главный просто сам захотел подстраховаться. О появлении запретной темы было сообщено на летучке, но Сергей, не обязанный туда ходить, ее пропустил. Увидев злосчастный материал, главный пришел к выводу, что его сознательно ослушались, и разъярился. На самом деле, думал Сергей, вряд ли он столь внимательно читал книжное приложение — наверное, накапал кто-нибудь из других заместителей, желающих подсидеть Котова. Так что Сергей просто попал под раздачу.

— Иди к нему, — сказал Котов, — тебя ждут.

Главный мерил шагками пространство необъятного кабинета с видневшимися вдали дубовым столом и потертым кожаным креслом. На Сергея он даже и не взглянул.

— Пишите письмо, что приносите извинения и впредь обещаете подобных материалов не делать, — на ходу произнес он.

Сергей подумал с минуту.

— Я считаю, что мне не за что извиняться, — сказал он.

— Тогда уволен! — коротко рявкнул главный.

Сергей вышел из кабинета. За ним злобно захлопнулась тяжелая дверь.

III

Сергея позвали на работу в глянцевого журнала про досуг в Москве — вести книжную рубрику. Редакция журнала располагалась в небольшом особнячке напротив консерватории. Сергей договорился с предыдущим обозревателем, уставшим от работы и потому увольнявшимся, что они встретятся в кафе у консерватории и тот передаст ему дела. Обозревателем оказался молодой человек неформального вида с парой крупных серег в каждом ухе. Он представился как Седрик. Сергей разболтался с чрезвычайно разговорчивым Седриком, и вместо пяти минут они просидели в кафе не один час. Помимо занятий журналистикой, Седрик был еще поэтом и музыкантом и одно время играл в довольно известной реггей-группе. Выяснилось, что у Сергея с ним общее «волосатое» прошлое и даже есть общие знакомые. Сергей вспомнил, как однажды их общий приятель приводил его к Седрику в гости, но того дома не оказалось, и им с другом пришлось выпить принесенный с собой портвейн на лестничной клетке. Интересы у них тоже оказались общие, даже музыку он слушали похожую, «черную», разве что Седрик больше любил реггей, а Сергей — рэп.

Седрик повел Сергея в редакцию. Лучший друг Седрика, дизайнер журнала, приобнял его за плечи и что-то шепнул, яростно сверкая глазами в сторону Сергея. Но Седрик лишь махнул рукой. Главный редактор, похожий на плюшевого мишку, вальяжно развалился в кресле. Сергею он уделил лишь пару минут — мягко

улыбаясь, сообщил, что берет его на работу и в двух словах обрисовал общие задачи. Из сотрудников Сергей только шапочно знал литературного редактора, дылду с маленькой головой и большим задом. Тот считался в журнале большим писателем — с задумчивым, устремленным в потолок взглядом он сидел, откинувшись, на стуле, не обращая ни на кого внимания. Пару раз, когда Сергей проходил мимо, ему показалось, что редактор неодобрительно покосился в его сторону. Сергей попытался завязать знакомство с остальными сотрудниками, но решительно не понимал на какую тему с ними общаться. Все они были сильно младше него, в курилке обсуждали лишь вопросы модной одежды — кто и где приобрел какие ботинки или куртку. Работа оказалась утомительной — надо было обозревать достаточно большой поток книг. Сергей, осознав, что не в силах их читать, решил сам выдумывать названия произведений и их содержание, а потом его же и рецензировать. Он писал, что вышла, скажем, книга «Трое в космосе», в которой рассказывалось о том, что земля погибла и уцелели лишь трое астронавтов, которые отправились в полет на другую планету. Двое из них были мужчинами, в пути они перессорились из-за женщины и убили друг друга. Женщина в расстроенных чувствах покончила с собой. Так что когда корабль прибыл на другую планету, он оказался абсолютно пуст. Но тут выяснялось, что Верховный Правитель успел сделать бэкап Земли, и эта планета — ее абсолютная копия с теми

же людьми, и даже такой же троицей астронавтов. Хэппи-энд. Дальше Сергей писал рецензию, что все изложенное в этой книге — полная мура, но другие еще того хуже, так что все равно читать ее стоит.

Работа продолжалась недолго — вальяжный редактор поссорился с издателем и покинул свое кресло, а вместе с ним из солидарности ушла и вся редакция. Сергей тоже ушел вместе со всеми, но вышло так, что его рубрика по плану сдавалась первой, в начале недели. Единственной из всех рубрик она оказалась готова к печати — он успел сдать ее еще до ухода. Впопыхах набранным новым редакторам было дорого время, издатель не хотел длительного простоя. Поэтому они обратились к Сергею с просьбой опубликовать его рубрику, и он разрешил — ему было не столько жаль, что в противном случае пропадут его тексты, сколько было неудобно перед другими авторами, у которых он заказал статьи. Давая свое согласие на публикацию, он не сообразил, что сотрудники из прежней команды обязательно увидят его рубрику, решат, что он остался работать, и заклеят его штрейкбрехером.

— Ты предатель, — так и сказал ему при случайной встрече плюшевый мишка-редактор, — а предателей в новый проект мы не возьмем.

Но Сергей несколько не расстроился. Главным его приобретением была встреча с предыдущим книжным обозревателем, с которым он подружился. В один из первых дней их знакомства Седрик отвел его в мастерские к своим знакомым — художникам

и музыкантам. У Сергея как пелена спала с глаз. Он был в шоке, увидев этих бесшабашных людей, пьяниц и курильщиков травы, в мастерских которых дым стоял коромыслом, а полы были столь обильно усеяны пустыми бутылками, словно пляж морской галькой. Он не знал, что в стране еще существуют такие люди. Он думал, они остались в далеком доперестроечном прошлом, когда можно было свободно творить, не считая свое время и не прикидывая, сколько оно стоит. Все, кого он встречал после ордеров, назывались разными словами — журналистами, дизайнерами, издателями, промоутерами, но по сути были обычными торгашами, пределом мечтаний которых было купить новую одежду, машину в кредит или квартиру. И Сергей будто прозрел.

Через две недели после закрытия редакции грянул кризис, лопались банки и компании, люди теряли работу и сбережения. Им оставалось только надеяться, что все успокоится, и они смогут найти новую такую же работу и обзавестись новыми—прежними сбережениями. А к Сергею в гости приехали Седрик и тот самый дизайнер из журнала по кличке Хомяк — голова его, как и у литредактора из журнала, была маленькой, но он хотя бы скрывал ее скромный размер под копной густых волос до плеч. Седрик с Хомяком предложили Сергею выпускать вместе с ними свой собственный самиздатский журнал про реальный окружающий мир, а не про выдуманный глянцевый. Свой журнал — это хорошо,

но на издание нужны деньги, пусть небольшие. Где их взять? И Сергей вспомнил про своего знакомого по тусовке на Гоголях, рыжего Жеку. Жека, как говорили, поднялся, вместе со своим партнером Ираклием стал продюсером рок-группы «Акция» — той самой, на концерте которой Сергею сломали нос. Все втроем они отправились в офис к Жеке и Ираклию. Продюсеры встретили их радушно — накрыли стол с колбасой, редиской, огурцами и помидорами, достали из морозильника бутылку водки, разлили лимонад. Покончив с огромным сэндвичем с двумя слоями сервелата, заросший густой черной бородой Ираклий зачем-то обнажил свое жирное пузо, погладил его и довольно изрек:

— Поэт!

Ребята перешли к делу. Жека с Ираклием выслушали их молча, Ираклий лишь с недовольным видом тербил бороду.

Когда Сергей закончил излагать просьбу, Ираклий отрицательно помотал головой:

— Значит так, денег мы вам не дадим. Вы, — он показал коротким сальным пальцем на Седрика с Хомяком, — уходите. А к тебе, — обернулся он к Сергею, — у нас другое предложение.

Когда ребята ушли, Жека поведал Сергею суть их предложения.

— Мы открываем клуб небольшой типа для интеллигентов. Концерты там, выставки, стихи, все дела. Хотим, чтобы кроме бара был еще и книжный

магазин умный. Рецензировать книжки, конечно, не совсем то же, что их продавать, но все-таки. Хотим, чтобы ты директором книжного был.

IV

Сергей согласился скрепя сердце. Не лежала больше у него душа к торговле чем бы то ни было. С другой стороны, он еще раньше понял, что Жека не прав — на самом деле торговать книжками практически то же самое, что их обозревать. Уля жаловалась на безденежное существование, работа была нужна. На полученную зарплату можно будет издавать журнал. Других предложений не возникало, так что пришлось идти в клуб.

Сергей обзвонил знакомые издательства, книжки которых рецензировал, и довольно быстро сформировал небольшой магазин в одной из трех комнат клуба. Теперь в нем засиживались, засыпая с рюмкой водки в одной руке и книжкой в другой, престарелые поэты и юные студенты гуманитарных вузов.

Работа в клубе больше напоминала тусовку. Каждый день проходили концерты, выставки, литературные вечера, после которых все напивались в баре и зависали до утра. Жека уверял, что они с Ираклием стараются сделать что-то приятное для своих, собирают вместе уцелевших представителей старой интеллигенции, но Сергею казалось, что они скорее наживаются на собственных друзьях, чем пекутся об их благе. Директором бара был однокурсник Жеки

Валентин, полноватый молодой человек с коровьими глазами. Про этого Валю Жека шептал:

— Он нам с тобой, Серега, не чета, никаких у него культур–мультир интересов, только деньги. Он крепко стоит на этой земле на всех четырех ногах, так что приглядись к нему и помяни мои слова — далеко пойдет.

К Вале на дачу ездили на шашлыки. Жека воодушевленно стучал по столу, описывая блестящее будущее, которое их ждет, в то время как Валя, мастерски орудуя ножами, разделявал мясо. Ближе к лету Жека отозвал Сергея в сторонку и сказал:

— Мы съезжаем.

— Нужно найти новое помещение, побольше. Это же просто трехкомнатная квартира. Здесь мы не развернемся, много не заработаем. Я ищу что–то посерьезнее. Через месяц откроемся в новом месте.

Сергей сvez книжки к Вале. Вместе грузили их в лифт, перетаскивали в квартиру на 20–м этаже. Книжек оказалось много, Сергей вытирал рукавом пот со лба, потягиваясь, разминал нывшую спину, и снова принимался таскать бесконечные коробки. На перевозку ушел весь день. Тесными рядами коробки забили до самого потолка одну из Валиных комнат.

Шли месяц за месяцем, а Жека не проявлялся. Звонили разъяренные издатели, и Сергею приходилось оправдываться, говорить, что скоро все откроется, и он выплатит им деньги. Но сам он в это не верил. По правде говоря, ему и не хотелось снова работать с Жекой и Ираклием.

Тем временем на собственные деньги они с Седриком и Хомяком выпустили свой журнал. Устроили презентации в нескольких клубах. Седрик пел и читал стихи, выступали другие музыканты. Разговорившись как-то втроем после одной из презентаций, решили делать собственный клуб.

— Только не будем паразитировать на старой культуре, — сказал Седрик, — будем продвигать новую. Этника, африканские мотивы, реггей и даб, диджеи, электронная музыка.

— Новые поэты и новые художники, — сказал Сергей.

— И бухла продавать не будем, — подытожил Хомяк. — Пьянство — это как-то отстойно. Раз этника, то кальяны, пирожные, чай.

V

Помещение для клуба оказалось найти несложно. У редакции одного гуманитарного журнала пустовал подвал, и знакомый редактор согласился отдать его ребятам. Причем без арендной платы — на условиях просто делить прибыль пополам. Сделали ремонт, на потолке роспись в стиле ковра из «Старика Хоттабыча» нарисовал новый участник их коллектива, Рома, знакомый Седрика. Рома обладал выдающейся внешностью — верхней частью лица он напоминал олигофрена, а морщинистой нижней походил на старика. Тело его сплошь было усеяно разноцветными татуировками. Рома подрабатывал

моделью в клубах, а для души рисовал. Жил он в отдаленном районе Братеево, вместе сеще несколькими друзьями из района основал художественное объединение, которое они называли «Братва».

После открытия в клуб потянулась молодежь. Многие среди них были длинноволосыми, только нового пошиба — их волосы сваялись в толстые сальные косички, и себя они называли не хиппи, а растаманы. Одного из них Сергей взял на работу официантом. С предыдущей работы, где он служил поваром, Стас был уволен за то, что уронил вилку в моечную центрифугу и центрифуга сломалась. Стас рассказал Сергею, что он и его друзья — противники капитализма, который называют «белой системой», поскольку его построили белые, а сам они поклонники черной, то есть африканской культуры. Работать Стас не умел, зато часами посвящал Сергея в новые молодежные веяния.

Седрик все время организовывал какие-то музыкальные фестивали, к Роме приходили поболтать многочисленные друзья, так что все текущие дела по клубу легли на плечи Сергея и Хомяка. Народу на мероприятия набивалось достаточно, но сам клуб состоял всего из двух крошечных комнат, одну из которых занимал книжный магазин с вывезенными от Вали книжками. Алкоголь они не продавали, так что никакой прибыли заведение не приносило, и делить с главным редактором было нечего.

Однажды днем в клубе появилась совсем юная девушка, лет пятнадцати на вид, с каштановыми волосами, узкой талией и пышными формами.

— Я ищу Седрика, — сказала она. — Мне нужно взять у него интервью.

Сергей интуитивно почувствовал, что она несет в себе угрозу, которая может разрушить их мирное существование.

— Седрика нет и не будет, — насупившись, про бурчал он.

Но девушку — ее звали Маша — выгнать не удалось. Она осталась ждать Седрика и дождалась. А дождав-шись, казалось, что так и зависла в их клубе навсегда, не покидая его ни днем, ни ночью.

— Маша ушла от родителей и теперь живет вместе со мной, — радостно сообщил как-то Седрик, и Сергей несколько не удивился.

Через пару месяцев, торопясь на последний поезд метро, Сергей заметил во дворе клуба, как двое друзей Ромы, Толя Хоккеист из Братеева и Вася Космонавт, работавший у них директором бара, зажимают с двух сторон Машу и тискают ее. И услышал, как она тихо смеется — как будто вполне этому рада.

«Недолго продлится у них с Седриком», — подумал Сергей. Решил не рассказывать Седрику об увиденном — не его это дело сплетничать, да и ни к чему расстраивать товарища. Скоро и сам все поймет.

Но Седрик так ничего и не понял. Впрочем, и Сергей не ожидал того, что случилось — Маша ушла ни

к кому-нибудь, а к Хомяку. Позвонил взволнованный Хомяк, рассказал, что к нему в квартиру ворвался разгневанный Седрик с ножом и попытался его зарезать. Он отпрянул к стене, выставив вперед руки, Седрик еще помахал ножом в воздухе, потом затих, гнев его отступил, лицо скуксилось, он отвернулся и выбежал за дверь.

На следующий день Седрик приехал к Сергею в Чертаново. Сергей не хотел почему зря волновать беременную Улю, он вышел пообщаться с Седриком во двор. Майское солнце растопило лед в прудах, утки довольно кричали, стряхивая с крыльев хрустальные брызги. Круг за кругом Седрик с Сергеем обходили пруды, а Седрик все не мог выговориться.

— Ты знаешь, — сказал он, — я слышу голос по ночам. Это голос бога. Он говорит со мной, потому что выбрал меня. Советую тебе идти за мной. От меня исходит позитивная энергия. Мы свернем горы. Ты должен сделать выбор и решить, на чьей ты стороне. С кем ты — со мной или Хомяком.

Сергей сказал, что подумает. Но он и так знал, что не хочет выбирать. Хомяк во всяком случае ему ультиматумов не ставит. И никакой вины его здесь нет. Седрик просто не разобрался в Маше. А блестящее будущее кто только не сулил — взять, к примеру, того же Жеку. Так что Сергей остался с Хомяком. Их сторону принял и Рома.

Они решили издать новый номер своего журнала втроем, уже без Седрика. Материалов — картинок,

стихов и рассказиков друзей — хватало с избытком. Рома предложил выпустить в приложение к журналу музыкальную кассету с их собственными песнями.

— Раньше, в советские годы, художники занимались чем-то похожим. Только в то время была актуальна рок-музыка, и они пародировали рок. А сейчас на дворе время рэпа, давайте говорить на его языке.

Сергей написал им троим по тексту песни, намиксовав туда куски из Высоцкого, любимых в детстве блатных песен, пару цитат из творчества Зомби. Маша написала свои слова сама. Знакомый музыкант положил эти тексты на музыку. Кассета стала расходиться, вначале по знакомым, а потом оказалось, что ее слушает довольно много разного народа. Кому-то не нравилось ничего, кому-то всего одна песня, но все равно это был успех. Музыкант рассказал, что есть один продюсер, который может выпустить на студии полноценный альбом, только его надо будет увеличить до восьми треков.

В клубе появилась неразлучная парочка бритоголовых друзей Ромы из художественной группы «Братва». Они все время что-то советовали Роме, и Хомяк с Сергеем считали, что он не совсем полноценно участвует в их деятельности, а скорее пляшет под дудку своих друзей. Друзей этих они называли Злыднями.

Злыдни в один голос похвалили их музыкальный проект, только сказали, что его надо улучшить — убрать из текстов матерщину и барковщину, обильно натканную туда Сергеем. Тогда их, несомненно,

ждет замечательное будущее. «Кто только за последнее время не обещает это будущее, — подумал Сергей, — никто почему-то не думает о настоящем». Будущее Злыдней, правда, виделось им исключительно в коммерческих категориях — что роднило их, скорее, с Жекой, чем с Седриком, которому оно представлялось духовной материей, нисходящей с небес.

Сергей проявил упрямство. Сказал, что не желает ничего улучшать. И вообще видит этот проект больше художественным, нежели музыкальным. Хомяк его поддержал. Так ребята потеряли еще одного участника коллектива — Рома чертыхнулся и ушел из подвала наверх вместе со Злыднями.

Главный редактор журнала, в помещении которого размещался клуб, тоже поднялся наверх — только в переносном смысле. Он перешел на работу в администрацию президента. То ли его расстраивало, что клуб не приносит прибыли, то ли он решил зачистить тылы, а место, где собираются странные неформалы, которые не пьют водку, а потому по стандартной логике явно напоминают наркоманов, надежным тылом ему не казалось. Вот в одночасье их с Хомяком и выгнали из клуба. На этот раз Сергею окончательно надоело возиться с книжками, и он раздал их обратно издательствам.

Хомяк жил с мамой в большой коммуналке. В ней отродясь не было ванны, и с детства Хомяк привык ходить по выходным в баню. Дом стоял в полуразрушенном виде, остальные соседи уже

съехали, и в комнатах необъятной квартиры поселились неприкаянные друзья Хомяка — художники и музыканты. Непонятно, как его мама еще держалась в подобной обстановке. Однажды, когда Сергей зашел к ним в гости, она позвала его есть суп, выключила огонь под кастрюлей, сняла ее с плиты, и с ужасным криком отшатнулась от стола. Сергей заглянул в кастрюлю. В гуще жирной воды варилась непонятно как заскочившая туда крыса. После этого инцидента мама тоже переехала в новый дом, а Хомяк остался жить с друзьями, окончательно превратив квартиру в подобие творческой коммуны.

В один из дней, когда Сергей зависал у Седрика, его сосед художник сказал, что в муниципальной галерее готовится большая выставка современного искусства, и он среди заявленных авторов видел имена Хомяка и Сергея.

— Как это? — хором удивились они и отправились на монтаж, разузнать, что к чему. Выяснилось, что никакой ошибки нет. Куратор, круглолицый очкастый искусствовед средних лет по фамилии Еремеев, оказался весьма живым и деятельным персонажем. Словно старый крот он глубоко рыл вокруг. Вот и, бродя по книжным лавочкам, самостоятельно нарыл их журнал, посчитал его за искусство и решил выставить отдельные полосы. Увидев Сергея с Хомяком, он обрадовался и предложил им дополнить выставку еще какими-нибудь объектами. Они придумали мифологическую историю своего коллектива,

в которой представляли супергероями из комикса, и к открытию принесли свои атрибуты — парашют Хомяка, часовую бомбу Сергея, бороду Ромы, когда-то купленную им в «Детском мире» для одного из их клубных мероприятий. Куратор Еремеев выделил им общий павильончик — Роме, с которым он самостоятельно встретился еще до того, боковую стенку, а им две остальных. Только вот беда, что Рома ревниво воспринял соседство. Он совсем не хотел общаться с бывшими товарищами. Молча подошел к стенке с объектами, сорвал бороду и повернулся спиной к ребятам. Развешивать объекты помогали Маша и Уля. Они подняли чудовищный крик, призывая Сергея проучить хулигана. Сергей разволновался — Уля была на сносях.

Он подошел к Роме. Тот ехидно улыбался.

— Верни бороду, — сказал Сергей.

— Вот еще, она моя, — отрезал Рома.

Маша орала над ухом, что срывать объекты искусства — полный беспредел.

— Не вернешь — получишь по морде, — процедил Сергей.

Рома продолжал ухмыляться. Сергей ударил его по лицу и разбил ему губу. Маша с Улей продолжали безостановочно кричать.

— Ну что ты трусишь, пойдём на улицу разбираться, — вызывал Рому на бой Сергей. Тот прыгал вокруг и плевался в него кровью. Она стекала по оранжевой рубашке Сергея, придавая ей яркий

пылающий оттенок. На шум сбежались остальные участники выставки и куратор. Один из Злыдней вопил:

— Я сделаю так, что ноги вашей больше в искусстве не будет!

Но Еремеев, кажется, остался доволен — склонный к скандалам, он посчитал их драку еще одним перформансом, которых немало повидал на своем веку. А с Ромой их отношения закончились навсегда.

VI

С легкой руки Еремеева Сергей, Хомяк и примкнувшая к ним поначалу Маша — довольно скоро она уплыла от Хомяка к следующему в ее жизни мужчине — стали художниками. Маша шила куклы, изображающие Хомяка, Сергея и ее саму, Хомяк с Сергеем делали комиксы и плакаты. Сергей придумывал сюжеты, Хомяк дизайнерил все это на компьютере. Потом место Маши в их коллективе занял импозантный Фил — человек с обаятельной улыбкой Брюса Уиллиса и чересчур большой головой имбецила. Фил был профессиональным художником, но у него имелись два минуса — он был крайне ленив и постоянно пьян. Он находился на содержании любящей жены-архитектора и напоминал довольного сытого кота.

К первой персональной выставке они сотворили большой фотокомикс про день жизни московского тинейджера. Этот тинейджер в поиске наркотиков

знакомится с футбольными хулиганами, которые его избивают, и девушками легкого поведения, которых привозит к себе домой. Все обещают ему наркоту, но он так и остается ни с чем. Однако, когда он наконец приходит в себя, то оказывается, что все случившиеся с ним приключения ему привиделись — весь день он провел дома, обдолбавшись наркотиками, которые и так имелись у него в обилии. Выставка не продержалась и пары дней — бабушки-смотрительницы написали гневное письмо директору муниципальной галереи, резонно жалуясь на то, что в ее стенах рекламируют порнографию, насилие и наркотики. Зал закрыли, а организатора Еремеева чуть было не выгнали с работы. Так что история с выставками с самого начала как-то не задалась.

В следующий раз они решили делать работу на тему альтернативной истории — Сергей всегда любил фантастику. Придумали комикс про то, как китайцы захватили Москву, маршируют по Красной площади, вторглись в Кремль и казнили чиновников, и теперь по телевизору крутят по кругу «Лебединое озеро», только в исполнении китайских балерин. Работа была призвана отразить существующие в обществе массовые страхи о возможном вторжении «чужих» — неважно, кого именно, инопланетян или иноземцев, без знаков плюс или минус, просто показать, что подобные опасения существуют, не принимая ту или иную сторону. Но и тут возникли сложности. Еремеев намеревался выставить эту картину за границей

в составе большой экспозиции. Но ответственные чиновники чего-то испугались, разглядели на работе нечто «неположенное» и запретили ее к вывозу.

Между собой ребята постоянно вели философские споры — в чем смысл их искусства, что они хотят им сказать? Сергей считал, что их цель — это свобода, свобода внешняя и внутренняя, свобода от внутренних предрассудков и внешних запретов, свобода от табуированных зон и давящих материальных ценностей. Но это не свобода вседозволенности, а свобода, выстроенная в соответствии со своим внутренним «я». Для того, чтобы его понять, почувствовать, надо отпустить сдерживающие его узды, отправиться в свободное плавание по стихии сознания, изначально безусловно чистого, но замусоренного спроецированными на него изъянами и недостатками окружающего миропорядка. Погоня за чистотой этого «я» — так Сергей определял свободу.

Еще Сергей считал важным совместное творчество — коллектив, где отсутствовали начальники, становился площадкой для творческих экспериментов, работа в нем могла послужить путем к преодолению собственного эго и отказу от личных амбиций.

Самому ему казалась удивительной ситуация в современном искусстве. Он помнил по прочитанному в юности книжкам, что раньше в искусстве существовали направления и движения, художники вели ожесточенные споры, дело порой доходило до драк из-за идейных разногласий. Но сейчас все поглотила

какая-то мутная тишина. Художники собирались на чужие вернисажи с целью попить халявного вина. Споры если и велись, то исключительно о том, у кого какая картина дороже. Всех интересовал лишь один результат — продались ли работы, и если да, то за сколько. Цена — вот мерило успеха. Поэтому после некоторых раздумий Сергей предложил ребятам делать простые социальные работы, бичующие язвы современного общества. Они придумали серию плакатов, на которых изображались насилие в армии, коррупция в милиции, проституция и нищета. Но и эти работы были изъяты из выставки, которая проводилась на территории государственного музея. Не успели Сергей с Хомяком и Филом их повесить, как проходившая мимо них бесформенная блондинка средних лет, оказавшаяся директором музея, возмутилась и велела их снять. Но Еремеев и тут не унывал — он сказал, что включит плакаты в организованную им на территории какого-то правозащитного центра экспозицию запрещенных в разное время работ.

Придя в этот центр, Сергей с удивлением обнаружил, что только их плакаты касались социальных проблем — все остальные произведения затрагивали религиозную тему. Среди них Сергею запомнилось изображение иконы, только вместо священных лиц или событий в окладе красовалась икра. Откуда-то из советских времен всплыли и такие работы как изображение распятия, на котором лик

Спасителя заменял орден Ленина. В первый же день после открытия на выставке появились возмущенные представители религиозной общественности. Они подали на организаторов в суд. Так Еремеев стал обвиняемым, а Сергей — одним из свидетелей защиты. Поначалу Сергей чувствовал себя несколько не в своей тарелке — он привык с уважением относиться к религии еще со времен своей хипповской юности и бродяжничества по монастырям. Но большинство авторов работ были людьми его круга общения, личные связи оказались сильнее взглядов, и Сергей пришел к выводу, что друзей надо поддерживать. Ходя на заседания суда, Сергей придумал новый проект — записывать на диктофон голоса свидетелей с разных сторон, а потом выставить в галерее множество наушников с полифонией их речей. Работая над проектом, Сергей решил взять интервью у одного из лидеров религиозников по фамилии Степанов. Сергей приехал к нему в школу, где тот занимался с детьми рукопашным боем. Перед началом тренировки дети помолились, потом сложили свои крестики в подсобке у Степанова и отправились бить друг друга морды. Кучерявый темноглазый Степанов, чуть прихрамывающий на одну ногу, понравился Сергею. Он оказался аскетом — зимой ходил в одной рубашке и спал на балконе, детей тренировал бесплатно. Сергей подумал, что своя правда, наверное, есть на каждой стороне — и у художников, и у верующих. А государство — это такой хозяин, который

как бойцовского пса сдерживает каждую из сторон, не давая ей перепрыгнуть через барьер. Но в этот раз государство, похоже, приняло сторону Степанова и его соратников — Еремеев был осужден, приговорен к серьезному штрафу и изгнан с работы.

Более удачно пошли дела за границей. Французы, на выставку к которым не пустили работу про китайцев, в качестве компенсации пригласили самих ребят. На вернисаже знакомый художник Гриша представил их своим парижским галеристкам. Галеристками оказались три особы женского пола — бабушка Кристин лет семидесяти, дочка Жозефин лет сорока пяти и внучка Фифи лет десяти. Бойкие бабушка с дочкой прониклись творчеством Сергея с товарищами, предложили им задержаться и сделать выставку в их галерее. Ребята поселились в крохотной квартире Жозефин на узкой улице Старого Замка в квартале Маре, прямо напротив входа в галерею. Фифи переехала из своей детской комнаты в спальню к маме, а ребята разместились в ее комнате втроем на матрасе. Днем в этой же детской они работали над своим проектом, а по вечерам ужинали и пили вино в спальне Жозефин, на это время превращавшейся в гостиную. Жозефин включала громкую американскую музыку, однажды она залезла на стол и начала танцевать рок-н-ролл, скидывая с себя одежду. Сергей, случайно обронив взгляд в окно, увидел, что на противоположной стороне улицы столпились прохожие, привлеченные любопытным зрелищем

и грохотом музыки. Кто-то из них хлопал в ладоши и пританцовывал в такт.

В соседних квартирах жили геи, интеллектуалы-евреи и прочие представители богемной буржуазии. Галеристки гордились своим престижным соседством, в беседах постоянно подчеркивая преимущество своего квартала над остальными. Квартал, и правда, находился недалеко от основных городских достопримечательностей. Сергей полюбил гулять по парижским улицам, вглядываясь в мелкие детали, завитушки на домах, которые везде были разными. Шел вниз мимо музея Истории Франции, заворачивал на улицу Роз к евреям, покупал у них питу с фалафелем, пересекал улицу бутиков Риволи, затем улицу Городской Ратуши, по трехпролетному мосту Луи-Филиппа переходил Сену и ступал на остров Святого Людовика, когда-то населенный аристократами, и в одном из отелей которого Бодлер, Готье, Нерваль и Дюма основали «Клуб любителей гашиша». Затем по современному мосту Святого Людовика переходил на остров Сите, обходил сзади вытянувшийся гусеницей Собор Парижской Богоматери, по увешанному замками любви узенькому мосту Архиепископа перемещался на левый берег Сены в улицы Латинского квартала, пересекал бульвар Святого Германа, недалеко от которого жили когда-то беспутные американские битники Берроуз, Корсо и Гинзберг, забирал направо по улице Школы, брал еще выше, пересекая улицу Святого

Якова и бульвар Святого Михаила, оставлял позади помпезную усыпальницу Пантеон, где вольнодумцы Вольтер и Руссо покоятся вместе с сановниками и генералами, и входил в Люксембургский сад. Здесь в одном из открытых кафе можно было взять горячего глинтвейна, после чего сидеть на стульчике у фонтана или валяться на скамейке под платанами, смотря на тонкие лоскуты неба, вновь и вновь нарезаемые перочинными ножиками колышущихся на ветру листьев.

Иногда в квартире Жозефин появлялся Гриша. Он старался казаться истинным парижанином — носил белую рубашку в клетку, жилет и бордовый платок. Отец бросил Гришу, когда ему был всего один год. Мать умерла, когда исполнилось двенадцать. Осиротевшего племянника усыновил дядя, он определил Гришу в художественный интернат. Однажды Гриша услышал, как одна воспитательница говорит другой про него:

— И что он здесь делает, в интернате для сирот, когда у него отец-богач во Франции?

Так у Гриши появилась мечта — поехать во Францию и разыскать отца. Из интерната его вскорости выгнали. В восемнадцать лет он оформил фиктивный брак с тусовавшей в Москве француженкой, которая была старше его на десять лет, и уехал в Париж. Ему удалось узнать, что его отец — грузин по происхождению, стал во Франции известным ювелиром, работает над алтарями крупнейших соборов

и делает украшения, диадемы и шпаги для уцелевших представителей аристократических семей. Отец был обладателем нескольких замков и домов, так что не составляло большого труда выведать его адрес, и однажды Гриша заявился в его мастерскую. Отец удивился появлению нежданного сына, но был вынужден его признать — отрицать родство не представлялось возможным, они были похожи как две капли воды. Отец взял его в ученики, Гриша стал делать успехи и быстро продвинулся в мастерстве ювелира. Но, по рассказам Гриши, жена отца, происходившая из известного театрального французско-еврейского семейства, приревновала его, первенца, к своим собственным детям и постаралась рассорить его с отцом. Гриша был изгнан из дома, и последующие десять лет провел на улице, перебиваясь случайными заработками. Он делал латексные маски и относил их в секс-шопы на продажу. Однажды в секс-шоп зашел выдающийся французский кинорежиссер и приобрел три маски, созданные Гришей, для своего фильма — в одной из сцен в этих масках бандиты ограбили банк. В титрах, разумеется, не было указано имя никому не известного Гриши. Тот подал в суд на режиссера и неожиданно его выиграл — режиссер уплатил ему немалую сумму денег, но, главное, про процесс и соответственно Гришу написали ведущие французские газеты. Гриша прославился на зависть всему комьюнити русских переселенцев и стал делать карьеру дизайнера, но потом

что-то в нем сломалось, и он вернулся в Россию, чтобы заняться чистым искусством. Карьера художника ему удалась, он ездил с выставками по миру, однако они не приносили ему радости. Главной мечтой его по-прежнему оставалось обрести отца, он страстно желал, чтобы отец его признал, воспринял как равного, Гриша слал ему приглашения на все свои выставки, но отец ни разу не появился и даже не отвечал на его письма.

Гриша водил ребят по своим любимым кафе, заказывал устрицы и белое вино. Он уверял, что в Париже у него полно знакомых, однажды позвал в гости к своей подруге, в квартире которой остановился. Сергей, Хомяк и Фил пришли вместе с Лаурой, пятидесятилетней коллекционершей русского искусства. Открыла дверь хозяйка, оказавшаяся русской женщиной среднего возраста, почему-то с подбитым глазом. Стыдливо отводя в сторону глаза — подбитый и второй, не пострадавший, — она объяснила, что играла со своими малолетними детьми и дети случайно заехали ей по физиономии.

Расселись за стол, накрытый салатами, селедкой, пельменями и вином. За столом присутствовала еще подруга хозяйки, женщина лет сорока пяти на вид, из Питера. Она осушила пару бокалов вина, сразу же опьянела и стала мучить Гришу вопросами — почему, дескать, он в своем творчестве так педалирует фаллическую тему, вот на последней выставке он создал кинетическую инсталляцию из манекена

с прикрепленным к нему фаллоимитатором и холодильника с проделанной в стене дыркой, теперь этот манекен буравит дырку.

— Может, тебя так привлекает эта тема, потому что у тебя самого промеж ног ничего нет? — спросила подруга.

— Конечно, есть! — отвечал Гриша, чья полукавказская гордость явно была уязвлена.

— А если есть, так покажи! — продолжала подруга. — Или тебе и показать — то нечего?

Гриша молчал, не зная, как ответить. Парижской галантности нечего было противопоставить холодному питерскому напору.

— Давай, давай, доставай свою колбасятину! — упорствовала подруга.

Сергей решил придти на помощь к товарищу.

— Ну чего ты к нему пристаешь, — сказал он. — Сама первой покажи свои буфераки.

Женщина ничтоже сумняшеся задрала кофточку и выкатила на стол довольно внушительные шары.

Наступила тягостная пауза. Все в ожидании контр-удара смотрели на Гришу. Тишину нарушил грохот резко отворившейся двери и из спальни выскочил грозно сверкающий глазами пакистанец в пижаме и с большим кухонным ножом в руках. При взгляде на пакистанца в голове Сергея промелькнула мгновенная догадка — вот она, истинная причина фингала под глазом у хозяйки. Но теперь как бы ни досталось им самим. Они разбудили спящего зверя, то есть мужа,

и нужно было спастись бегством. В этот момент Сергей обнаружил, что остался за столом в одиночестве — Седрик, Фил, обладательница фингала, ее питерская подруга, Гриша и даже пятидесятилетняя француженка Лаура, все они спрятались под столом. Пакистанец надвигался, Сергей вскочил со стула, попятился и пустился наутек. Сбегая по лестнице, он слышал за собой топот ног пакистанца. Сергей неся вперед по брусчатой мостовой, но пакистанец не отставал, грохот приближался, гулким эхом разносясь вокруг, Сергею мерещился нож, занесенный над его ухом, еще секунда — и этот Джек Потрошитель перережет ему горло... Сергей совсем выбился из сил, но вдруг грохот стих. Сергей остановился, обернулся назад — оказалось, за ним бежал вовсе не пакистанец с ножом, а Гриша с вещами, теперь он стоял позади, тяжело дыша и держась за живот.

После этого случая Гриша переселился к ним в квартиру, он разместился на узком канapé в коридоре, ноги его не помещались и свешивались вниз, спать ему было неудобно, так что через пару часов беспокойного сна он вскакивал и вторгался в комнату ребят, принимался их будить, заставлял среди ночи пить вино и вести разговоры про искусство.

Вернисаж по поводу открытия их выставки прошел на славу — галеристки не поскупились на вино и тарелочки. К ночи Лаура предложила продолжить банкет у нее дома — она владела залой, винным погребом и садом на месте бывшего замка тамплиеров. Выходя

из галереи, Сергей в дверях столкнулся с запоздавшими посетителями — мужиком средних лет с испещренным ссадинами лицом и его молодым другом андрогинного вида. Мужик отрекомендовался Алексом, ценителем искусства из Казахстана, а не говорившего по-русски друга представил как Билли. Сергей, на которого нахлынула пьяная доброта, пригласил их на вечеринку к Лауре. При комнатном свете андрогин оказался девушкой с торчавшим из шеи осколком стекла. По словам Алекса, они с Билли, протестуя против коммерциализации искусства, разгромили одну известную парижскую галерею, и в шею Билли воткнулся кусок витрины. К врачу они идти не спешили.

Утром Сергей проснулся оттого, что кто-то звал его по имени из-под окна. Оказалось, это нагрянули Алекс и Билли с неизменным стеклом в шее. Сергей с ребятами спустились вниз, пошли в магазин за вином. Алекс своровал пять бутылок, попутно объясняя, что таким же образом он приобрел и свой дорогой вельветовый костюм салатного цвета. Он поведал, что вообще в Париже можно жить припеваючи — особенно хорошо удастся тырить продукты в экологических магазинах, где работают очкастые студенты-хиппи, которые поглощены чтением книг и не обращают никакого внимания на посетителей. Вернулись домой. Алекс оживленно рассказывал о своем европейском существовании, попутно показывая их с Билли книжки

стихов с рисунками. Постепенно до Сергея дошло, что Алекс вовсе не любитель искусства из Казахстана — то есть, возможно, он там родился и жил в пору далекой молодости, — а известный своим эпатажным поведением московский художник и поэт, после ряда выходов сбежавший из России. С его творчеством Сергей был знаком мало, помнил лишь, что он мастурбировал на вышке бывшего бассейна «Москва» и зачем-то прибывал свои гениталии степлером к чужим картинам.

Алекс рассказал, что долго жил в Берлине, но поссорился там со своим издателем. Пришел на устроенное им поэтическое представление, звучащие там стихи ему не понравились, тогда Алекс взобрался на сцену, выхватил у выступавшего поэта микрофон и откусил его. После чего снял штаны, наложил кучу и стал кидаться в посетителей фекалиями.

— Понимаете, все думают, что это у меня такой перформанс — испражняться на сцене. Но скажу вам честно, у меня просто болезнь желудка, и это происходит непроизвольно, — рассказывал Алекс.

Издатель вызвал полицию, и Алексу пришлось бежать из Германии. Он переместился в Лондон, где ему не понравилась какая-то выставка, тогда он стал срывать со стены картины и топтать их ногами. На выставке присутствовали славящиеся своим ухарством английские футбольные хулиганы, они набросились на Алекса. Самый здоровущий из них массивным перстнем раскроил Алексу лицо — след

от перстня до сих пор красовался на щеке Алекса. Но англичане не рассчитали, что Алексу только того и надо — боль лишь распаляла и заводила его. Он на миг отключился, потом вскочил на ноги, схватил оставшиеся от вернисажа пустые бутылки, расколол их об стену и с розочками в руках ринулся на хулиганов. Билли залезла на подоконник и, в подмогу Алексу, прыгнула на них сверху с чудовищным ревом. Англичане были повержены и обратились в бегство, но Алексу с Билли пришлось покинуть Лондон.

Сергей подумал, что, судя по уже произошедшему, они и в Париже долго не продержатся, но вслух этого не сказал. Описывая эти события, Алекс все больше заводился, беседа принимала неприятный оборот.

— Ты, я смотрю, тоже здоровый, — говорил он Сергею, окидывая его воспаленным взглядом, — интересно с тобой помахаться, кто кого.

— Да не, зачем драться, мы же не ссоримся, поводов к конфликту у нас никаких нет, давай лучше еще поговорим, — Сергей старался обволакивать его своим спокойствием, но с каждым разом это становилось все труднее.

Собеседником Алекс был интересным — с рассказов о себе он легко переключался на обсуждение философии француза Фуко или итальянца Боннано, — но чересчур нервным и потому опасным. Под предлогом желания прогуляться Сергею удалось вывести его из дома. Когда на следующий день Алекс позвонил, предлагая вновь встретиться, сходить в магазин

за вином и приготовить рыбу, Сергей под благовидным предлогом отказался.

Из Парижа Сергей слетал ненадолго в Лондон — небольшой английский театр решил показать на фестивале его проект про суд, только теперь голоса свидетелей доносились не из наушников, а их озвучивали актеры. Из России кроме Сергея присутствовал еще один человек, молодой драматург–сибиряк. Общие знакомые предупреждали Сергея, что не стоит с ним тусоваться, поскольку он «не человек, а животное». Но Сергей не очень-то понял, что значит «не человек, а животное», поэтому их советом пренебрег.

После показа проекта он надумал задержаться еще на несколько дней, уже за свой счет. Хрупкая английская переводчица с черными как чай волосами, белой кожей как сахар и глазами лимонного цвета предложила проводить его в новую гостиницу, подешевле. Когда они уже собрались выходить из театра, к Сергею подвалил сибиряк Пахом.

— Давай лучше я тебя провожу, — сказал он и, весело подмигнув, раскрыл сумку. В ней виднелись шесть бутылок виски, прижавшиеся друг к другу как новорожденные котятка.

Выбор между тем, чтобы остаться наедине с переводчицей или выпивать с Пахомом, был нелегким. Но от Пахома отвязаться было невозможно, так что и выбирать не пришлось. По пути к гостинице он поведал, зачем ему нужен Сергей.

— Ты же по-английски кое-как шпаришь. А я вообще не бум-бум. Помоги мне шлюху снять. Век не забуду.

По словам Пахома все дни фестиваля он пытался соблазнить гостиничную горничную. В час ее прихода в номер лежал голый на кровати, свесив ноги и выставив напоказ свое имущество. Но она не обращала на него никакого внимания. Еще флиртовал с шестидесятилетней организаторшей фестиваля. Тоже безуспешно. Изъяснялся сибиряк по большей части матом, в обычные слова буквы складывал с трудом. Так что Сергей недоумевал, как он вообще может быть драматургом. Про себя Пахом рассказал, что вырос в маленьком захолустном городке, раскинувшемся вокруг химического завода. Мама его птичница. Старший брат — чемпион района по кикбоксингу. Вместе с другом брат пытался ограбить продуктовый магазин. Полезли через забор с колючей проволокой. Но в проволоке был проведен электрический ток. Друга брата ударило током, он повис на проволоке и спалил обе руки — они обуглились в момент. После того, как друга выписали из больницы, и брат вместе с ним гулял по городу, какой-то алкаш стал дразнить безрукого инвалида. Тогда брат забил задиру-алкаша до смерти. Так что сейчас он сидит за убийство.

За рассказами Пахома выпили пару бутылок виски. Зашли в обувной магазин, купили Сергею новые ботинки. Теперь на завязанных в узелок шнурках они

висели у него на плече. Выпили еще. Завернули в Сохо. Что было дальше, сложно сказать — с этого места в памяти Сергея начались провалы. Сергей помнил, что они спускались в какой-то подвал и танцевали на столе с моряками. Потом провал. Потом помнил, как они стоят на площади под фонарем, а под соседним фонарем виднеется стайка щебечущих девиц, Пахом отсчитывает ему деньги и отправляет к ним. Но ноги несут Сергея под другой фонарь, где двое сверкающих гуталиновой кожей растаманов смолят длинный косяк. Сергей дает деньги им, и они выдают ему пакетик с травой.

— Что это? — изумленно спрашивает Пахом. — Петрушка какая-то? Я у нас в Малде только клей нюхал.

Потом Сергей помогает ему скрутить папиросу, и Пахом закуривает. Эффект оказывается совершенно неожиданным для Сергея. Брюки Пахома, как в поэме Евтушенко, «встают шалашом», и он начинает плотоядно коситься на самого Сергея. Видя, что события принимают опасный для него поворот, Сергей хватает Пахома за руку и подводит его к двум девушкам — европейке и чернокожей. Пахом достает из кармана кошелек, вынимает из него несколько купюр и протягивает их почему-то не девушкам, а стоящему рядом с ними африканцу сутенеру. Второй сутенер, белый словно кокаиновый порошок, выхватывает у Пахома кошелек. Девушки смеются. Смех больно хлещет Сергея по ушам. Смех колыхается

в воздухе. Воздух колыхается в небе. Небо смеется и пляшет над Сохо. Ноги подкашиваются. Сергей видит, как первый сутенер черным ньюфаундлендом пускается во тьму, белым пуделем напарник летит за ним вслед. Дальше провал.

Сергей очнулся на рассвете на скамейке по пояс голый. Купленные ботинки исчезли. Карманы штанов были вывернуты наизнанку, по ним шарила пара чернокожих ребятишек. В голове сверлило так, будто внутри поселилась бамбуковая крыса и грызет мозги. Сергей шуганул ребятишек и отправился в театр на поиски Пахома. Нашел его в баре. Неунывающий Пахом рассказал, что помчался за сутенерами, нагнал их, белого схватил за ноги и бил головой об асфальт, а черному выбил зубы. Отобрал кошелек. Каким-то образом, несмотря на незнание английского, ухитрился поймать такси и приехал в театр. В доказательство своих подвигов Пахом предъявил кровоточущую правую руку. Всем подходившим поздороваться антрепренерам, режиссерам и актерам Пахом по сто раз излагал эту историю. К удивлению Сергея, из театра его не выперли, и авторитет Пахома только укрепился. Про него написали в газете заметку — в стиле как необузданно дикий самородок-сибиряк проучил лондонских негодяев. Театральные акции Пахома поползли вверх, после окончания фестиваля с ним подписали контракт на постановку полноценного спектакля и оставили в театре. Прославивший же

интеллигентным московским размазней-мямликом Сергей вернулся в Париж.

Парижское существование могло бы стать довольно приятным, если бы не мучительные ужины с предполагаемыми коллекционерами их творчества, на которых галеристки заставляли ребят присутствовать. Каждый вечер появлялся очередной нувориш и, уплетая под красное сухое фуа-гра с ломтиком багета, листья салата с винным соусом, маринованный ростбиф из телятины, кусочек сладковатого твердого сыра конте, орехового сыра канталь или камамбера, отдающего привкусом сахарного тростника, пускался в долгие разглагольствования о себе хорошем, которые было принято слушать, не прерывая, чуть улыбаясь и кивая головой. Так один из посетителей, худощавый молодой человек в элегантном костюме, битый час рассказывал о том, как побывал в каком-то дорогом ресторане, где съел шоколадное яйцо с начинкой из фруктов, поданное в футляре из чистого золота, и выпил бутылку вина за 999 евро. Другой посетитель, круглолицый господин с сильно выпирающим животом и волосами до плеч, рассказывал о том, что приобрел квартиру на кругосветном корабле с великолепным рестораном и прислугой. На этом корабле всего двести квартир, живут богатейшие люди, в основном отошедшие от дел пожилые бизнесмены, но есть и те, кто вылетает с верхней палубы на randevу на личных вертолетах, а потом возвращается на ночлег. Каждый год корабль меняет маршруты — в этом

году плывет в одну сторону, а в следующем в противоположную. Сергей осмелился вступить в беседу:

— Не скучно ли плавать по одним и тем же городам? — спросил он. — Ведь количество маршрутов на планете Земля ограничено.

— Нет, что вы, — улыбнулся его непониманию коллекционер, — если мы, скажем, приплыли сейчас во Владивосток, а через десять лет окажемся снова в нем же, то это будет совсем другой город, который невозможно узнать. В нашем мире все так быстро меняется!

Сергей не удержался и задал следующий вопрос:

— Вот вы говорите, что на вашем корабле оборудованы все удобства — есть ресторан, палуба для вертолетов, прислуга. Но если среди обитателей присутствует так много пенсионеров, предусмотрено ли для них кладбище?

Жозефин бросила на него гневный взгляд. Коллекционер повернулся к Кристин и продолжил беседу с ней.

Как редкостную удачу галеристки преподнесли появление еще одного бизнесмена, который ничего из творчества ребят покупать не захотел, но сделал им заказ — изобразить в комиксе его самого, его жену и четырех его сыновей — старший из которых, как водится в классической еврейской семье, хорошо играл на скрипке, второй был победителем юношеского чемпионата по шахматам, третий — вундеркиндом по всем естественным наукам, а четвертый

по малолетству пока ничего делать не умел, но во всем подавал большие надежды. Ребята, посоветовавшись, исполнять заказ отказались. Это вконец испортило их отношения с Кристин и Жозефин, впрочем, им и самим обрыдли бесконечные ужины с коллекционерами, так что они засобирались в Москву.

Сергей решил, что независимого искреннего искусства в коммерческих галереях быть не может. Вернувшись в Россию, он с товарищами стал больше действовать в интернете — снимать клипы на свои песни и там их выкладывать.

VII

Дальний родственник Ули, сын известного поэта, сошел с ума. Ему почудилось, что сосед по дому хочет его отравить. Тогда он решил нанести удар первым и пошел войной на соседа. Ночью выставил под дверь его квартиры магнитофон с записанными на кассету матерными ругательствами. Двое детей соседа проснулись от чудовищной ругани и заревели во весь голос. Сосед, мирно спавший в постели с женой, вооружился отцовской шашкой, выскочил в холл, порубил магнитофон и попытался ворваться в квартиру к Улиному родственнику, чтобы действительно его убить. После этого мать несчастного родственника придумала хитрую комбинацию — он был переселен в пустовавшую квартиру родственников Сергея, а Сергей с Улей переехали в квартиру безумца. Сергей резонно предполагал, что вряд ли переезд

способен поправить душевное здоровье родственника, и его опасения оправдались. Через пару недель после обмена родственник позвонил Сергею и пожаловался, что и на новом месте соседи хотят его смерти и травят газом через вентиляционную решетку. Сергей поинтересовался, каковы симптомы отравления. Родственник помялся–пожался и выложил:

— У меня исчез детородный орган.

— А раньше он был? — спросил Сергей.

— Раньше все было в порядке, — сказал родственник.

Он сообщил, что собирается разобраться с соседями собственными силами. Соседи здесь были куда опаснее прежних — торговцы с рынка родом с Кавказа. Так что Сергей посоветовал родственнику идти не к ним, а к терапевту, и рассказать о своей потере. Он надеялся, что когда терапевт услышит такую историю, то переправит пациента совсем к другим врачам. Видимо, так и случилось — звонить родственник перестал.

Жить в этом отдаленном спальном районе Сергею понравилось. Со всех сторон он был окружен лесами, и Сергей подолгу гулял по этим лесам. В лесу справа собирались язычники–родолюбы. Гулявший с собакой местный житель поведал Сергею, что они устраивают ночные оргии — разжигают кострища, голыми водят вокруг них хороводы с песнями, а потом совокупаются. Ночами Сергей по лесам не шастал, так что оргий он не видел, обнаружил лишь оставшиеся от языческих празднеств обугленные тотемные

столбы идолов. Этот же лес облюбовала для молений община бородатых сикхов в чалмах. Неподалеку находился вещевого рынок, где они торговали рубашками и джинсами, а по утрам перед работой уединялись в лесу. Лес снизу от дома избрала для своих тренировок группировка славяно-горницких бойцов. Гуляя по тропкам, Сергей натыкался на русобородых мужиков в косоворотках, нещадно колотивших палками по деревьям. Мужики недружелюбно косились в его сторону, да и палки у них были изрядного размера, так что Сергей старался обходить их стороной. Как-то зимой в лесу слева Сергей столкнулся с вереницей немолодых обнаженных мужчин и женщин, бежавших босыми ступнями по снежной дорожке, а после один за другим нырявших в прорубь. То были «ивановцы» — последователи старца Порфирия Иванова. В лесу сверху собирались и вовсе какие-то упыри с бледными лицами. Местом их сбора был родник, вокруг которого они гужевались целыми днями с пластиковыми бутылками и стаканчиками.

— А что, водичка-то хорошая? — спросил Сергей у одной старушенции.

— Целебная, батюшко, целебная! — протяжно завывала она трясушимися губами.

И все остальные закивали, замахали согласно головами, тряся брылами и закатывая глаза. Сергей решил, что стык города и леса, мегаполиса и окраин порождает какую-то новую человеческую породу, форменных маргиналов-мутантов.

Жизнь текла спокойно, если не считать одного инцидента, произошедшего вскоре после переезда. Хомяк помог перевезти Сергею его чугунную двухпудовую гирию. В квартиру они затащить ее забыли, так что она красовалась в холле у дверей квартиры. Однажды Сергей заметил ее исчезновение, но не придал этому большого значения — ну, исчезла гирия, невелика беда. Потом он обнаружил зияющую дыру на месте стекла в окне у лифта, но не связал этот факт с пропажей гири. А потом соседка из квартиры напротив рассказала Уле, что праздновала день рождения. Один из гостей, чемпион по пауэрлифтингу районного масштаба, увидел гирию и решил ее покрутить. Он крутил-вертел ее, пока остальные курили у лифта, а затем гирия выскользнула из его рук и устремилась в окно. Она полетела вниз с двадцать второго этажа прямо на головы гуляющих у подъезда мамаш с колясками. Услыхав доносящийся с неба свист, похожий на звук пушечного ядра, мамыши разбежались в разные стороны. Гирия воткнулась в асфальт и разлетелась на осколки, оставив после себя выбоину полуметровой глубины. Чугунные осколки поразили стоявшие рядом машины, разбив крыши, двери и стекла. Соседи вызвали ОМОН. Приехавшие тут же омоновцы скрутили продолжавшего преспокойно отмечать праздник виновника происшествия и препроводили его в кутузку. В результате восемь владельцев автомобилей подали на него иски, так что ему пришлось заложить квартиру.

История, вероятно, имела и еще какие-то последствия, поскольку, когда аж через несколько месяцев Сергей спросил о развитии событий у встреченного в лифте брата соседки, тот завращал в разные стороны глазами, понизил голос и сообщил, что пока еще рано обо всем говорить. Но истинным виновником случившегося Сергей считал себя — ведь это он забыл гирию у дверей, тем самым спровоцировав чемпиона.

Когда Уля была на последнем месяце, переехали к ее родителям — Уля хотела, чтобы мама постоянно находилась рядом. Однажды, когда Сергей по обыкновению зависал у Хомяка, ему пришло смс: «Родила дочку». Он подумал, что это шутка. Ведь он ушел из дома всего пару часов назад, и все было спокойно. Несколько раз набрал на номер родителей Ули. Было непрерывно занято. «Если бы она действительно родила, вряд ли кто-то так долго болтал бы по телефону», — подумал Сергей. Когда под утро он вернулся домой, обнаружил, что это Петрович преспокойно режется по модему в компьютерную игру. Мама спит. А Улю в самом деле увезли в роддом, и она родила.

После рождения дочки Уля еще год просидела дома. Переводила для журнала о путешествиях, Сергей редактировал ее переводы. Активная по натуре Уля изнывала от домашнего быта, так что, стоило дочке капельку подрасти, она устроилась в журнал на постоянную работу. Сергей, напротив, трудился дома. Укладывал дочку спать и садился

за компьютер. Уля возвращалась домой все позже и позже. В час, в два. А однажды и в два не пришла домой. Сергей волновался, не мог найти себе места. «Вдруг что случилось?» — думал он. Выбежал на улицу. Стоял у дороги, смотря на проезжающие мимо машины, ослепляющие его светом фар. «Вот сейчас одна из них остановится и оттуда выйдет Уля». Но машины все так же ехали мимо, не сбавляя скорость. В голову лезли нехорошие мысли. «Вдруг на нее напали у подъезда и убили?» Сергей бегал вокруг дома в поисках тела, всматриваясь в темные силуэты кустов, оглядывая черные пятна газонов, казавшиеся ему уходящей вглубь земли бездной. Сердце бешено колотилось. «А что если она поймала тачку, а водитель оказался маньяком и ее куда-нибудь завез?» В четыре утра он вернулся домой. Сидел безвольно в кресле, уставившись в салативую стену. Уля сделала ремонт, покрасив квартиру в веселые детские цвета — желтый коридор, салативая гостиная, розовая кухня. «Надо звонить в милицию, в морги». Рука потянулась к телефону. Раздался звук поворачивающегося в двери ключа.

Уля рассказала, что у них на работе была корпоративная вечеринка, вот они и задержалась дольше обычного. Ничего страшного.

— А как ты добралась?

— Да коллега с работы подвез. Мы еще несколько кругов вокруг дома сделали. Он меня водить учил на своей «Тойоте».

У Сергея острым жалом кольнуло в груди. А через месяц Уля собрала вещи, забрала дочку и ушла к этому коллеге.

VIII

Наступило одиночество. Жена увезла Филя в путешествие по Латинской Америке. Хомяк влюбился в какую-то молодую девчонку и поехал за ней в Америку. Родители дали ей деньги на учебу в университете, и Хомяк вначале завис там вместе с ней, а потом и вовсе передумал возвращаться. Сергей подумал, что ребята разделяли его идеалы о свободе и совместном творчестве лишь на словах — поддакивали, кивали, а при первой же возможности все бросили и уехали. Последней их совместной работой стал клип на песню про человека, которого оставила жена. Он грустил, грустил, а потом подался в террористы. Приобрел у своих бывших армейских товарищей гранатомет и замыслил расстрелять кортеж президента.

Сергею тяжело было сидеть одному в квартире среди разноцветных детских стен. То и дело взгляд наткался на оставленные Улей вещи: кофточки, юбки, флакончики духов, баночки крема, исписанные мелким почерком листочки, визитные карточки, детские игрушки. Он слушал по кругу одну и ту же их последнюю песню. К горлу подступала тоска, в уголках глаз повисали капли слез.

Гриша вырубил в доме на снос бесплатные мастерские для себя и своих друзей. Вернее, не совсем

бесплатные — хозяин компании, приобретшей этот кусок земли, оказался ценителем современного искусства, и ему надо было платить работами. Сергей старался больше времени проводить в мастерской. Он начал писать красками. Натягивал холсты на стену, нарисовал одно за другим три больших полотна.

Место было шумное — дом находился в самом центре Москвы, напротив Кремля, — так что на ночь приходилось заталкивать в ушные раковины беруши. По вечерам Сергей слонялся по бульварам. На одном из них располагались подряд три богемных кафе с выставленными прямо на улице кожаными диванчиками и стеклянными столиками. Там можно было встретить кого-нибудь из знакомых, подсесть к нему и заказать кувшин красного вина. А после сидеть до утра, стекленеющим взглядом смотря на проходящих мимо прохожих, пошатывающихся менеджеров в белых рубашках под ручку с цокающими каблучками по асфальту девушками в мини-юбках. Слушать разговоры, доносящиеся из-за соседних столиков — о политике, о том, кто на какой кредит купил какую машину или квартиру, или о том, в какой поехал отпуск и в каком отеле живет.

В свою квартиру Сергей возвращался лишь на пару дней в неделю. В один из таких приездов обнаружил у подъезда толпу вышедших на митинг старушек с рукописными лозунгами и плакатами. Оказалось, что власти снесли детскую площадку рядом с домом и теперь собираются возвести многоэтажное жилое

здание, которое закрывает вид на лес и на закат солнца. Старушки сказали, что женщин в их рядах много, а мужиков нет, и для того, чтобы их серьезно воспринимали, надо завести хотя бы одного. Так Сергей стал заявителем следующего митинга.

Несколько лет назад в поисках базы для своих идей он рылся в Интернете. И наткнулся на сайт радикальных анархистов, которые выступали за бесклассовое общество, без власти и капитала. В этом обществе, писали они на своем сайте, все будут жить в свободных коммунах. Сергею их идеи пришлись по душе. Он списался с администраторами сайта и встретился с ними. На встречу пришли трое прыщавых юнцов с серьгами в ушах и конскими хвостами длинных волос — они напомнили Сергею его самого лет пятнадцать–двадцать назад.

— Как вы думаете двигаться к вашим идеалам? — спросил их Сергей.

— Будем сжигать тачки богатых, — сказал самый говорливый из троих, обладатель короткой бородки вдобавок к длинным волосам.

Больше Сергей с ними не встречался, но сейчас вспомнил о них. К ночи приехал бородатый, Сергей показал ему строительную площадку, лес и возможные пути отхода.

— Ничего не обещаю, но попробуем что-нибудь сделать, — сказал Борода.

А на следующий день в новостях показали, что кто-то сжег всю строительную технику на одной

из московских площадок. Сергею запомнился кадр с обуглившимся экскаватором на фоне зеленого леса. Сергей не сомневался, что это дело рук его знакомцев. Но на место старой привезли новую технику, и возведение дома продолжилось еще более быстрыми темпами.

IX

Сергей снова, как и в годы юности, читал книги по буддизму и даосской философии, мечтал о путешествиях на Восток. Как-то с приятелем Вадиком — художником с Урала, низкорослым человеком, зло высказывавшимся обо всем окружающем, но к Сергею проникшимся непонятной симпатией, — отправился на пьянку по случаю юбилея одной из знакомых арт-групп. Пьянка проходила в здании бывшей фабрики — в последнее время стало модным, как и на Западе, переделывать фабричные строения в арт-центры, лофты и бары. В разгар веселья в зал зашли две державшиеся за руки девушки восточной внешности. Первая, постарше — стройная красotka в спортивном костюме с покрашенными охрой волосами и вторая — совсем юная с круглым луноподобным лицом. Сергей, поднабравшись вина, а вместе с ним и храбрости, подкатил к девушкам.

— Вы китайянки? — обратился он к старшей, которая привлекла его внимание больше, чем вторая.

Она кивнула.

— Я бы хотел изучать китайский язык, — продолжил

наступление Сергей. — Можно баш на баш — я учу вас русскому, а вы меня китайскому.

Оказалось, что старшая работает журналистом, а младшая — студентка, приехала по обмену в лингвистический университет учить русский язык. Они живут неподалеку в общежитии, просто гуляли и забрели случайно на эту вечеринку. Старшая сказала, что она и так прекрасно владеет русским, в уроках не нуждается, и вообще у нее тяжело со временем, а вот младшей вполне подойдет предложение Сергея.

Так начались его уроки с Сяо. Поначалу они занимались в кафе, а когда познакомились лучше, перекочевали к нему домой. Сяо, видя холостяцкий быт Сергея, потихоньку принялась готовить, приносила с собой продукты, соусы и кормила Сергея китайской едой. Однажды за обедом он не выдержал, нагнулся к ней и стал осыпать поцелуями ее круглые щеки, полные губы. Сяо не отвернулась, не оттолкнула его — она приняла его поцелуи с радостью, как будто давно их ждала.

Через месяц Сяо вернулась к себе на родину, и он пару раз съездил к ней в Китай. Родной город Сяо оказался ничем не примечательной грудой неряшливо накиданных кубиков–домов, больших и маленьких. Китайцы покрывали их розовой плиткой, но влажный климат субтропиков сделал свое дело — плитка была изъедена черными пятнами плесени, в которую вгрызались рыжие зубы ржавчины,

расползавшейся вокруг зарешеченных окон. Но от города через синий морской залив тянулась автомобильная дамба к маленькому острову. И Сергей облюбовал этот остров. Неделями он жил в пустынных гостиницах на берегу, переезжая из одной в другую. Наблюдал за морем с балконов, облокотившись на их потрепанные частыми тайфунами и местами обвалившиеся балюстрады. Море ритмично танцевало волнами, птицы кричали в такт. На закате Сергей бродил по диким пляжам, гоняясь за крабиками, но каждый раз они ускользали от него, ныряя в глубины своих нор. Строители-крабы неустанно рыли эти норы, все дальше и дальше въедались в недра земли, они выбрасывали наружу комочки песка, и тот причудливыми узорами покрывал сушу, изрезанную ими вдоль и поперек. Расходясь во все стороны по песку, узоры напоминали очертания сложных иероглифов, складывающихся в бесконечную надпись, разгадать которую по силам только неземному существу. «Но успевает ли оно ее распознать, — думал Сергей, — до того как ночной прилив смоеет иероглифы, и неугомонные строители вновь выйдут на свою работу?»

На острове находился всего один поселок с одной улицей, тянувшейся вдоль береговой кромки. Улица сплошь состояла из морских ресторанов с аквариумами, в которых кишмя кишели морские гады — крабы, омары, лангусты, мидии, креветки, угри, улитки, ракушки и рыбы всех видов и сортов. Вокруг

за столиками сидели китайцы с айфонами, айпадами и нетбуками и поглощали всю эту пищу, довольно похрустывая крабьими лапками, обсасывая рыбы скелеты и запивая их местным пивом «Жемчужная река». За ресторанами виднелись многочисленные интернет-кафе, в которых молодежь днями напролет резалась в стрелялки. Но по ночам пейзаж сменялся — прямо на асфальте разжигались костры, шаманы били в бубны и блики огня плясали на стенах. Китайцы верили в духов, но мир духов был не так далек от мира людей, у его обитателей были те же запросы — они нуждались в еде и деньгах. Жертвенные деньги продавались в супермаркетах, их можно было приобрести на кассе вместе со жвачками, сигаретами, зажигалками и презервативами. Эти деньги напоминали настоящие, только изображен на них был не председатель Мао, а похожий на черта Нефритовый император с красным ликом и большими рогами. Единственный способ передать эти деньги в тот мир был их сжечь, и их жгли ночь за ночью и били в барабаны. Но с годами ушедшие в мир духов становились все прихотливее. Они приходили к своим родственникам по ночам и жаловались на то, что у соседа более шикарный автомобиль или более роскошный дом. И теперь мастера научились изготавливать бумажные автомобили, яхты и дома с бумажными стиральными и посудомоечными машинами, телевизорами, микроволновыми печами и слугами внутри. Дома эти стоили огромных денег,

но чего не сделаешь ради родичей — эти дома покупались и тоже жглись по ночам.

Кроме родных и милых сердцу духов, существовали и иные — злобные, — духи. Китайцы боялись их и старались отпугнуть, а пугать их можно было фейерверками и петардами. Чем больше и сильнее будут запущенные тобой фейерверки, тем на более долгий срок ты отпугнешь духов. И в море и воздух летели ракеты огней, грохотали по ночам, заглушая вопли напуганных духов. Сергей прочитал в газете, что на последний Новый год жители столицы Поднебесной переусердствовали — взорвали такое количество фейерверков, что ухитрились начисто спалить только что отстроенный в центре города небоскреб.

С тех пор как ослабла коммунистическая идеология, возродились даосские обряды, только они оказались совсем не той чистой философией, о которой Сергей читал в книгах. Они давно уже слились с местной шелухой суеверий в нераздельное целое и превратились в алхимию преодоления смерти, поиска личного бессмертия и общение с духами.

В соседней провинции был задержан старичок-шишка, депутат местного собрания и бизнесмен, который поверил в старинную легенду о том, что бессмертия можно достичь в результате обладания ста девственницами. Нанятые им женщины покупали в бедных деревнях, а то и просто воровали маленьких девочек. Старичок насиловал их, а после перепродавал в публичные дома. Он не был маньяком

и педофилом, может быть, ему вовсе и не доставляло удовольствия творить насилие, просто он верил в легенду и хотел стать бессмертным. Но довести эксперимент до конца ему не удалось — он был пойман после исчезновения тридцать шестой девочки и получил пулю в затылок. А сразу же после инцидента с этим старичком, еще в одной провинции задержали другого такого же старичка, решившего тоже на практике проверить древние мифы.

Возродился и еще один обычай — свадьба духов. Если у кого-то умирал неженатый отпрыск, то его надо было срочно женить, чтобы в загробном мире ему не было так одиноко. Зачастую отпрыск приходил к горевавшим родителям во сне, жаловался на свое одиночество, слушать его мольбы было невыносимым. Чтобы скрасить существование отпрыска, родители срочно покупали труп умершей девушки. С кладбища вырывали гроб, два гроба ставились рядом, перед ними стояли белые венки и фотографии жениха и невесты. По окончании свадебного обряда гробы вместе закапывали в землю. Но постепенно кладбища перерыли, трупов становилось все меньше и меньше — они взлетели в цене, их стоимость достигала невероятной цифры в двенадцать тысяч юаней. Стали покупать совсем уж древние гробы — сто-, а то и двухсотлетние, но, в конце концов, и их уже не осталось. А потом милиция взяла банду предприимчивых людей. Девушки в Китае отродясь не особо ценились — действовало правило одного

ребенка, все хотели иметь сына. Поэтому родившихся девочек часто выкидывали на улицу, по дорогам шастали толпы бездомных девиц, инвалидов, слабомышленных и проституток. И вот бандиты смекнули, что проще и дешевле убивать таких девиц и продавать их на «свадьбу духов», чем покупать трупы. Все равно никто не хватится исчезнувших бездомных и шлюх. До поры до времени и не хватались, пока число пропавших не достигло критического, и улицы опустели. Как только эту банду предали суду, выяснилось, что в соседней провинции орудует еще одна точно такая же.

Два основных качества, которые Сергей подметил в китайцах, — это невероятная наивность, сочетающаяся с всепроникающим прагматизмом. Однажды, подходя к морю, он увидел, как маленькая девочка играет в воде, кувыркается в таких мелких волнах, которые даже для его дочки не представляли никакого интереса. Вблизи оказалось, что это не девочка, а взрослая тетка лет тридцати пяти. Невдалеке гонялись друг за другом мальчики, шлепая пятками по воде, когда брызги долетали до одного из них, оба разражались взрывами хохота. При приближении мальчики обернулись мужиками лет под сорок. «Сложно ожидать от европейца такой непосредственности при встрече с морем», — думал Сергей. Часто он наблюдал, как в кафе какая-нибудь компания смеется за столиком, и смех передается волной за соседние столики, минута-другая, и вот

уже все кафе сотрясается от смеха. Впрочем, и плач оказывался столь же коллективной эмоцией. Как-то позвонил отец Сяо и сказал, что сломал руку. Сяо тут же разревелась от жалости. Сергей услышал, как из трубки доносятся ответные рыдания отца. Слышны были и всхлипывания матери. Сергею казалось, что еще минута-другая и сам он неминуемо разрыдается, захваченный общим состоянием.

Что касается прагматизма, то он в сочетании с наивностью выглядел не слишком серьезно, но мешал Сергею обзавестись китайскими друзьями. На его проявления Сергей наталкивался повсеместно. В первый приезд, влекомый своей любовью к даосской философии, он заглянул в стоявший на вершине горы даосский храм. Вход в храм охраняли львы, перед ним высилось изваяние гигантской черепахи с каменным бассейном вокруг, в котором посреди листов лотоса плавали, медленно разгребая ластами воду, вполне себе живые черепахи меньшего размера. За львами во тьме храма виднелись вооруженные с головы до ног деревянные черно-красные стражи с золотыми зубами, но Сергей не успел войти внутрь. На улицу выскочил мужчина средних лет и выдал Сергею свою визитку, на которой под его именем значилось: «директор храма». Мужчина поведал Сергею, что хотел на этом месте построить гостиницу, но во сне к нему явился бог и велел построить храм.

— Это здорово, — поддержал беседу Сергей, — вы, значит, в каком-то смысле просветлели.

— Ну да, — с пылом согласился директор, — построил бы я гостиницу, и сколько бы зарабатывал? Ведь туристический сезон длится всего три месяца в году, а на благовониях я каждый день деньги гребу лопатой, приходи с утра, увидишь, сколько людей приходит молиться и покупать курительные палочки!

Сергей не знал, что и сказать.

— А теперь тебя мне сам бог принес, — продолжал директор, — ты же белый, значит, инвестор, мы можем вместе забабахать огромный новый храм, в пять раз больше прежнего, и зарабатывать вообще немерено!

Сергей попятился и опрометью бежал из храма, чтобы больше туда никогда не вернуться. Ни одна из его попыток с кем-нибудь сблизиться не увенчалась успехом. Китайцы не любили тратить время на пустопорожние беседы, как принято у русских, — знакомство должно было вести к взаимной выгоде, а без нее, по их мнению, оборачивалось в ничемную трату времени. Как-то Сергей отправился в старинный городок Фэнхуан неподалеку от родины Мао. Время, казалось, застыло здесь — люди полоскали белье и мыли овощи прямо в реке, по которой медленно скользили разноцветные гондолы, отдаленно напоминающие венецианские. Вдоль берегов высились деревянные дома на сваях, по покрытым узорами резным и похожим на дворцы величественным мостам важно шествовали лошади и коровы. Сергей шел по брусчатой мостовой вверх от реки,

когда его кто-то окликнул. Обернувшись, он увидел человека с длинными волосами, что для Китая редкость — нестандартная внешность здесь не в чести. Еще большей редкостью было то, что этот человек владел русским языком — он самолично выучил его по книгам Толстого и Достоевского. Сам он оказался тоже писателем, правда, детским, пообещал подарить Сергею свою книжку, но в нагрузку к книжке последовали тишотки — попутно он оказался владельцем лавки с одеждой, завел Сергея внутрь и настойчиво предлагал что-нибудь приобрести. Сергей поспешил уйти, так что едва наметившаяся дружба не задалась.

У другого интересного собеседника, неплохо разбиравшегося в музыке владельца музыкальной лавки, Сергей даже покупал что-то из дисков. Они пили чай за беседой о китайской культуре, слушали буддистскую музыку, и Сергей выбирал из прослушанного то, что ему больше всего понравилось, но вот беда — вдобавок к музыке по окончании беседы этот человек пытался втюхать ему чай. Сергей уверял, что этот чай, оказавшийся невероятно дорогим, ему не нужен, у него и так есть дома свой, не менее вкусный, чай, но знакомец продолжал настаивать, отказаться стоило нереальных трудов, так что в конце концов Сергей перестал к нему захаживать за музыкой.

Плачевно закончилась и история сотрудничества с коллегой — китайским художником. Этот художник

рисовал в старинной китайской технике — пальцем, макая его в тушь и прикладывая к бумаге то фаланги, то ноготь, он ухитрялся изображать не только пейзаж с изгибами рек, на берегах которых высились бамбуковые деревья с видневшимися из-за них вершинами крутых гор, по склонам которых струились водопады, но и прорисовывать тончайшие детали типа парящих в воздухе птиц, прячущихся среди ветвей обезьянок или кувыркающихся в траве панд. Сергей придумал совместный проект — печатал в центре листа бумаги портрет самого себя в образе одного из героев старинного китайского романа «Путешествие на Запад», но попавшего в современные реалии — то царя обезьян Сунь У-куна, разрушавшего мегаполис с небоскребами — символ общества потребления, то людоеда Ша-сэна с черепами на шее, попирающего ногами ковер-самолет из денежных купюр, то человека-свиньи Чжу Ба-цзе, расправляющегося с оборотнями в погонах, а художник пальцем прорисовывал пейзаж вокруг. Однажды его жена пригласила Сергея с Сяо к ним в гости, Сергей удивился — ведь в Китае в гости просто так без нужды зовут крайне редко, но пошел. Жена художника выстроила в рядок на полу все его работы со старательно наклеенными ценниками — пятьдесят, сто, сто пятьдесят, двести юаней. «А ведь она знает, что я тоже художник, а не покупатель, куратор, галерист или коллекционер», — раздосадованно думал Сергей. Так сотрудничество оборвалось.

Последний инцидент случился, когда они с Сяо поехали в предгорья Тибета. Сняли комнату в бревенчатом доме у человека, оказавшегося заместителем директора по культурному развитию местного заповедника. Ли — так его звали — по совместительству был фотографом, дизайнером и писателем, издавал проспекты про редких зверей и растения, которые он изучал, недели проводя в дремучих лесах. Поначалу все шло хорошо, они с Ли бродили по берегам изумрудного озера Будды, среди пурпурно-розовых зарослей рододендрона паслись белые лошади и яки, а над водой порхали разноцветные бабочки и стрекозы размером с ладонь. Ли рассказывал, что по пути к Богу нужно сначала обойти вокруг озера — это займет три дня, а уже потом пешком двигаться в Лхасу. Еще Ли рассказывал, что все «восемь буддистских драгоценностей» — две золотые рыбки, белую раковину, драгоценный сосуд, цветок лотоса, колесо дхармы, балдахин, бесконечный узел и зонтик — можно найти на озере Будды. Иероглиф «сосуд» в то же время означает «ровно» — как ровная гладь озера. Деревья здесь укрывают от дождя подобно волшебному зонтику. Ручьи переплетены бесконечными узлами. В озере живет древняя разновидность рыб, которые плавают парами, словно две золотые рыбки. Остров посередине кругл, как колесо дхармы. Неподалеку лежит камень, похожий на белую раковину. У истоков озера есть родник, который так и называется — «цветок

лотоса». А у устья — водопад, подобный императорскому балдахину. Про себя он поведал, что в восемнадцатилетнем возрасте избил человека почти до смерти и бежал из дома. Потом встретил одного монаха, тот сказал, что в прошлой жизни Ли был полубогом-асурой, но убил слишком много врагов на войне. Поэтому в наказание за свою жестокость в этой жизни он родился человеком. Так Ли понял, что его следующая жизнь зависит от поступков в этой. Чтобы не спуститься ниже еще на ступень, он решил изменить себя, бросил все дела и уехал жить сюда, в заповедник в предгорьях Тибета.

Потом, вернувшись в пахнувший свежим деревом дом, они уселись отогреваться у камина. Ли предложил во что-нибудь сыграть. Беда в том, что китайцы бесконечно играют во всевозможные игры — полы поездов усеяны игральными картами, по городам разносится незатихающий грохот костяшек маджонга. Если уж не занимаешься совместным бизнесом, тогда изволь играть и делать ставки. Но Сергей не умел ни во что играть — ни в карты, ни в маджонг, ни в китайские шахматы. Тогда Ли, проведав, что Сергей русский, предложил сыграть в простую игру — кто больше выпьет. И Сергей на свою голову согласился. Они пили три дня — пропили весь домашний бар Ли, потом пили в кафе и ресторанах, угощал то Сергей, то Ли. Сергей побратался с Ли и подарил ему свою любимую майку с красноармейцем кисти Кукрыниксов и подписью: «Вперед к победе!», а Ли приглашал

их с Сяо приехать еще раз и сыграть у него дома свою свадьбу. Кончили они пить к утру понедельника, когда у Сергея иссякли деньги, а Ли нужно было уезжать в заповедник на работу. Сергей обнялся с ним на прощание и стал собираться домой. Они с Сяо вышли в гостиную расплатиться с женой Ли за комнату и тут глазам Сергея предстал необъятный счет — жена включила в него все выпитое ими обоими у них дома. Сергей растерялся, спросил, нельзя ли позвонить Ли — ведь они пили вместе. Но его жена отрицательно мотнула головой — он на совещании. Пора было спешить на самолет, Сергей с Сяо порылись по карманам, но не набиралось и половины нужной суммы. Жена сказала — давайте сколько есть. Сергей выгреб последние деньги. Деньги исчезли в руках у жены, но осадок остался — кто знает, задумала это она сама, или, как говорится, муж и жена — одна сатана. «В России, — сокрушаясь, размышлял Сергей по пути в аэропорт, — такое и представить себе невозможно. Придешь типа к человеку в гости на ужин, посидишь, выпьешь, закусишь, а когда уже соберешься домой, тебе вдруг выкатят счет за все съеденное и выпитое. Если бы такое кто-нибудь попробовал учинить, то человеку после этого руки бы в жизни не подали». После случая с Ли Сергей больше не пробовал заводить друзей.

Не удалось общение и с родителями Сяо — правда, по другим причинам. Партийные функционеры, они отказались принять Сергея в семью. В первый его

приезд Уля неожиданно разрешила ему взять с собой дочку, и он прилетел вместе с ней. Собравшись познакомиться с родителями, Сяо показала им его фотографию и честно рассказала, что он сильно старше, разведен, у него есть дочка, и по профессии он художник. Все это оказались сплошные минусы — родители заявили, что не потерпят жениха иностранца, к тому же с такой сильной разницей в возрасте, уже однажды разводившегося, а главное — художника, то есть человека без профессии и постоянного дохода. Ведь художник, по их словам, это отщепенец, бродяга, почти что бомж.

Во второй приезд Сергея Сяо придумала ему новую личину. Оказалось, китайцы не отличают русских друг от друга так же, как и мы их или африканцев. На этот раз Сяо сообщила родителям, что Сергей — другой ее знакомый, писатель, пишет для кино. Сильно младше предыдущего и никогда не был женат. Отец все равно оказался непреклонен, но мама отнеслась к Сергею более благосклонно, даже соизволила с ним познакомиться и повезла на машине вместе с Сяо в свой родной город. В этом городе ее сестра, служившая в мэрии начальником департамента по приему иностранных делегаций, устроила Сергею роскошный прием — все равно как целой делегации. Ему заказали номер в пятизвездочном отеле и в ресторане накрыли стол в отдельном кабинете. На ужине присутствовали: бабушка Сяо — бывший военный врач, знавший пару слов по-русски, например, «эволюция», Сергей

долго думал, что оно значит, оказалось, революция; затем ее дядя, от которого недавно убежала жена, но ему, в отличие от Сергея это прощалось; его дочка, забитая девочка лет двенадцати, по китайским обычаям оставшаяся после развода с папой, а не мамой, прежде она, наверное, держалась за мамину юбку, а за папу держаться стеснялась; двоюродный брат Сяо пятнадцати лет, сын тети, которого Сергей встречал уже в свой первый приезд, Сяо звала его почему-то «хулиганчик».

Как и большинство китайцев, брат Сяо не страдал тягой к уединению, а был типичным носителем присущей его народу коллективности. Появившись на острове, он на вопрос Сергея: «Где будем купаться — на диком пляже или там, где все?» отвечал: «Конечно же, где все!» «Где все» — означало на платном городском пляже и обернулось для Сергея сущей мукой. Они оказались в маленьком загончике, где китайцы толкались плечом к плечу, шумно горланя и стоя по пояс в воде в одинаковых трусах с нацепленными на бока одинаковыми надувными кругами и под одинаковыми зонтиками. При виде Сергея они враз затихли, после чего тишину прорезал единственный выкрик: «Маоцзы!», что означало «поросший шерстью», и к волоскам на груди и животе Сергея потянулись щупальца тысячи пальцев, норовивших ухватиться за волоски и потянуть. Не в силах пошевелинуться, он возвышался посреди этого одноцветного моря людей, красный от стыда, и чувствовал себя большой

обезьяной в зоопарке. В принципе, «маоцзы» звучало еще как не самый худший вариант наименования для европейца — с древних времен в этих краях повелось называть иностранцев «гуэйло», что значило просто «черт», а неграм не повезло еще больше — их звали «хэй гуэй», что означало «черный черт», и думали, что они черные, потому что грязные...

Стремившиеся к бессмертию китайцы не любили рисковать, в отличие от русских. Потому не плавали. Изредка на деревенских пляжах Сергею доводилось наблюдать тех немногих, кто умел плавать. Они предпочитали не удаляться от берега — перемещались параллельно ему по невидимой дорожке туда-сюда, рассекая воду ровными гребками. Страхом за свою жизнь Сергей объяснял и отсутствие у китайцев столь популярных на Западе турниров по смешанным единоборствам — ведь на таких поединках можно реально схлопотать по морде, сломать себе кости и пролить свою кровь.

Сергей считал, что на самом деле китайцам вовсе не нравится купаться. Они вынуждены плескаться в воде по необходимости — просто стремясь подражать американцам, которых видели на фотографиях в журналах или в передачах по телевизору — как те ездят на курорты и купаются в море. Перед американцами, вернее, перед их долларами, здесь преклонялись все поголовно. Эту страсть копировать повадки западного человека Сергей наблюдал неоднократно. В горных деревушках Сергею случалось встречать

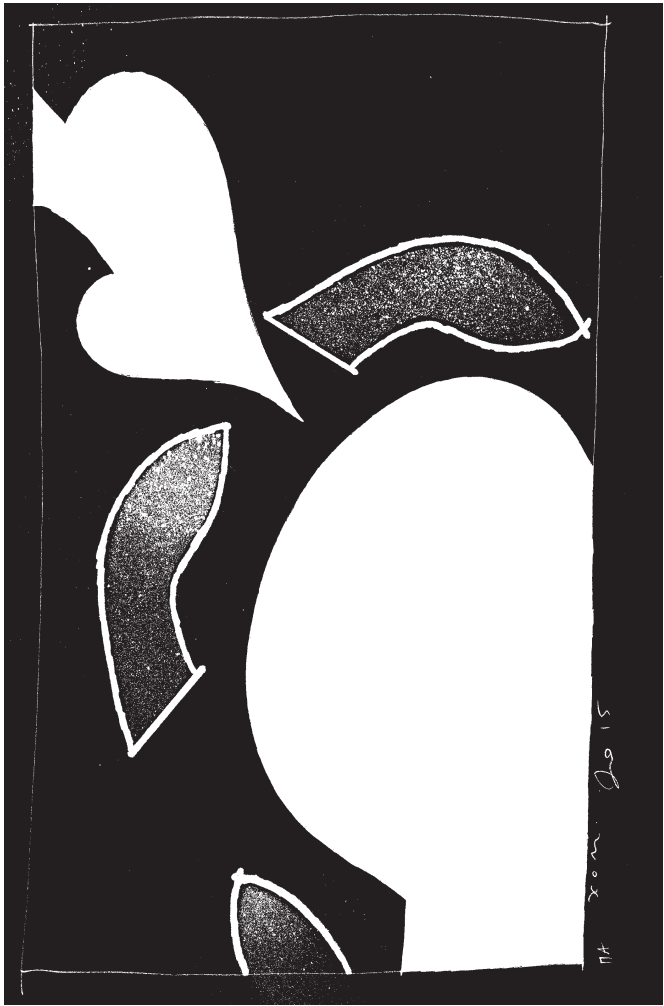
туристов с дорогим альпинистским снаряжением, в моднейшей спортивной одежде и с навороченными фотоаппаратами. Но они никогда не поднимались в сами горы — любовались ими снизу из уютных кафе, часами фотографируя друг друга на фоне горных пейзажей. По крутым тропкам вверх карабкался один Сергей. Люди, которых он по ошибке принимал за альпинистов или горных туристов, просто старались выглядеть так, как выглядел западный турист на страницах глянцевого издания. Так же стремились перенять облик западных сверстников и городские подростки, листавшие молодежные журналы. Они выбривали на голове панковские прически и продевали в уши серьги, при этом слыхом не слыхивали о смысле и природе панковской культуры. Пытаясь выглядеть так, как на их взгляд должны выглядеть клубные завсегдатаи, перед заходом на дискотеку они показательно закидывались колесами и фотографировались с открытыми ртами и зажатыми в ладонях горстями белых таблеток — только это были не стимуляторы, в реальности употребляемые тусовщиками в западных клубах, а простой аспирин.

Мысли Сергея прервало появление улыбчивой официантки, издавек плеснувшей ему в чашку чай из медного чайника, с длинным как журавлиная шея, носиком. Одно за другим появлялись все новые и новые блюда — огромный омар, запеченный в сыре и сладком соусе и нарезанный крупными ломтями, салат из медуз с битыми огурцами — их и правда

отбивали как мясо перед тем, как залить соусом из черного уксуса с приправами. Жаренные тигровые креветки размером с полкулака, похожие на фарфоровые блюдца мидии, усыпанные хрустальной лапшой с мелко нарезанным чесноком, сочные баклажаны, тушенные в кисло-сладком соусе вкупе с маленькими солеными рыбками. Сама организовавшая стол тетя ужинала на этаж выше с мэром и к ним спускалась лишь изредка. Мама заботливо чистила креветки, окунала их в соевый соус и клала в тарелку Сергея. Посреди ужина брат Сяо, видимо, долго думавший как бы поддержать беседу с иностранцем, открыл рот и спросил:

— Как, кстати, поживает твоя дочка?

Слова прозвучали громко и отчетливо, словно удар тайфуна, внезапно налетевшего на ясное кантонское небо. Сергею захотелось стать человеком-невидимкой, но вокруг была не сказка, а колючая реальность. Мама выронила креветку в миску с соусом, она плюхнулась туда с большой высоты, и капли соуса полетели Сергею на покрасневшую щеку, попутно забрызгав ему рубашку. Но надо отдать должное китайцам. Внешне ничего не изменилось — ужин продолжился дальше, только мама перестала чистить для Сергея креветки и бросала взглядом гневные искры в сторону Сяо, а та судорожно строчила брату смс под столом, поясняя, какой он идиот, потому что забыл все, чему она его учила, испортил ужин, и теперь надо немедленно придумать, как выкручиваться.

И они придумали. После ужина брат сказал, что ему неохота возвращаться в родительскую квартиру. И он заночует у Сяо с мамой в номере. Когда они поднялись в номер, и Сяо ушла в душ, брат почесал затылок и спросил маму:

— А что, это разве не тот иностранец?

Он действовал хитро. Если просто сказать, что не тот, дескать, обознался, никто может и не поверить. А в этом деле главное зародить сомнения. Ведь каждому в душе хочется надеяться на лучшее.

— Как это не тот? — переспросила мама.

— Ну, кто их разберет, этих иностранцев. Тот вроде был старый и толстый, а этот молодой и худой. Может, и обознался.

Мама с облегчением кивнула. На лице ее тут же нарисовалось довольное выражение — как будто гора спала с плеч. Оно спокойно уселась смотреть телевизор.

В то время Сергей, которого отправили вниз на заказанный заранее массаж, всего это не знал. Он лихорадочно перебирал варианты, силясь придумать, как бы исправить сложившуюся ситуацию. Никакого удовольствия от предстоящего массажа он не испытывал. На столике стояли расписной чайничек с зеленым чаем тегуаньин и тарелка с кусочками сочного желтого арбуза. Ни к чему этому он не притронулся. Тускло светило синее пятно телевизора. Сергей сидел на кушетке, сгорбившись и нахмутив лоб. Не было никакого желания дотянуться до пульта, чтобы включить один из каналов. В кабинет вошла молодая

грудастая массажистка в коротком халатике. Приглушила свет. Протянула Сергею синие синтетические трусы. Он вышел в ванную комнату с джакузи и переоделся. Ванную наполняла вода с бальзамами и ароматическими маслами. Но Сергей и не смотрел в ее сторону. Ему стало совсем страшно. Что если это какое-то испытание, в котором он должен себя проявить? Типа это не массажистка, а проститутка, и он должен отвергнуть ее приставания? Проверка на прочность — если он выдержит тест, его признают за полноценного жениха. Может, это какой-то неведомый ему китайский обычай? Обряд инициации? В голове бродили бредовые мысли. Он вышел к массажистке. Та улыбнулась и жестом показала, чтобы он лег на живот. Стала натирать маслом лопатки, массировать позвоночник и поясницу. Потом перевернула его на спину. Сергей смотрел в потолок, стараясь не обращать внимание на ее выпуклости, торчавшие из видневшегося в халате лифчика. Массажистка двигалась по внутренней стороне его бедер к паху. Раздался треск ткани с левой стороны. Потом с правой. Сергей почувствовал ветер свободы в области своих причиндалов. «Наверное, она развязала тесемки трусов», — подумал он. Странно. Вроде бы никаких тесемок он не заметил. Массажистка нажала пальцем в точку у основания его органа. Сергей ощутил, как тот вмиг вздыбился и выскочил наружу. Скосил глаза вниз. Действительно тесемок не было. Трусы порвались по шву между передней и задней

частями и теперь чем-то напоминали шотландскую юбку килт. Их содержимое вольной птицей болталось в воздухе. «Ну, все, попался», — пронеслось у Сергея в голове. Массажистка нажала еще раз на ту же точку, он с ужасом выдохнул и... излился. Она накрыла его живот полотенцем и как ни в чем ни бывало продолжила массаж. В кабинет вошла Сяо, чья очередь была следующей.

— Я не виноват, не виноват, я не хотел, — запричитал Сергей, показывая пальцем на массажистку, — это все она, вы сами мне массаж заказали!

И он поведал о случившемся. Сяо набросилась на него с кулаками.

— Как тебе не стыдно! — кричала она, обвиняя его в измене с массажисткой.

И ему на самом деле было стыдно.

А родители, если и поверили в то, что он — новый человек, то не совсем или ненадолго. Отходчивая Сяо обычно дулась всего несколько дней, вот и сейчас она легко простила Сергея. Она жила в городе с родителями и лишь наездами навещалась к нему на остров. Когда однажды, проведив ее на автобус, он возвращался в гостиницу, его окликнули сзади:

— Сергей!

Он повернулся, в удивлении высматривая, кто мог позвать его по имени. Из темноты выдвинулись два силуэта. Это оказались родители Сяо. Сергей подумал, что по китайским понятиям они потеряли лицо — не встретились с ним в ресторане, чтобы

обсудить что-то важное, как это принято в Китае, а просто несколько часов караулили у подъезда. С другой стороны, они уронили и его лицо — не соизволив пригласить на встречу.

Отец предложил Сергею закурить. Было видно, что он волнуется.

— Не курю, — мотнул головой Сергей.

А родителей как прорвало — они хором стали говорить, что их двое, и у них одна дочь, они не хотят, чтобы Сергей ее своровал и увез за границу. И вообще он сильно старше, ей нужен другой муж.

— В России наша разница в возрасте считается нормальной, — сказал Сергей.

Отец покачал головой:

— В России да, но не в Китае, — сказал он с вымученной улыбкой.

Сергей так растерялся от их появления, что с перепуга понимал все, что они говорили. Ему даже не пришло в голову сделать вид, что он не понимает по-китайски. А потом ему вдруг стало жалко этих не молодых уже людей, которые специально приехали на остров, долго его ждали в темноте, отец курил, обнимая мать за плечи, и вот теперь дождались, но не приказывают, хотя имеют полное право, а просто просят, чтобы он оставил их дочь в покое.

— Можно быть друзьями, но не жениться, — сказала мама, — пообещай нам, что уедешь.

Сергей не находил слов, чтобы сказать им, что он любит их дочь. Он просто кивнул:

- Хорошо, обещаю.
— Еще пообещай, что не будешь ей говорить, что мы приезжали.
— Хорошо, — он снова пообещал.
И на следующий день он уехал.

Х

Сестрой овладела та же болезнь, что и когда-то мамой. Сестра все эти годы так и работала на прежней советской работе и жила в той же родительской квартире. Замуж она не вышла, и детей у нее не было. С женщинами она хорошо общалась, у нее было много подруг, но с мужчинами общение не удавалось, она их избегала, обходила стороной. «Почему так произошло?» — задавался вопросом Сергей. Был ли тому виной отец, который забивал и подавлял их в детстве, он-то вырвался из-под отцовского контроля, но она не смогла и этот страх перенесла на всех мужчин? Или родовая травма, о которой много лет назад ему намекала мама? Или что-то иное? Он так и не узнал ответа на этот вопрос.

Сергей любил советоваться с сестрой, даже по вопросам отношений с Улей или Сяо, она высказывала трезвые суждения, но в чем-то была, что называется, человеком не от мира сего. Бывало, Сергей приезжал к ней в гости и сталкивался с ней на улице. Он видел, как она идет через двор к подъезду, окликал ее, но она могла не услышать и не заметить его. Она шла, глядя на небо, рассеянно улыбаясь сама

себе своими голубыми прозрачными глазами, шепча что-то себе под нос. Могла споткнуться внезапно и упасть, и спотыкалась, и падала.

Сергей переехал к ней, чтобы помогать. С каждым днем она слабела, худела, превратилась в скелет, обтянутый кожей.

— Как ты думаешь, я поправлюсь? — спрашивала она.

— Конечно, поправишься, — отвечал он. А что было делать?

Временами сестра забывала, как пользоваться клавиатурой телефона или кнопками пульта от DVD-проигрывателя. Она подолгу смотрела на них, шевелила губами, силясь собраться с мыслями, но ей это не удавалось. Память к ней возвращалась волнами и терялась вновь. Самым страшным было, когда она забывала, как встать с кровати, не помнила, как переставлять ноги. Сергей подхватывал ее под мышки и помогал подняться. Потом, шаг за шагом, они двигались к туалету. Она стонала, останавливаясь перевести дыхание. Сергей держал ее за плечи, прижимая к груди, глядя в пол. Проход по квартире выливался в вечность, по ночам сестра звала Сергея, и он вставал в полусне, приносил ей попить. Временами ему мерещилось, что его зовут мама или бабушка. Квартира превратилась в склеп с давящими стенами и низким, таким низким потолком, раньше до него нельзя было дотянуться рукой, но теперь он давил на голову, приходилось втягивать ее в плечи, но он

продолжал давить, ты опускался на колени, не в силах выдержать его непомерную тяжесть, он давил все так же, еще сильнее, ты падал на искорябанные белесые паркетины, вжимал голову в пол, потолок вплющивал тебя в них, лопалась голова, ты сам становился паркетом, одинокой паркетинкой, деревом, мокрым от слез в безветренном редком лесу, том лесу, где нет ни луны, ни звезд, Сергею не хватало воздуха, он молил о ветре, ему казалось, что листья начинают шевелиться, он просыпался среди ночи от их тихого шелеста и понимал, что это зовет его сестра из соседней комнаты:

— Пи-и-ить...

Когда-то они жили здесь все вместе, бабушка, мама, отец и сестра, отец вернулся из-за границы, вышел на пенсию и живет в Подмосковье, бабушки и мамы давно уже нет, сестра уходит вслед за ними, как быстро все это случилось, время сжалось, сплющилось в ненужный мокрый комок глины, который хочется отбросить вдаль и глядеть на него со стороны, превратившись в безупречный тотемный столб посреди неподвижной стихии. Сергей почему-то вспомнил, как гулял в детстве со своей пушистой собакой Тошкой, она нашла во дворе обглоданную кость, Сергей попытался ее отнять, и тогда Тошка больно укусила его за руку, а потом выдрала клочок из его дубленки, и отец приклеил этот клочок на место. Отец незадолго до того получил гонорар за свою статью, опубликованную в зарубежном научном журнале, его выплатили

валютными чеками, на радостях он повел Сережу в валютный магазин и решил купить эту дубленку. В магазине они встретили кореянку тетю Лилю, жену академика дяди Пети, и та посоветовала выбирать с большим запасом, на вырост. Ведь никогда прежде у отца не было гонорара в чеках, и, скорее всего, больше никогда и не будет, так что дубленка покупается один раз на всю жизнь. Так и вышло. Отец потратил тогда все деньги на покупку, и когда Тошка разодрала ее, крепко расстроился. Но Сергей все равно не мог в ней ходить — она была так длинна и широка, что ему приходилось обматывать ее вокруг себя, и он падал, путаясь в ее подоле.

— Ничего, вырастешь, и она придется тебе в пору, тогда покажешься нам в ней, — говорили бабушка с мамой.

Дубленку пришлось убрать в шкаф, где она и пылилась все эти годы. Несколько раз Сергей ее находил, пытался надеть, и каждый раз оказывалось, что она по-прежнему ему велика. А вот сейчас вновь ее обнаружил, и только теперь, когда он наконец не только вырос, но и раздался вширь, она стала ему в самый раз. Можно носить, только вот зачем? Все равно некому ее показать, нет ни бабушки, ни мамы, дубленка пережила их всех в своем темном, вделанном в стену чулане, а теперь переживет и сестру. Думала ли бабушка, когда выходила замуж, что муж оставит научную карьеру и уйдет добровольцем на войну, погибнет под Сталинградом, она останется

одна и будет всю жизнь его ждать, не веря в его смерть и так и не выйдя замуж? Думала ли она, что ее дочь уйдет из этой жизни так быстро вслед за ней, и будет так тяжело уходить? А что сделала бы мама, если бы ей сказали, что ее дочка никогда не выйдет замуж, не родит детей, и покинет этот мир молодой вскоре после нее? Родила бы она после этого Свету? Есть ли смысл во всех этих страданиях, и если да, то какой? Как отыскать смысл в одиноком цветке, который расцвел всего на час, чтобы быть сорванным холодным безжалостным ветром и унесенным в пучину безвестности, не оставив после себя никакого потомства, вообще ничего, кроме Сережиной памяти, которая в свою очередь уйдет вместе с ним? Можно ли задержать эту память? Сергей вспомнил, как его бывший тесть Петрович говорил, что лучше не думать ни о прошлом, ни о будущем, потому что прошлое уже ушло, а будущее может так никогда и не наступить. Но что такое прошлое и что такое будущее? Как их сжать до секунды, мгновения, мига, крупинцы, стремительно сокращающегося в размерах елочного шарика, чтобы спрятаться в его хрупкой скорлупе, превратиться в него самого, в след от иглы, каплю воды, точку на карте времени, оторванную от его пределов, от того, что было и того, что будет, и застыть, зависнуть навсегда незаметным стертым штрихом в пространстве пустоты?

Через три месяца сестры не стало.

XI

Вокруг в воздухе началось какое-то бурление, отдаленно напоминающее полузабытые 90-е. Люди левых взглядов объединились с людьми правых, вместе они стали казаться значительной силой. Теперь на регулярные митинги в центре города собирались не сотни, а тысячи, а то и десятки тысяч людей. Сергей ходил на пару таких митингов. Самым позитивным оказалось то, что он встретил там почти всех своих знакомых из разных периодов жизни, многих из которых не видел годами. Встретил Рому — былую вражду не вспоминали, даже поздоровались друг с другом за руки. Рома стал известным музыкантом — вокалистом рэп-группы «Нож в живот». Из-за жестких тем про бандитов, наркотики и насилие по радио их не крутили, но они выступали с концертами в больших клубах, их слушали менеджеры, модники и неформалы. Встретил рыжего Жеку — тот раздался еще больше, стал обладателем тройного подбородка и сети ресторанов по всему городу. Валю, которому Жека предвещал невероятный успех, он тоже встретил — только Валя выглядел каким-то обрюзгшим, обшарпанным и несколько опустившимся. В будущее его Жека не взял — уличил в крысятничестве и выгнал с работы с позором. Встретил и Седрика, которого окружала группа слушателей — он читал свои стихи, громко чеканил слова металлическим голосом в одном из уголков прямоугольной площади. Встретил и дачного друга Митю,

общение с которым давно прервалось, отчасти из-за его отношений с Улей. Митя выглядел нелюдимым и был немногословен — про него ходили слухи, что он страдает сильной душевной болезнью и большую часть времени проводит в психушке.

Через несколько дней после митинга Сергей снова увидел Валю, только уже в новостях. У него исчезла жена, и он призвал к ее поискам друзей в социальных сетях, а потом ее нашли — расчлененной в багажнике его собственной машины. Коровьи Валины глазки бегали по сторонам не в силах остановиться. Он путано отвечал на вопросы следователей, но в убийстве сознавался. Блестящее будущее выпускника лучшего гуманитарного университета бесславно обернулось годами камеры, подзатыльниками надзирателей и насмешками сокамерников.

Радикализовались окружающие Сергея люди, и художники тоже не стояли в стороне, все больше шли в отрыв. Еще в пору их с Сяо московской жизни лидер одной художественной группы по кличке Катала предложил Сергею поучаствовать в акции — прилюдно совокупляться в палеонтологическом музее.

— А девушек выдаете? — заинтересовался Сергей.

— Не, надо со своими приходить.

— Моя не пойдет. Она у меня китаянка — комсомолка и коммунистка.

— Ну ты и лох, — сказал Катала, — не мог бабу нормальную подобрать.

И положил трубку. Теперь эта группа художников нарисовала огромный мужской орган на питерском мосту. Мост неприличным жестом поднялся напротив здания мэрии, к священному ужасу работавших там чиновников. Художников объявили в розыск. Сергею их деятельность не очень нравилась, но из-за личных связей и привычки поддерживать своих он оказался в числе заявителей очередного митинга, на этот раз в поддержку преследуемых художников. Митинг назывался «Против мусора», в качестве художественной акции все принесли на него веники и швабры, но каждому было ясно, что имеется в виду под «мусором».

В этой хулиганской группе участвовала все больше молодежь, но был и один старый знакомый Сергея еще по университетским временам, тоже бывший культуролог, преобразившийся в художника. Он позвонил Сергею и попросил его приютить главную участницу группы, жену лидера. Сергей поселил ее вместе с ребенком у себя в мастерской. Оса, так ее звали, сразу же поразила его своим революционным пылом и темпераментом. Из презрения к деньгам все продукты она воровала в супермаркетах. Сергей присутствовал при одном из таких рейдов. Оса стянула с прилавков буханку хлеба, пачку крекеров, шмат сала. В еде она была крайне неприхотлива, но Сергей жалел недоедающего малыша. Каждый день Оса предлагала совершить что-нибудь радикальное — например, закрыть на замки центральные станции метро однажды

утром, чтобы люди не смогли попасть на работу. Образуется толпа, начнутся беспорядки. Это она называла саботажем. Или насыпать гвозди в эскалаторы, чтобы их остановить. Результат будет тот же. Оса рассказала Сергею еще об одном проекте ее группы, который показался ему совсем уже странным и неприятным. Во время большого вернисажа в галерее неподалеку от главного московского храма они соберутся водить вокруг этого храма хоровод. Приедет водомет, якобы их разгонять, заливая их, промахнется и попадет в храм. На самом деле, это будет их собственная машина, и не водометная, а ассенизаторская, которая забрызгает храм фекалиями. После этого появится настоящий ОМОН, бросится в погоню за участниками группы, те отступят на вернисаж, ОМОН похватает и избьет всех посетителей без разбора, в прессе поднимется большая буча в их защиту.

— Настоящий скандал! — довольно улыбаясь, заключала Оса.

Для хороводов им нужны были лишние люди, но Сергей с отвращением отказался участвовать в этом проекте. Буквально через два–три дня Осе стало казаться, что за ней следят, в мастерской оставаться небезопасно, и она, к облегчению Сергея, съехала.

Через какое–то время к знакомому художнику, соседу снизу, зашли люди в штатском и спросили, кто живет наверху. Тот сказал, что точно не знает, какие–то ребята, но вроде бы сейчас в их квартире никого нет. Через день хозяева дома попросили всех обитателей

мастерских прислать свои паспортные данные. Сергей прислал — чего тут страшного, он же москвич, зарегистрирован в городе. В тот же вечер люди в штатском появились у дверей его мастерской. Его в это время там не было, они позвонили хозяевам, сказали, что Сергей проходит у них в какой-то базе данных как экстремист, и попросили немедленно открыть дверь, иначе им придется ее выломать. Появился управляющий с ключами и открыл замок. Порывшись в мастерской и изучив творчество Сергея, люди в штатском пришли в гнев и велели к завтрашнему вечеру очистить квартиру. Жена хозяина дома, коллекционера искусства, рассказала все это Сергею по телефону. Сказала, что большие работы их группы вывезет сама в какую-то галерею. А он пусть приходит за своими вещами. Хомяк так и не приезжал из-за границы, Фил снова где-то отдыхал с женой, Сергей попросил помочь Вадика. Они приехали на машине и стали выносить вещи. Компьютер, книги, утварь и мелкую мебель — ту, что поместится в багажнике и салоне. В один из спусков встретили молодую художницу, подругу соседей. Та рассказала, что проходя по переулку, услышала, как два человека в штатском обсуждали, «сейчас их будем брать или позвоним шефу». Сергей и Вадик посмеялись, подумав, что она все это присочинила — у страха глаза велики. Но на всякий случай надумали посидеть у соседей и попить чайку, немного переждать. Но всю ночь за чаем не высидишь — сосед все настойчивее зевал, показывая, что намеревается спать. Сергей с Вадиком

решились идти. Сергей попросил Вадика высунуть голову из подъезда на улицу — если и следят, то не за ним, так что, в отличие от Сергея, его точно не должны знать в лицо. Вадик поглядел в темный переулок и сказал:

— Все чисто.

Они сели в машину. Сергей повернул ключ в замке зажигания. Вадик посмотрел в зеркало заднего вида, побелел и прошептал то ли «бегут», то ли «берут». Сергей тоже глянул в зеркало и ужаснулся — как в каком-то голливудском боевике со всех сторон к ним бежали люди, они выскакивали из прежде казавшихся мертвыми машин с выключенными глазками сигнализаций, летели по склону, кто-то был в штатском, а кто-то в форме и с автоматом наперевес. Сергея с Вадиком положили на капот машину, заломив им руки.

— Документы есть? — пробасил коренастый человек с широким лицом, пересеченным наискосок белым шрамом.

У Сергея нашелся паспорт, а у Вадика его не было. Вадика отвели в спрятавшийся за пригорком милицейский автобус.

— Что происходит? — прошевелил пересохшими губами Сергей.

— Вызов о грабеже.

— Какой грабеж, у меня тут мастерская.

— Есть на нее документы? Покажи.

Документов не было.

— Есть ключи, — сказал Сергей. Он понимал, что слова про грабеж — это уловка, разыгранная комбинация, чтобы он отвел их внутрь, но это его не пугало — он же знал, что вчера они и так там были.

— Веди, — сказал человек со шрамом.

Поднялись по ступенькам. Люди с автоматами встали у дверей, остальные вошли внутрь. Несколько человек начали обыск, переворачивая все вверх дном. Документов и ордера никто из них не предъявлял.

— Вы кто? — поинтересовался Сергей.

— Госбезопасность, — ухмыльнулся Шрам.

Сергея затолкали на кухню. Туда вошли Шрам и еще двое — молодой, тихими манерами отдаленно напоминающий интеллигента, и спортивного вида бугай со злобным лицом. Состоялась такая беседа:

— Валентиныч, ты кто такой, чтобы вмешиваться в социальную политику государства? — обратился Молодой к Сергею по отчеству.

— Ну, я это... художник..., — ответил неуверенно Сергей.

— Художник, твою мать! А образование у тебя какое?

— Ну, это... разные...

— Разные! Мать твою, а какие конкретно?

— А что такое социальная политика?

— Валентиныч, твою мать! Ну, ты че тупишь-то! Чо тупого включил?

— Я, правда, не знаю...

— Валентиныч, ну хорош! Ты ж вроде все понял уже! Чего обратку даешь?

Сергей не знал, что сказать и сидел, потупившись. Молодой подпустил ближе Бугая. Поняв, что предстоит новый раунд, Сергей тяжело вздохнул и закинул ногу на ногу.

— Ты как сел-то? Сядь нормально, понял! — подключился к разговору Бугай.

— Ну, я же это у себя в мастерской... — ответил Сергей.

— Тебя хлопнуть, что ли? Ты чего не понял, что ли, как сидеть надо, а?

Сергей снял ногу и сел ровно.

Бугай потряс над носом Сергея какой-то тетрадкой. Открыл посередине и ткнул пальцем в карандашную картинку. Приглядевшись, Сергей узнал давние рисунки Фила.

— Что это?

— Ну, доктор.

— А это что у него на руке?

— Ну, перчатка медицинская.

— А надпись какая?

— Ты хочешь, чтобы твой сын пошел в менты? Лучше сделай аборт! — медленно прочитал вслух Сергей.

— А нарисовал кто?

— Не я.

— Не ты! Как вещи выносить — так ты, а как рисовать — сразу не ты! А это что?

Сергей с ужасом разглядывал следующую картинку и молчал.

— А я тебе скажу, что! Президент повешенный, вот что! И надпись: мистер президент!

— Ну, может, это американский президент.

Снова надвинулся Молодой:

— Валентиныч, ну ты чего опять тупишь-то? Снова тупого включил?

— Экстремист ты, вот ты кто, понял! Капец тебе, понял! — заорал Бугай.

— Ну, экстремизм, это еще доказать надо, — вяло ответил Сергей.

— Валентиныч, чего умняка давишь? — не унимался Молодой.

Сергей снова замолчал. Хотелось пить. В разговор вступил Шрам.

— Ну, смотри, я не такой злой, как мои коллеги. Давай поговорим, — примирительно начал он.

Сергей впервые за все время разговора поднял голову и посмотрел в лицо Шраму.

— Скажу тебе честно, — сказал тот, — нам ничего доказывать не придется. — У тебя есть всего два варианта. Первый — мы тебе подкидываем сейчас оружие или наркотики, и ты садишься лет на семь. Это первый. А второй — подписываешь сейчас бумагу о сотрудничестве. Это второй.

Сергей снова опустил голову. Спросил после паузы:

— А подумать можно?

— Нет. Подумать нельзя. Либо сейчас едем в отделение, либо подписываешь.

— Но это ж такое дело сложное... Мне бы подумать дня два.

— Нет. Либо едем, либо подписывай.

Неожиданно снова вступил Молодой:

— Валентиныч, а чего ты так часто в Китай мотаешь?

— Девушка у меня там.

— Тебе чего, там нравится?

— Да, нравится.

— А, может, ты шпион китайский? Может, ты на Китай работаешь?

Сергей молчал.

— Так мы тебе выезд быстро закроем. Не надейся в Китае полгода отсидеться! — отозвался Бугай.

Сергей забылся и снова попытался закинуть ногу на ногу.

— Ну, все, ты достал совсем уже. Я тебя хлопну сейчас! Тебе как сидеть сказано? — опять заорал Бугай.

— Ой, извините, забыл, устал просто, — забормотал, снимая ногу, Сергей.

— Ты чего, Валентиныч, на жалость бьешь? — сменил коллегу Молодой.

Бугай листал блокнот дальше:

— Ну, вы смотрите, это вообще капец! Тут бен Ладен какой-то! А тут милиционер с топором в голове! А тут чего? Стихи что ли? «Эта тема бесконечна, но жизнь не вечна, пора рубить головы с плеч, на!»

— Ну все, Валентиныч, доигрался ты! — заорал теперь и Молодой, вкрадчивый голос которого сменился на визгливый вопль.

Шрам продолжал настаивать:

— Будешь писать бумагу?

Сергей молчал, держась руками за голову. Все происходящее казалось сном, он уже перестал различать слова мучителей, их слова сливались в гул, колокольный звон, доносящийся откуда-то сбоку, а он парит птицей рядом, пытается отлететь в сторону, но тонкая нить, поводок, тянет его обратно, он хотел бы ее порвать, перегрызть, но не в силах, рот его зашит, и у него нет зубов, он нем, лишился языка, теперь он не птица, а та рыба, сом, которого поймал в детстве отец, когда они ходили по Волге в поход на байдарках, и отдал сестре, и сестра водила его на леске по лунке...

— Чего, сука, молчишь, совсем охренел? — крик Бугая вернул его обратно, Бугай неожиданно извлек пистолет из-под кофты и приставил его к виску Сергея, Молодой смеялся, а Шрам кричал:

— Хватит, не надо!

На кухню быстрыми шагами вошел новый человек, с чемоданчиком в руке. Все трое вытянулись по струнке. Новый сделал им знак головой, и они вышли в коридор. Новый сел на сколоченную ребятами скамейку напротив Сергея и тут же принялся орать.

— Что ты тут устроил! Перешел уже всякие грани! Сколько из-за тебя людей серьезных собралось!

— А что вы все на меня орете? Я уже ничего не понимаю.

Новый неожиданно быстро сменил тон:

— Ну, ладно, извини за фамильярность. Ты готов к разговору?

— В нормальном тоне — да.

— Вижу, что ты человек вменяемый. Короче, скажу, что мы о тебе гораздо больше знаем, чем ты о нас. К творчеству твоему давно уже приглядываемся. И в последнее время прямо видим, что ты скатываешься за грань. Вот и решили тебя остановить. Понял?

— Да.

— Ты совсем уже, как малыш, заигрался. Думал, взрослых нет, а мы тут, никуда не девались. Понял?

— Вроде понял, но...

— Что но?

— Не до конца как-то... В каком это смысле заигрался?

— А зачем вы видео про террориста этого сделали? Который по президенту из гранатомета хреначит? Это же явный перебор.

— Ну, это же не взаправду, там же лирический герой... — неуверенно запротестовал Сергей.

— Ну, мы-то с тобой люди умные, все понимаем. А вот молодежь не поймет, воспримет чего доброго как руководство к действию, — заключил Новый. — Потом еще эти митинги твои...

— А вам что больше не нравится, мое творчество или общественная деятельность? — неожиданно для себя самого осмелился спросить Сергей.

— А ты сам как думаешь? — ответил вопросом на вопрос Новый.

Сергей не знал, что сказать.

— Ты пойми, — продолжал Новый, — мы же вообще могли напустить скинхедов, они бы мастерскую

поггли, а тебя бы порезали. Но это же не наши методы, мы вот решили с тобой поговорить, это же хорошо?

— Ну, вроде хорошо.

— Вот ты посмотри, что происходит вокруг. Уже же все ясно. Дальше будет только хуже, я тебе скажу. А ты как ребенок, все за старое. Ты участвовал в этой выставке про цензуру, так ведь?

— Да.

— Ну вот, и не понял разве? Общество этой выставке вынесло приговор. Он, правда, оказался чуть мягче, чем мы рассчитывали, но по не зависящим от нас обстоятельствам. Но приговор все же был вынесен. Ты понял? При-го-вор.

— Я понял, приговор.

— Вот и молодец. Бумагу о сотрудничестве писать будешь?

— Ну, бумагу писать неохота, может, как-то устно?

— Ну, я-то тебя в отличие от своих коллег знаю. Ты тертый калач, так я и думал, что будешь выкручиваться, бумагу эту сразу не подпишешь. Кстати, я из другого ведомства — у них свои генералы, у меня свои. Хорошо, тогда пиши для начала другую бумагу. Я такой-то такой-то, обязуюсь в своем творчестве не заниматься экстремистской деятельностью.

Он вынул из чемодана и дал Сергею листочек. Тот, переведя дыхание, еще не веря своему счастью, принялся старательно писать. Закончив, протянул каракули Новому. Он убрал их в чемодан не глядя.

— Ну вот, что тебе еще скажу. Мастерской у тебя этой больше не будет. Но это не мы ее отбираем, это хозяева дома сами не захотят, так?

— Так.

— Ну, и раз ты встал на путь исправления, будем с тобой теперь регулярно встречаться. Может, со временем и ту, первую, бумагу напишешь, — он хохотнул.

Сергей попытался улыбнуться, но вместо улыбки лицо растянулось в какую-то вялую гримасу.

— У тебя когда выставка открывается?

— Через два дня коллективная будет, я там участвую.

— Ну вот, придем на выставку. Посмотрим. Ты только к нам не подходи, типа мы как будто не знакомы, понял?

Сергей кивнул:

— Понял. Скажите, а вот эскизы все изъяли, а как теперь с ними?

— А они тебе нужны?

— Пригодились бы.

— Ну, мы их посмотрим, поизучаем, а при следующей встрече, напомни, если они тебе нужны, вернем, хорошо?

— Угу.

— Ну, и самое главное.

— Что? — встревоженно спросил Сергей.

— Ты бы все-таки показал реально, на примере, что исправляешься!

— Как это?

— Ну, сделал бы первую выставку нормальную, чтобы нам понравилось!

— Это какую? Цветочки рисовать, что ли?

— Ну, зачем цветочки? Просто хорошую выставку. Например, про армию, про героев Чечни или Афганистана. Это так тебе, как подсказка, что ли.

Сергей и Новый долго и внимательно смотрели друг другу в лицо. Наконец Сергей кивнул.

— Ну, вот и хорошо. Теперь друга своего забирать можешь. Он все это время тебя в отделении дожидается.

На следующее утро Сергей встретился со знакомым адвокатом. Тот посоветовал ему немедленно сматывать из России — благо виза в Китай у него была, а Сяо может заказать ему билет через интернет, так что не надо светиться, идти в трансагентство. Вечером Сергей улетел.

XII

Сергей стоял на носу парома. Иравади медленно катила вперед свои воды между белых пологих берегов, поросших редким колючим кустарником. Позади был Китай, горная долина с низким небом, усыпанным звездами и с яркой луной, где посреди кипарисовых лесов уцелели пещеры с выдолбленными в них древними скульптурами Будд, каким-то чудом не разрушенными в годы культурной революции. Среди них резвились дикие обезьяны. Одна из них воровала бананы — дары, принесенные в жертву

богине Гуаньинь, полгода назад служители храма ее поймали и посадили в тесную клетку, которая стояла у входа в храм в назидание остальным сородичам обезьяны. Сердце Сергея жжалось, когда он встретился взглядом с ее грустными глазами. Дорога, проходившая здесь через горы, была остатком великого Шелкового пути, и, как и сто лет назад, по пятницам жители гор спускались с навьюченными товарами мулами на шумный рынок, где посреди гор мусора, овощей и фруктов сидели доктора, прямо здесь же оказывавшие неотложную врачебную помощь. Наклонившись надо ртом пожилого горца, стоматолог орудовал допотопными инструментами. Проходя мимо, Сергей, всю жизнь боявшийся зубной боли, приглядываться не стал, ему подумалось, что он наверняка сверлит зубы обычной дрелью и вырывает их плоскогубцами.

Потом был Вьетнам с затерянным среди гор городом Сапа, который находится выше облаков — они отделяют его от всей остальной планеты. Самые верхние из них стелятся под твоими ногами, и их можно потрогать рукой. По уступам гор лесенками вниз сбегают набухшие водой рисовые террасы цвета буйволиной кожи. Город лежит вокруг высокогорного озера, по берегам которого величественно прогуливаются, взявшись под руку, бритоголовые женщины в красных тюрбанах из племени красные дао и увешанные тяжелыми серьгами женщины в зеленых рубашках с малиновыми манжетами и воротниками, черных

шапках, черных куртках, черных портянках и черных юбках выше голых колен из племени черные хмонги.

За Вьетнамом последовал Лаос с зелеными змейками рек, которые вонзались в торчавшие тут и там из земли, словно редкие зубы старика, карстовые горы и выгрызали в них нутро со сталактитовыми пещерами. По этим подземным рекам можно было сплавляться на камере от автомобильного колеса, держась рукой за протянутую под пещерными сводами веревку. Тонкий луч фонарика выхватывал из тьмы очертания сталактитов, и они принимали форму слона, льва, дракона или другого животного. Иногда над головой проносилась, шелестя крыльями вспугнутая летучая мышь, из расщелины мокрого камня выскакивал громадный паук, пробежал по его изгибу и исчезал за углом, сливаясь с тьмой.

Иравади осторожно заворачивала налево. Впереди виднелась похожая на вытянутую тыкву золотая пагода Бупайя. Тысячу лет назад бирманский король Аноратха построил древнее королевство Баган, потом оно обезлюдело, ветры вымыли плодородную почву и намыли песок. Но среди полупустыни до сих пор уцелели две с лишним тысячи храмов. Самые известные из них посещаются туристами и охраняются живущими здесь семьями. Остальные одиноко стоят в тишине поодаль от основных дорог. Такого количества храмов вдоволь хватает на всех — можешь выбрать любой из них, посчитать его своим и проводить день за днем под сенью его крыши.

Три дня Сергей бороздил пески на велосипеде, пока не присмотрел себе собственный храм. В последний день он передвигался от храма к храму по совсем не проторенной тропке, колеса перестали крутиться. Сергей слез с седла и осмотрел их — в спущенные шины вонзились острые колючки, будто гвозди парней из далекого детства. Сергей взвалил велосипед на плечо и зашагал к храму. Теперь он вскарабкался по его стенке под самый шпиль и, сидя на жарких камнях, ожидал заката. Внизу во все стороны раскинулось море храмов, монастырей, пагод и ступ, приземистых и высоких, белых и красных, круглых и квадратных, уходящих вдаль до горизонта. «Какой-то инопланетный пейзаж, — думал Сергей, — только вот непонятно с какой планеты». Красный диск солнца садился за реку. На миг небо окрасилось в фиолетовые цвета, перед тем как стать сиреневым и тотчас же после погрузиться во мглу.

Сергей закрыл глаза. Он вспомнил, как много лет назад, в детстве, бежал из детского сада, подговорив на побег с собой подружку, жившую с ним в одном подъезде этажом ниже. Он вооружился пластмассовым мечом и детским автоматом и пообещал ее охранять. Ради чего они бежали? Сережа обещал ей все, что только мог обещать маленький рыцарь — неизведанные страны, хоббитов и эльфов, белоснежек и гномов, море и корабли. Они бежали все дальше и дальше по снегу, Сережа махал своим мечом, отпугивая воображаемых злобных троллей, но вокруг никого не

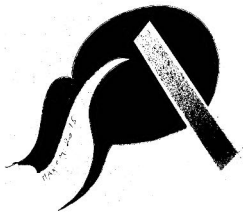
было, кроме спешивших с работы домой сумрачных служащих, не обращавших на них никакого внимания. Когда стемнело, он понял, что они заблудились, и ему стало страшно. Но он не мог признаться перед девочкой в своем поражении и продолжал бежать, держа ее за руку. Девочка хныкала. Наконец он выбился из сил, ему хотелось вернуться и найти их дом, но идти было некуда — все кирпичные дома брежневской застройки казались ему одинаковыми. Они уселись на скамейку у подъезда одного из них и потихоньку начали замерзать, когда их обнаружил гулявший с собаками пожилой житель этого подъезда и отвел в отделение милиции. Туда за ними приехал Сережин отец, успевший обзвонить все отделения милиции. Сердце Сережи испуганно забилося при виде разъяренного отцовского лица. Дома отец устроил хорошую порку, так что охота убежать у Сережи надолго отпала. Девочка из детского сада выросла и превратилась в женщину, родила дочку и все еще жила в том же доме. Сережа изредка сталкивался с ней в лифте или у дверей дома и здоровался, но они никогда не заговаривали друг с другом о детстве, да и вообще о жизни.

В тот раз он остановился, его побег прервали, он увенчался тупиком в виде отделения милиции. Сергей вспомнил сейчас еще более ранний случай из жизни, даже не случай, а просто картину, которая до сих пор отчетливо стояла у него перед глазами, наверное, это было самое первое воспоминание о себе. Тогда

еще все комнаты их трехкомнатной квартиры были смежными, отцовский кабинет и комнату сестры соединяла дверь, да и кабинет не был кабинетом — там жили отец и мама, он с сестрой — в комнате сестры, а бабушка спала в проходной гостиной. И вот он бежит по квартире, вытянув перед собой ручонки, и смеется непонятно чему, а на диване в гостиной в рядок сидят отец и все кого больше нет — бабушка, мама, сестра, и тоже смеются, смеются ему, а он бежит, и бежит, и бежит навстречу своей будущей жизни, но это бег из комнаты в комнату по бесконечному кругу.

Сейчас ему кажется, что он дышит воздухом свободы, вырвавшись за границы судьбы, но не бежит ли он по такому же кругу? Что, если впереди ничего нет, и его ждет такое же возвращение обратно? Сергей закрыл глаза. Ветер осыпал его песчинками, некоторые из них летели дальше, а другие застревали в его волосах, скатывались по лицу вниз, оседали на его ладонях. Одна из них попала ему в рот. Сергей ощутил ее кончиком языка. Приоткрыл губы, она выскользнула наружу. Сергей открыл глаза, огляделся. В наступившей мгле нельзя было различить даже пальцы рук, не то что ускользнувшую в никуда песчинку.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	007
Часть 1	023
Часть 2	217

Илья Фальковский
«Книга живых»

Редактор — Анна Чердниченко
Корректор — Валерия Куксова
Рисунки — Пахом
Макет, вёрстка — Пётр Каневский

Гарнитура CharterC

Живет и работает
Тираж 500 экз.